

Олег Тарасов

ПЯТНИЦКИЙ

Олег Тарасов Пятницкий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70025674

SelfPub; 2023

Аннотация

19 век. Сын священника из глухого села мечтает стать звездой оперной сцены. Но на пороге успеха судьба лишает юное дарование всех надежд. Несчастливая любовь приводит в клинику нервных болезней и к потере голоса. Сможет ли герой найти своё призвание и оставить имя в истории музыки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	54
Глава 10	70
Глава 11	75
Глава 12	78
Глава 13	85
Глава 14	91
Глава 14	98
Глава 15	109
Глава 16	116
Глава 17	119
Глава 18	130
Глава 19	137
Глава 20	142
Глава 21	144

Глава 21	152
Глава 22	163
Глава 22	173
Глава 23	182
Глава 24	189
Глава 25	203
Глава 26	213
Глава 27	218
Глава 28	225
Глава 29	234
Глава 30	238
Глава 31	245

Олег Тарасов

Пятницкий

Глава 1

5 января 1877 года. Воронеж.

Кутаясь в потёртый тулуп, надзиратель духовного училища Стенька Таиров вышел из своего флигеля и широкими шагами пересёк заснеженный двор бурсы.

Стенька спешил донести начальству новость: сегодня, под самое Рождество, затеяла баловство нечистая сила.

Колокола часовни Трёх святителей, сбивчиво зазвонили о конце вечерней службы. Привычно перекрестившись одним широким взмахом, он отметил, что новый дьяк вновь звонит невпопад.

Придержав малахай, задрал голову и посмотрел, как бесноватый ветер треплет скрипучий флюгер на крыше. Опустив взгляд пробубнил:

– Будет на завтра работы. Сам чёрт, прости Господи, буран зачинает под светлый праздник!

Метель, народившаяся в сером, словно застиранный утерник, небе, сулила к утру завалить Воронеж по самые ставни.

Ступеньки крыльца уже присыпаны снегом на палец. Прежде чем толкнуть дверь, пошевелил губами, произнеся

короткую молитву.

Скрюченные от лютого холода ветви клёна царапали окно, в котором сквозь намёрзший лёд желтел огонёк свечи.

Стенька аккуратно обмёл валенки. Мягко ступая, прошёл по тёмному коридору к учительской.

Инспектор училища, Иван Иванович Путилин, неловко примостился на краешке табурета, словно проходя мимо, присел на секунду. От неожиданного появления надзирателя вздрогнул. Поспешно захлопнул тетрадь, в которой старательно что-то записывал.

– Чего вам, Таиров? – он нервно пробежал пальцами по столу, стесняясь мальчишеского замешательства.

Надзиратель вытащил из кармана тулупа вдвое сложенную бумажку.

– Иван Иванович, извольте прочесть. Вот, сунули мне под дверь, покуда ходил ворота запирать. Тут до вашего интереса.

Стенька протянул записку.

Будучи много старше инспектора, закончившего семинарию лишь год назад, за глаза, величал его щенком желтопузым.

Но пехотный полк, в своё время, дал хорошую школу: инспектор есть инспектор, а его дело на службе знать звания и обращаться по чину.

Иван развернул листок, криво вырванный из ученической тетради. По почерку отметил, что писал кто-то из отстаю-

щих. Печатные буквы, прыгающие как воробьи на пасху, общали:

«Сей ночью, заблудший отрок возжелал ворожкой и дьявольскими молитвами вызвать чёрта на поклон. Список заклинаний будет при нём. Спаси нас Господь»!

Таиров заметил, что щеки у инспектора пошли красными пятнами, пальцы пробежали по краю стола.

Путилин, перечитал ещё раз. Задумался: «Дело не шуточное, даже если бурсаки надумали посмеяться над ним. А если вправду чёрта вызывать будут?»...

Иван Иванович попал на эту должность исключительно волей Господа. Оценками не блистал. Задолго до конца учения обозначилась его дорога не далее, как в дьяки. Но Господь, в лице старого отцовского приятеля, служившего в епархиальном управлении, определил его на весьма приличную для скромных лет должность.

«Если накануне Рождества удастся выловить чернокнижника в стенах божьего заведения, зритель непременно отметит старание, – думал он. – А если и шутка – разница не велика. Главное изловить кого, и показательно дать пример: при Путилине таких забав в училище не потерпят! Проявить себя тут решительно негде. И вот случай!»

Пальцы инспектора запрыгали по краю стола ещё быстрее. Повернулся к надзирателю застывшему по стойке «мирно».

В училище выправка была необязательна, но Стенька, не

изменяя привычке, держался по уставу.

– Таиров, через час будь наготове. Такие дела пресечь в корне. Жди у входа в классы.

– Как прикажете Иван Иванович. Буду как штык!

Ближе к полуночи Таиров стоял в сенях, в одной руке держа фонарь, а в другой хворостину, более походящую на палку.

В учебных заведениях давно запретили розги, но надзиратель, по старой памяти, держал запас, и иной раз грозил особо шkodливым бурсакам показать «с пылу горячих»

В приоткрытую дверь увидел, как Путилин, прислушавшись к происходящему в классе, махнул призывно рукой.

Стенька осторожно приблизился. Валенки оставляли влажные следы на выскобленном полу. Скрип досок под грузной фигурой, тонул в свисте метели горстями кидаемой в окна снег.

В эту минуту оба слышали странные звуки. Слов не разобрать. Невнятное бормотание быстро перешло в завывание.

– Вот оно! – прошептал инспектор, – Если кто и вызывает чёрта, то должно так!

Осенив себя крестным знамением, он рывком распахнул дверь в класс...

Глава 2

1 января 1877 года.

В воскресенье, за неделю до Рождества, бурсаки, не замеченные в лени и шалостях, имели право выходить в город.

Митрофан Пятницкий и его приятель Васька Горький, ученики первого класса Воронежского духовного училища, по окончании воскресной службы размеренно, на сколько хватало выдержки, спустились с паперти Покровского собора. Перекрестились и, не теряя благочинности, завернули на Большую Дворянскую.

Через секунду Митрофан толкнул приятеля в сугроб и, зачерпнув горсть мягкого, рассыпчатого снега швырнул вслед.

Видя, как Васька барахтается в искрящейся снежной муке, пытаясь лепить снежок, Митрофан закашлялся от смеха и колючего морозного воздуха.

Не дожидаясь мести, бросился бежать.

Зимнее студёное солнце, морозный воздух, сияющее небо – всё иное, чем во дворе училища.

Смотришь на белый свет через заиндевелое, мутное оконце в классе – скукота. Но тёплой ладонью прислоняешься к нему, и оттаял мир снаружи, где всё ярче, красочнее, веселее.

Мальчишки, вырвавшись в город, неслись вперёд, скользя, толкая друг друга в снег. Смеясь, увернулись от ямщи-

ка, норовившего протянуть кнутом, когда попробовали зацепиться за сани. Насбивали сосулек с низких крыш в переулке, где жались стареньки избы служивых людей. Чуть не поймали зазевавшегося в сугробах рыжего кота.

Швыдко проталкиваясь меж господских шуб и засаленных кафтанов мастеровых, Митрофан не ведал, что судьба именно сегодня развернёт его со столбового пути начертанного отцом, видевшим сына в духовном звании.

Добежав до угла Средне-Московской, остановились на миг. Осмотрелись. Ярмарка у постоянных дворов широка и полна.

Хоть до рождества говеть ещё неделю – прилавки ломаются, а народ роится по всей площади. Облачка пара из сотен ртов появляются и тут же тают в морозном воздухе. Лошади фырча, трясут мордами, стряхивая искры инея с лохматых ушей.

Собачонки, не ведающие поста, снуют у мясных рядов. На лету хватают кости, что кидают им сердобольные торговки.

Народ загодя закупается к Рождественскому столу.

Не скромным яствам: шматам сала, свиным ножкам и жирным гусям – придёт черёд через несколько дней. А пока они замороженными чурбачками развешены на перекладинах у лавок, чтобы хозяйки издали видели товар.

– Кипит! Кипит! Лей кубышка, не желей добришка! – кричат продавцы сбитня, разливая горячий, дымящийся напиток из чана, к которому подкидывают уголья тлеющего

рядом костерка.

Меж рядов прохаживаются бабы с большущими лотками. Лотки накрыты толстыми шальями. От них, на несколько шагов впереди, идёт густой, сытный запах горячего хлеба.

– Пи-ирогы с ка-артошечкой! Черепенники с по-остным маслицем!.. Только из печи!

Ребята, проголодавшиеся во время длинной воскресной службы, взяли черепенник – гречневый оладушек. Под шалью они вправду ещё не успели остыть. Разломив пополам стали аккуратно отщипывать тёплые кусочки и клали в рот, стараясь не уронить ни крошки.

Подбежавшей в надежде на поживу лохматой шавке, Митрофан серьёзно сообщил:

– Пост. Мяса сами не едим!

Та твякнула пару раз, обращаясь теперь к Сашке. Но тот тянул шею уже совсем в другую сторону. Туда где начинались ряды с новогодними игрушками, бенгальскими огнями и леденцами на палочках.

Там сновали компании городской ребятни, среди которой попадались товарищи из училища. Перед праздниками, те, кто ехал на каникулы домой, старались купить подарки близким. Скучные сбережения, хранимые с самого лета, тратились под рождество на конфеты, хлопушки, маски. На всё то, что в далёких сёлах губернии, почиталось их младшими братьями и сёстрами как редкие, невиданные сокровища. На расписные игрушки приходили смотреть соседские

ребятишки, угощались конфетами, и радовались блестящим обёрткам. Разглаживали их на коленях, рассматривали незамысловатые рисунки, смакуя в беззубых ртах мармеладки и карамель.

– Айда к Петрову в лавку, – предложил Васька. – У него, ребята гутарили, переводные картинки новые.

Заскочили в лавку. У купца Петрова, по моде, стоит ёлка. На ветках, покачиваются фарфоровые игрушки и стеклянные шары с позолотой, бог знает сколько стоящие.

Ребята остановились рассмотреть украшения. Ставить ёлки к празднику затеяли недавно. Раньше украшенные деревья появлялись только в лавках у немцев. Сейчас новый год стал отмечаться и воронежскими купцами оценившими, что чем боле праздников, тем охотнее до покупок народ.

Рассматривая ёлку, Митрофан размышлял вслух:

– Чудно у городских! Ведь ясно писано, лета зачинаются от Рождества Христова. Значит и новый год числится в день как Христос родился. Нихай бы хоть с 1 марта Новый год. Весной солнышко как заиграет, земля оснудась, всё в цвет идёт.

– В январе дюже чудно, – согласился Васька.

Разговору не дал хода приказчик, не любивший бездельно шатающихся по лавке.

– У нас правило простое: кто зашёл, тому рады – говори, что надо. Ничего не надо – глянь кратким сроком, да иди с Богом! Чего желают молодые люди? – приказчик вытащил

из стола пухлый конверт. – Ваши товарищи сегодня имели интерес к переводным картинкам. Новая партия из Петербурга. Есть дамы, цветы как обычно, и былинные богатыри. Богатырей осталось мало. Быстро разбирают. По 11 копеек за штуку.

Ребята переглянулись. Цена не малая, но новинка того стоит. Богатыри как живые, с мечами, в кольчугах и алых плащах.

Приобрели по картинке и, схоронив за пазуху, выскочили из лавки на морозный воздух.

В лавке у Федотова купили конфет, сахарных петухов на палочках, и оставалось ещё на бенгальские огни.

Ребята бежали дальше. Мимо бакалеи, трактира, булочной...

Глухой хруст примятого снега, и дух хлебной лавки колыхнули в памяти Митрофана вкус сухарей, которые он с братьями желубал дома на печи.

Захотелось, дунуть ветром над зябкими, пустынными степями, и в минуту оказаться дома, на тёплой печи. Хрустеть горячими, ломкими корками, которые мать собирала в мешочек, лежащий за грубкой. Гладить мягкого, мурлыкающего кота... Но каникул ждать ещё неделю. Когда дом, в котором не был полгода, так близко, неделя равна бесконечности.

Наконец нашли лавку с бенгальскими огнями. Начали рассчитывать в уме, сколько искристых минут радости можно позволить на оставшиеся монетки.

И тут, из чистого морозного воздуха, Митрофан ухватил ладный звенящий голос, плавными волнами скользящий меж торговых рядов.

Ещё не разбирая слов начал пробираться вперёд. Васька сразу понял, что повлекло друга. Все в бурсе знали о словах отца Ильи, предрекавших Пятницкому будущее «златого» голоса среди певчих кафедрального собора.

Любые песни давались ему легко. Как новорожденный телёнок, еле встав на ноги уже находит молоко матери, так и он, с первого раза верно брал мотив услышанный лишь намёком.

Ваське больше прочего нравилось, когда друг пел пасхальную «Да воскреснет Бог». Особенно место, где радостно вступают ангелы после жён мироносиц.

Уличный певец притулился между бакалейной лавкой и трактиром. Место щедрое. Народ снуёт живо, многие останавливаясь на минуту послушать, кидают медяки в раскрытый фанерный чемоданчик, лежащий на снегу.

Ребята стали рядом с притопывающим в такт песне краснолицым мужиком. Полы распахнутой волчьей шубы тяжело колыхались, подметая снег. Из приоткрытой двери кабака его напрасно окликали горластые приятели.

Кутаясь в серые пуховые платки, осыпанные блёсткими снежинками, остановились послушать несколько баб шедших со службы. Делая вид, что притопывают лишь из-за холода, косились в сторону. Стеснялись соседства хмельного

мужика, не чтущего пост.

Заячий малахай певца покрылся инеем от выходящего изо рта пара. Похлопывая руками в шерстяных варежках по полам полушубка, он закончил развесёлую плясовую и начал неслыханную, грустную песню про рябину.

Митрофан сразу понял: песня очень хороша. Слушал неотрывно, забыв про мороз и бенгальские огни.

Песни лились дальше всё интереснее, ни одной из них не завозили ещё в Воронеж. Певец увидев, что народу прибавилось, снял варежки и достал со дна чемоданчика несколько тонких книжечек.

Привычно, на распев продекламировал:

Еду из Москвы в Одессу с необычным интересом.

Песни разные пою и слова их продаю.

Налетай, почти задаром

Можно петь за самоваром, можно в свадьбу, именины

В сватовство и на родины!

А всего-то четвертак, это чуть ли не за так!

– Ничего себе за так! – пробурчал Васька. – За четвертак можно щи с мясом неделю хлебать!

– Ещё послушаем, – решил Митрофан, несмотря на холод, резво лезущий под его кафтанчик.

Васька не стал спорить, рассудительно подумав: «Певец, поди, не дубовый. Должно пойдёт скоро в кабак греться. Не грех послушать ещё немного».

А Митрофан ловил каждое слово. Он никогда не слышал

таких песен и уже представлял, как споёт их дома, в Александровке!

Всё время Митрофан мысленно подлаживался под мотив. Иногда подпевал тихонько, никому не слышно шевеля только губами, иногда просто напрягал связки в местах переката голоса.

Одно он сейчас знал точно – ему нужна эта книжка с песнями.

Митрофан, невыносимо стесняясь, подошёл к певцу чуть с боку.

Когда тот перестал петь, неловко, не зная с чего начать, дотронулся до его руки.

Тот обернулся, поправляя малахай и спросил:

– Чем могу служить, сударь?

Митрофана никогда ещё так не величали. Он растерялся окончательно. Во рту пересохло. Чуть собравшись, вытащил руку из кармана и протянул к певцу открытую ладонь. На ней лежали монетки.

– Сударь желает купить Песенник? Это всегда пожалуйста! Только тут шестнадцать копеек, а надобно двадцать пять.

Митрофан опустил голову.

– Да ты, похоже, немой! Может, тебе песенник не нужен вовсе?

Несколько человек, что не успели отойти, рассмеялись.

– Бреешь, ничего он не немой, сам ты с глушью! – вы-

крикнул Васька и тут же, на всякий случай отодвинулся назад, примеряясь дать дёру.

– Нашёлся заступник! Я тебе уши то сейчас надеру, – притворно рассердился певец и вновь обратился к Митрофану: – Ну, чего заробел? За шестнадцать копеек не продаётся!

– Что стоишь качаясь

Тонкая рябина...

В первое мгновение никто не понял, откуда идёт этот чистый голос. Мальчик стоял, наклонив голову, но с каждым пропетым словом поднимал её выше, и песня полетела, растворяясь вместе с облачками пара в наполненном жизнью воздухе воскресного утра.

Когда Митрофан закончил запомнившийся куплет то невольно зажмурился.

Гомон торговых рядов показался далёким и незначительным. Явственно, словно в тишине, услышал скрип саней, россыпь девичьего смеха в переулке и стук сердца. Открыл глаза... Показалось что редкие снежинки, медленно кочующие в безветренном воздухе, совсем остановились, то ли на долю секунды, то ли на целую вечность.

Возвращая положенный ход времени, вдалеке ударил колокол Покровской церкви. И тут же, совсем рядом, кто-то часто захлопал в ладоши. Митрофан догадался, что пока он пел, за его спиной остановились несколько человек. Обернуться не решился. Боязно.

В раскрытую ладонь, которую, забывшись, так и держал

перед собой, упали несколько монет. Меценатом оказался господин, в пальто с бобровым воротником. Натягивая перчатку, обратился к своей даме:

– Мальчик весьма талантлив.

– Просто чудо какое-то, – оживлённо закивала дама и оглянувшись улыбнулась Митрофану. Он, смутившись, опустил голову.

Певец не растерялся. Быстро пересыпав монеты с ладони в свой карман, сунул мальчику медяк и весело сказал:

– Будьте добры сдачу, и вот ваш песенник! А голос у тебя отличный... Пой на счастье себе и людям!

Заправив ремешки замка на чемоданчике, он улыбнулся ребятам. Радуясь удачному дню, направился к трактиру.

Глава 3

Оставшуюся неделю перед Рождеством в городе лютовал холод.

Днём декабрьское стылое солнце, не давая тепла светило в заиндевевшие окна. Ночами было слышно, как скрипуче ступая по слежавшемуся снегу ходит мороз. Зло, до трещин, схватывал деревянные наличники, и сухие старые брёвна в стенах изб. Глухо дышал, леденя воду в чёрных зевах колодцев. Искал щели в сенях, надувая снежные дорожки к утру.

Учение тоже шло с прохладцей, а то и вовсе застывало у доски недвижимыми «статуями» учеников, не знающих урока.

Зубрить латынь, когда с лета не был в родном доме, а до праздников можно считать часы, для многих не представлялось возможным.

Ничего из нужного не задерживалось в голове. Мысли скакали зигзагами, как зайцы по снежной степи: от арифметики к тёплой печи, с которой не надо вставать по звонку надзирателя, от печи к праздничному сытному столу в родном доме, от стола до ледяной горки с санками.

Пока прискачет мысль обратно, короткий зимний день выхолостит ветер принёсший ночь.

Для Митрофана ожидание каникул скрашивали новые песни. Поначалу он никому не показывал книжку. Прятал

её под армяком. Это было не сложно, в классах стоял холод. Печь топили с утра. Спасала она лишь до обеденной молитвы. На весь день положенного запаса дров не хватало, и потому разрешалось сидеть в верхней одежде.

Долго учить песни укрادкой не получилось. Митрофан, переписал большую часть книжки в отдельную тетрадку, которую решил подарить брату на Рождество. На титульном листе красным карандашом написал пару строк виданных на открытках в лавке Петрова: «Кого люблю – тому дарю. Люблю вечно – дарю сердечно».

Кто заметил его за переписью неведомо, но всё общежитие бурсы быстро прознало о тайном Песеннике. Вечером к нему подошёл Васька и сообщил:

– Митрош, ребята просят тебя песни попеть.

Когда надзиратель ушёл, для верности выждали час, и он впервые, во весь голос исполнил несколько новых песен.

Петь пришлось не по одному разу. Многие ребята подстраивались, запоминая слова, и скоро уже всё походило на небольшой хор.

Спать легли за полночь.

Глава 4

С утра, перед арифметикой, Митрофан с Васькой сидел на подоконнике перед классом.

– Дроби сегодня задавали. Учил? – спросил Митрофан, догадываясь об ответе.

– Нет, дюже добре, ещё и дроби. Батюшка наш говорит: Ангелы господни серчают, ежели кто в пост через меру думками полнится, да за работой гонится. Через это рука отсохнет, или могёшь умом тронуться, как Сенька-пастушок.

– Ну, тогда поджидай пескарика, – улыбнулся Митрофан.

Отец Илья, особо нерадивым ученикам, иной раз, шлёпал деревянной линейкой по загровку. Это у бурсаков называлось «выписать пескаря».

– Кубыть впервой. А может и пронесёт, – неуверенно ответил Васька.

Открыли книгу, пытаясь хоть немного уразуметь до начала урока, что за дроби такие рассыпаны по заданным страницам и не заметили, как тихонько к ним подошёл Никитка Прозоров.

– Митрош, я по делу. Дашь песни списать? Дюже охота попеть.

Митрофан, зная его страсть к песне, не удивился просьбе, но всё равно улыбнулся. Господь обделил Никитку и голосом, и слухом, но петь он любил с неутолимым желанием.

– На что, Никит? Тебе сам надзиратель запрещал петь, а то домовой пужается!

– А мне ещё дюжее хочется. Хочешь, я вместо этого тебе пряник дам? Не погребуй, Митрош. Хороший пряник.

– Вот это дело, – оживился Васька. – Покажи!

Пряник явился на свет из кармана Никиткиной поддёвки. Он хранился там с прошлой недели, когда его отпускали домой.

Васька взял, пощупал и громко постучал им по подоконнику.

– Экий калдабан! Митрош, берём?

Митрофану сделалось жалко Никитку. Так здоровому человеку становится жаль немощного, который не может познать радостей жизни.

– Да ладно, бери так. Только никому не показывай. Слово дай!

– Даю, истинный крест! – Прозоров с воодушевлением перекрестился три раза.

Но тут всполошился Васька

– Это как «бери так»? Человек своей волей дал! Всё, пряник типеря в сохранении у новых хозяев, – выпалил он и спешно сунул добычу в карман.

Митрофан опасался, что песенник может быть замечен фискалами или кем-то из преподавателей. Он слышал, как в прошлом году выгнали из училища лучшего певчего, Сашку Попова. Точно никто не знал в чем причина, но поговари-

вали, что пел в трактире за деньги. Училищный смотритель сказал тогда речь, из которой поняли, что слухи имели под собой почву.

Во гневе, он именовал все песни, кроме церковных, дьявольскими виршами, кои играют лишь в кабаках. Исполняют же их непременно черти, которые пляшут в головах пропойцев. Ребята потом долго обсуждали эту теорию.

Антон Кузнецов, из старших учеников, уверял что всё истинная правда. Батя его, через неделю запоя, орал, что черти его мутузят смертным боем. Алешка сам видел, как он их стряхивал с плечей и спины.

Ребята живо любопытствовали, как выглядят черти, но как на грех оказалось, что бесы были мелкие, и в тёмной хате трудно распознать их обличье.

Нашёлся и тот, кто видел, как из кабака, под вечер, выходил чёрт. Но этому уже не верили и подняли брехуна на смех. Все знали, что в кабак иной раз заворачивает Стенька Таиров, а он туда, где черти бывают, не ступил бы нипочем.

– Так гляди же Никитка, – еще раз упредил Митрофан отдавая тетрадку. – Схорони подале. В ночь спиши. Меня после классов заберёт брат, а завтра выедем домой. Я зайду утром – вернёшь.

На том и порешили. Только не заметили, как Петька из второго класса, проходя мимо углядел, что Митрофан передал тетрадку с песнями Никитке.

Спустя несколько минут после начала урока на «камчат-

ке» произошло совещание. Петька рассказывал приятелям:
– Точно видал, дал Никитке списать. До утра велел упр-
виться.

– Ну всё, теперь начнёт горлопанить! – Андрюха тихонько хохотнул. – И так от него спасу нету. Теперь вовсе сведёт в гроб вытьём, пока напоётся новых песен.

– Нихай бы Митроша пел, у него, отец Илья гутарит, голос – кубыть мёды из ангельских кущ текут. А этот...

– Никитке, поди, три ведмедя на ухах поплясали, да весь медок слизали! – продолжил Андрюха.

– А давай, – предложил второгодник Певнев, – сделаем вещь! Путилина на смех выставим и заодно Никитке не дадим списать!

Инспектора, который ушёл годами не так далеко от своих подопечных, обитатели «камчатки» ненавидели. Чувствовали наверняка, что не отмени указ розги, тот пользовал бы их без продыху. Бывало Путилин, втихаря, бил метровой линейкой самых докучливых из старших классов по голове, чтоб синяков видно не было. Жаловаться никто не пытался, потому как получали всё больше за дело, а возмись разбираться, то дойдёт до исключения. Но и ненависть к нему росла с каждым подобным случаем.

Певнев изложил план. На минуту приятели задумались.

– Никитке такое боком может выйти, – выразил общее сомнение Петька.

– Ничего не будет. У него отец купчина. Жертвует на учи-

лице щедро, со зрителем дружбу водит, – ответил Певнев.

– А на кой он тогда в училище пошёл, ежели из купцов?

– У него брат старший, должен за отцом дело взять. Правда он больше в кабаке на гармонике наяривает. Вот мать и говорит: «Вдруг и второй непутёвый будет? Отец, отдадим Никитушку по духовной линии. Придём в храм, а там сынок служит, хоть порадуется на старости лет» Это он сам сказывал.

– Ну, тогда так.

Записку написали печатными буквами. Певнев сам вылезался подкинуть её во флигель надзирателя.

Глава 5

Путилин, на всякий случай, держась одной рукой за крест, с силой толкнул дверь в келью. Стенка рванулся заглянуть ему через плечо, но в ту же секунду, услышав адский грохот, отпрянул за косяк. Он не страшился пальбы пушек во время Турецкой войны, но тут другой расклад.

«Бесовщина явление неподвластное простому мужику, – думал он. – А Путилин чин духовного учреждения, это самый его хлеб, иметь понятие на предмет усмирения нечистой силы».

Инспектор замер на пороге. На полу, среди поваленных лавок, кряхтя, ковырялся ученик Никита Прозоров. Секундой назад он топтался на столе. Видимо, представляя себя на сцене, крайне неудачно пытался воскресить в памяти мотив «По улице мостовой».

Когда распахнулась дверь, Никитка то ли хотел спрыгнуть, то ли просто потеряв равновесие, с испугу грохнулся на пол, повалив несколько лавок.

– Прозоров! Изволь сообщить, что здесь происходит? – возвысил голос инспектор. Бледность на его лице сменилась пунцовыми пятнами.

Пока Никита поднимался, Путилин успел подойти к парте, на которой лежали ученические тетради.

– Это что такое? – спросил он скорее для порядка, так

как, быстро пробежав глазами по строчкам уже понял, что перед ним не дьявольские заклинания.

– Песенник..., – Никитка начинал осознавать ужас происходящего. Если отец узнает, что он в училище распевал песни, то ему конец. Решат, что за старшим братом свернул на кривую дорожку, а там и до кабака рукой подать.

В дверях появился Таиров, помахивая палкой.

– Где взял, отвечай быстро! – повысил голос инспектор.

Подбородок мальчика дрогнул, и из глаз полились слёзы.

– Прошу вас. Иван Иванович, только не скажите отцу. Клянусь, всё сожгу и никогда больше не буду.

– Где взял эти кабацкие стишки? – напирал Путилин, хлопнув со всего маху об стол тетрадкой.

– Пятницкий дал, – Никитка упал на колени, утирая слёзы рукавом. – Не губите Иван Иваныч, не скажите отцу.

Путилин, ничего не говоря, присел за парту. Для вида начал листать тетрадь с переписанными песнями. Размышлял: «Ситуация для успеха предприятия вырисовывалась не выгодная. Прозоров сын купца, училищного благодетеля. Докладывать смотрителю – пустое. Ещё и неприятностью может обернуться такое рвение. А Пятницкий на роль смутилеля спокойствия не годился. Учился прилежно, и голос его особо выделял отец Илья. Но Песенник в наличии, распространение кабацких песен имеет место. Не говоря про шутников с запиской».

– Прозоров, кто знал, что ты тут будешь песни писать?

– Ей Богу, никому не сказывал, никто не знал, – и слёзы полились с новой силой.

«Как ни крути, но нужно дело довести до конца», – думал инспектор.

– Таиров, приведи Пятницкого.

– Так брат его сегодня на каникулы забрал...

– Он с братом на постоялом дворе ночует, у Затекина, – Никитка не знал уже что рассказать ещё, только бы не сообщали про него родителям. – Утром сулился за вещами зайти, и поедут домой.

– Прекрасно! Таиров, до утра ждать не будем. Идите на постоянный двор, приведите Пятницкого. Проведите осмотр вещей, тогда и решим что делать.

– Иван Иванович, – Таиров нахмурился и покосился на Никитку, – так ночь уже, метель содит как оглашенная! Можя погодим сегодня, а завтра утречком, спрохвала...

– Никаких спрохвала! Решим сейчас и дело с концом.

Стенька, не привыкший долго отпираться от приказа, глубоко вздохнул, и неспешно направился к сеням, на ходу помахивая палкой словно примеряясь, ударит какого-то невидимого врага.

Митрофан и его старший брат Николай, учитель Новосманской земской школы, расположились в меблированной комнате Затекинского постоялого двора.

За стеной, изредка вспыхивая азартным спором, тлела карточная игра. Нетрезвый голос в коридоре, трагически со-

скакивая на фальцет, нещадно ругал какую-то Зинку. Пришедший на шум управляющий, безуспешно грозил буяну городовым. Из трактира на первом этаже долетал урывками хлипкий, срывающийся рык дырявой гармони. Жизнь в постоянных текла привычным манером.

Николай попросил человека принести кипятку и баранок.

– Ну что братец, вырвался на свободу? – посмеивался через четверть часа старший, с удовольствием наблюдая как Митрофан жуёт мягкие баранки, запивая чаем со сладким запахом чабреца...

Николай помнил, какое это несравненное счастье, ехать на каникулы домой.

– Ты ешь, не отвлекайся, знаю, что скажешь. И добром завидую тебе.

– Почему завидуешь? – Митрофан приподнял брови, то ли от удивления, то ли жадно хлебнув горячего чая. – Разве тебе не радостно как мне?

– Радостно конечно. Но по-другому. Человек так устроен – сам растёт, а чувства высыхают.

– Как картошка? Она же к осени делается ядрёная, а лучёвья усыхают в труху, – пояснил Митрофан, удивившемуся брату.

Николай склонил голову чуть на бок и улыбнулся сравнению.

– Да, Митрош, именно так, как картошка. Вроде и есть в тебе чувства, только не поймёшь уже, это и правда сердце

заходится, или только голова велит тебе: это хорошо – радуйся. Или плачь, смотря, что по случаю выпадет.

– А это хорошо, ай плохо? – Митрофан секунду приостановил уничтожение баранок.

– Бог знает, братец. Может и хорошо. Кто бы вынес, кабы сердце за всё болело.

Николай полез в сумку, за табаком, и, закуривая папиросу, перевёл разговор на другое:

– Как твоё учение. Всё ли гладко?

– Да кубыть не тяжело даётся. И за голос отец Илья хвалил. Только как придёшь с классов, тоска берет.... Сколько раз думал, подберусь, и до дому бежать.

– Митрош, да сколько ты в училище? Неужто не обвыкся?
– удивился брат.

Мальчик пожал плечами и устался в пол. Чай остывал в блестящей глиняной кружке. Николай сделал глубокую затяжку крепким усманским самосадам.

– Ну, хорошо, а думал, что дома будешь делать? Гусей пасти? Сам братец понимаешь, к этому ремеслу ты всегда поспеешь. Как жизнь свою видишь?

Митрофан взял кружку, отпил немного. Задумавшись лишь чуть, решил поделиться:

– Сон мне приснился: стою я во дворце, и всё так кругом сверкает, что я чуть не ослеп. И голоса вокруг ангельские поют. Но не из Евангелия, а по-другому. Наши песни, как бабы играют. Кругом веселье, а мне вроде как боязно. Схо-

ронился за занавеху и стою. А голоса зовут: «Подойди». Я выглянул а там мира, видимо не видимо. И свет везде белый. Ангелы мне говорят: «Пой с нами». Набираю я воздуха, и запеть не успел, проснулся.

– И как же свой сон толкуешь? – Николай глядя на брата чуть улыбнулся и прищурил глаз.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Поди кто номером ошибся, – предположил Николай и пошёл открывать.

– Вечер добрый господин учитель, – начал говорить, появившейся в дверном проёме, Таиров, хитро мешая служебный, строгий тон с извиняющимися интонациями. – Извещаю вас, инспектор училища требует прибыть немедленно Митрофана Пятницкого.

– Соблаговолите объяснить что происходит, – Николая неожиданное появление надзирателя неприятно удивило.

– Приказ инспектора Путилина. Найдена запрещённая книжка. Непорядок имеется.... А также требуется осмотреть вещи.

– Да вы с ума сошли? Обыск желаете учинить? Какая ещё книжка?

– Господин Пятницкий, моё дело малое. Приказ есть приказ. А что к чему, может сразу и спросить у вашего брата? Чтоб не делать лишнего скандала.

Митрофан вскочил, чуть не опрокинув кружку с чаем. Николай обернулся.

– Митрофан, ты знаешь, про что он говорит?

– Да, это про песенник. Дал Никитке песни переписать.

– И что, – Николай опять обернулся к Таирову, – это запрещено?

Тот, глянув со вздохом куда-то в потолок, пожал плечами.

– Не могу знать. Велено досмотреть вещи и доставить в училище.

Николай понял, что быстрее будет окончить это дело без споров.

Он подошёл вплотную к Митрофану и тихо спросил:

– У тебя есть что-то запрещённое?

Митрофан не зная, что ответить всхлипнул.

– Доставай чемоданчик, – решил брат. – Что там у тебя в конце концов может быть?

Митрофан, дорожа руками начал открывать чемоданчик. Среди белья было несколько тетрадей и книг.

Таиров полистал первую попавшуюся книгу. Рассказы, картинки с мельницами и крестьянами, несколько песен.

– Песни опять, надо проверить. Заберём для осмотра инспектору.

– Это книга этнографа Максимова «Куль хлеба и его происхождения». Я подарил её брату, там нет ничего крамольного, – тщетно пытался объяснить Николай.

– И вот ещё, – надзиратель обнаружил книгу с витиеватой надписью «Песенник». – Это что?

Митрофан опустил голову.

– Забираем покуда, до выяснения, – Таиров засунул книжки за пазуху. – Прошу за мной.

Митрофан начал одеваться, будучи как во сне. Лицо горело. В голове билась мысль, что теперь он пропал.

Николай взял свой шарф и обмотал его вокруг поднятого воротника брата.

– Господин учитель, извиняйте, но по такой метели обратно я его не поведу. Утром заберёте своего виновника. Там может и инспектор вам чего напутствует.

Николай махнул рукой, понимая бесполезность споров.

Глава 6

Митрофан и Стенька вышли в город, которым уже полностью завладела снежная буря.

Весь день она позёмкой растекалась по гладким полям, промёрзшим логам и усынкам, подкрадываясь к окраинам. Сначала налетала одиночными порывами ледяного, мертвящего духа, который отдаётся у стариков в пояснице тягучей болью. К вечеру, собрав силы, метель со свистом влетела в город.

Всё, от Заставы до самых крайних домишек, стоящих вверх по реке, закружилось в непроглядном белом вихре.

У Митрофана, в отчаянии, появилась мысль, попытаться упросить надзирателя не показывайте Путилину Песенник. Поклясться, что больше не будет. Что угодно сказать. Но тут же осознал бессмысленность этого. Таиров, казалось, бубнил что-то под нос, и шагал не останавливаясь.

Валенки Митрофана начали черпать забивающий тропку снег. Пришлось пристроиться вслед за Стенькой, ступая в ширину его шага. Хоронясь от плотного ветра за огромную спину, идти стало чуть легче.

Даже самые неугомонные кобели забились глубже в будки и не думали яриться, когда они шли мимо купеческих домов. На всей улице не встретился ни один человек.

Ровно, шаг за шагом, Митрофан ступал в темнеющие на

свежем снегу следы Таирова, и мысли в голове завертелись как рой снежинок.

Привиделся залитый солнцем выгон перед домом в селе. Он с мамой сидит на лавочке, а по пыльной стёжке, мимо белёных изб крытых соломой и неровных стопок кизяков, идёт из церкви отец. Поднимает руку и машет им.

Митрофан вскакивает, бежит навстречу. Утыкается лицом в чёрное сукно рясы, приятно пахнущее ладаном. Вдруг всё померкло.

Стенька остановился, и Митрофан налетел на него, больно ткнувшись носом в заиндевелый тулуп.

Подошли к училищу. Таиров валенком разбросал снег у входа и, налегая плечом, сдвинул дубовую дверь.

Метель только вступила в силу, а двор училища уже основательно завалило. Мальчик услышал, как надзиратель выругался, обращаясь куда-то в темноту, но разобрать слов было невозможно.

Митрофану почудилось, что попал в крутящиеся жернова огромной мельницы, в тысячу раз больше той, где они с отцом мололи хлеб. На секунду потерял направление движения, задыхаясь в ледяной муке, но тут рука Таирова, прихватив его за воротник, закинула на порог. Дверь открылась, они вошли в сени. В нетопленном классе, потирая холодные руки, ждал Путилин.

– Доставил господин инспектор, – Таиров подтолкнул перед собой мальчика.

Устав ждать Иван Иванович не стал заходить издалека:

– Что Пятницкий, песенками занимаешься? Дважды два ещё не сложит, а уже по улице мостовой направился!? В кабак пойдёшь после училища служить? Объясни для моего понимания.

Митрофан почувствовал как щеки загорелись, а в коленях зашевелился холодок, того и гляди ноги подогнутся сами собой. Сказать ничего не мог, стоял опустив голову чтобы не замечали как затряслись губы. Едко защипало в глазах.

– Ну что молчишь? Нечего сказать? – продолжал Путилин. – Таиров, что дал осмотр вещей?

Слёзы потекли по пылающим щекам мальчика. Сейчас надзиратель достанет песенник и что начнётся, Бог знает. Митрофан закрыл лицо руками. Явиться домой под Рождество выгнанным из училища с позором... Что может быть страшнее?

– Господин инспектор, зазря ходили. Ничего не обнаружено.

– Это как ничего? – пальцы Путилина перестали постукивать по столу. – Пятницкий, откуда песни?

Митрофан только всхлипывал и не мог произнести ни слова, не веря, что Таиров пожалел его.

– Да будешь ты говорить или нет?! – инспектор, совсем озлившись ахнул ладонью по столу.

Вся история выходила пшиком, и признавать это было неприятно.

– Простите... сквозь слёзы еле слышно выговорил Митрофан.

– Вот тебе и всё! – Путилин от безысходности повернулся к надзирателю.

Тот с готовностью вставил своё мнение:

– Я человек простой, но с вашего позволения скажу: всё пошло под скос в тот год, как розгам выписали запрещение. Предмет простой, а без него решения делу нет, – веско заявил Таиров, довольный тем, что его теория о пагубности отмены розг, приобрела очередное верное доказательство.

Путилин, размышляя про себя, полностью соглашался с этим утверждением.

«Розги первое дело, и от них польза всесторонняя, – думал он. – Провинившийся получает ровно столько, на сколько в нем есть вины. Это суд истинно справедливый. Возьми что положено, покайся, и иди с Богом. Теперь же непонятно уразуметь бурсаку степень своей провинности и что ещё важнее – как искупить её.

Инспектор, делая вид, что читает каракули Прозорова, думал, что делать дальше.

Митрофан тихонько всхлипывал, внутренне немного ободрённый тем, что история поворачивается не самым худшим образом.

Иван Иванович достал из стола чистый лист и начал писать. Выводил не спеша, останавливаясь подумать над точностью изложения.

Таиров, заскучав, поковырял в печи кочергой. Тихонько потрескивая угольками, вяло шевельнулся проснувшийся огонь. В трубе глухо гудело от тяги буйствующего на улице ветра. Догорающая свеча зачатила чёрным дымком, напоминая, что время течёт за полночь.

Таиров решил поинтересоваться, нужен ли он ещё здесь или может отбыть в своё расположение. В эту минуту Путилин отложил перо. Запечатал письмо сургучом.

– Пятницкий, я написал письмо твоему отцу. Изложил поведение и порекомендовал меры. Он человек духовного звания, порядок знает. Без письменного ответа можешь не являться. Всё ясно?

– Да..., – прошептал Митрофан.

– Отец священник, уважаемый человек, но раз воспитал такого сына, пусть и наказывает самолично, – Путилин протянул ему конверт. – Всё, отправляйся в покои.

Мальчик развернулся и пошёл за Стенькой, который качая головой, и уже не спрашивая дозволений, направился к двери.

– Спасибо, – шепнул Митрофан, когда они поравнялись, выйдя из класса.

Таиров промолчал, даже не взглянув на мальчика.

Пурга металась по улице, от двора ко двору, подсыпала снега к завалинкам и воротам, но чувствовалось, что силы её на исходе. Тревожный вой дикого степного ветра всё чаще обрывался, цепляясь за крыши и маковки церквей.

Метель уходила за Заставу, в сторону Московской дороги.

Глава 6

15 января 1877 года. Александровка.

Ночь густо, с размахом, сыпанула яркие зёрнышки звёзд в захватывающее ледяной чернотой небо. Золотистая луковица луны, выкатившаяся над прудом, освещала всё село до самого дальней избы кузнеца мерцающей отрезанным ломтем чуть на отшибе.

Сугробы, кое-где напоздние на избы до самых крыш, подражая звёздному небу, вспыхивают серебряными россыпями снежинок. Горький, кизячный дымок курится из труб ровно в небо белыми, теряющимися в высоте, столбами. Между дворами сложным узором сплелись стёжки, связываясь в узелки у колодезных журавлей, местами заворачивая к аккуратно сложенным копёнкам, и теряясь в санном пути, пробитом через всю слободу. По разные стороны от него, тут и там, пятнают дорогу серые кучки золы. Но дальше, в полях, снег нетронутый никем, кроме зайцев, темнеет, растворяясь в ночном горизонте и только по звёздам можно определить, где начинается небо.

В избе Пятницких ложились спать. Мать, гремя чугунок, делала приготовления на утро, когда за окнами послышалась песня:

Что же не белые снежинки забелилися

А что же, забелелася

У старого борода

А под старым конь

Очень бур-лохмат...

В окошко коротко стукнули. Мать выглянула из-за печи.

– Митрош, куды опять? Не мал ли, кажный Божий день на улицы ходить?

Митрофан давно ждал условленного стука от Федьки, и, застёгивая поддёвку, сделал вид, будто в спешке не расслышал слов матери.

– Митрофан! – выглянул из-за занавехи отец. – С глушью штоль?

– Нет, батюшка. Федька зашёл, кличут к Ивановым на по-сиделки.

– Федька? Нашёл приятеля, поди, года на три тебя стари!
– опять вступила мать. – На што ты им там нужон?

Одевавшийся рядом брат Сергей вступился:

– Митроша поёт дюже хорошо. Все ему рады. Нихай сходит, батюшка, греха никакого нет.

– Кубыть это дело, в такие года всеми ночами песни играть? Что с него только будет!

– Женим поране, и всех делов! – рассмеялась старшая сестра Анна.

– Черти вас разжигают, с вашими гулянками! Чтоб не поздно.... А то мне вставать скотину убирать вчерась, а они заходят! Грех-то какой!

– Слыхал Митрофан? – подал голос отец. – Тебя в первую

голову касается. Завтра до свету встать. Не забыл? В учение ехать. Кончились гулянки.

– Помним, батюшка! – ответил за всех Сергей и мальчишки выскочили на двор.

Федька ждал их, притопывая валенками у ворот. Девки, стоящие чуть поодаль, как всегда развеселились, увидев Митрофана, который ещё не велик был годами ходить на посылки.

– Женишок любимый сызнова с нами!

– Чур не зариться! У вас на слободе, поди своих на кнут не перевешаешь, а Митроша нашенский!

– И не надобно! Нам бы послушать чудок, а там хоть пироги из него пеките!

Ой да веселитесь, мои подру...

Вы подруженьки, к нам весна.

Заиграла одна из девок. Остальные подхватили голос в голос:

Ой да к нам весна,

Скоро к нам придёт

Ой да солнце

Сгонит снег-мороз

Дошли до Федькиной избы. Дверь открылась, из сенцев хлынули клубы пара. Балалайка и гармонь были на месте. Кто-то уже заводил плясовую.

Ходики на белёной стене показывали второй час ночи. Нужно было собираться. Заканчивать не хотелось, но мно-

гие уже стали расходиться до своих дворов.

Каникулы заканчивались, а письмо Путилина отцу было не читано.

Митрофан, вспоминая о нем, засовывал руку во внутренний карман поддёвки и трогал гладкую казённую бумагу с шершавым шрамом сургуча. В эти минуты неразрешенность дела безжалостно проводила по сердцу куском льда, царапая и холодя неясным колючим страхом.

Каждый день перед сном он успокаивал самого себя, представляя, как отдаст письмо отцу и, придумывая, что скажет. Но сколько не выстраивал в мыслях разговор, конверт оставался закрытым.

Николая он Христом богом попросил не рассказывать отцу о происшествии с обыском. Брат, не зная о письме, посчитал, что дело закончено.

А детское сердце, в своей непознанной глубине, искало то, что невозможно ещё было представить даже в мечтах, немудрёных и недолговечных как снег, что стает в первую туманную оттепель.

– Ты не уснул ли, братец? – Федька пихнул в бок Митрофана.

– Уснёшь тут, – прошептал Митрофан себе под нос и начал одеваться.

– Что смурной? Девка какая должно смутила?

– Нет, накой мне девки, – мальчик покраснел.

– Сознавайся, а то был весел, а как домой идить, голову

свесил.

Митрофан подумав чуть, достал из-за пазухи письмо, которое всегда носил с собой.

– Не знаю как быть Федька. Вот письмо из училища, от инспектора отцу. Провинился я тама. Могут из училища погнать, ежели не сжалится надзиратель.

– А в письме что?

– Не глядел, печать на нём гербовая.

– Да не пужайся, дай прочтём. Я аккурат ножичком энту печать. Накалишь на свече, обратно приладишь, отец и не заметя. А заметя... семь бед один ответ!

Вскрыли письмо, и Митрофан прочитал его не шибко грамотному Федьке.

Тот внимательно слушал. В конце удивленно присвистнул и сказал:

– Вот диво! Видал как выкручивая!? Кабацкие песни ты брат, играешь! Грех из тебя требуя выбить нещадно.

У Митрофана навернулись слёзы. Отец никогда в жизни не бил его, а тут требовалось обязательно наказание.

– Что делать Федька?

– Дюже складно у твоёго иншпектора сказывается. Ажно самому захотелось тебе вожжей вложить – хохотнул приятель.

– Не до смеху мне, – прошептал Митрофан засовывая письмо обратно в конверт.

– Спали письмо и дело с концом! – Федька щёлкнул паль-

цами, изображая, как легко исчезнет это препятствие.

– Так мне тогда в училище нельзя воротиться.

– Ну, нет так нет. Я вот и не ездил ни в какую училищу. Живу себе в Александровке и не дюже жалею!

Такая ужасная и прекрасная в своей простоте мысль, уже приходила в голову Митрофану, но нет ничего страшнее, огорчения родителей. Трудно было и даже представить, что сказал бы на это отец.

Федька порешив что его дело сделано пошёл в сенцы. В дверях, теребя косу, его ждала Наталья с Зелениной слободы.

Митрофан, оставшись один, глядел на извивающееся пламя свечи пока не зарябило в глазах. С улицы еле слышно доносился девичий смех.

Сунув ноги в валенки, мальчик нацепил малахай и, проходя мимо печи, не глядя, сунул письмо в открытое поддувало. Бумага, упав в гаснущие угли, мгновенно полыхнула ярким оранжевым огнём. По пустой избе потёк запах плавящегося сургуча.

Глава 7

Поспать удалось лишь пару часов. Митрофан услышал как мать, клацая цаплюшкой, достала из печи сковороду.

Встал отец. Низко пробасил обращаясь к матери:

– Опять капаешься, затопляй уже, холод в избе!

Через минуту огонь занялся в печи, живо поедая лучины и отражаясь тусклым танцем на белёном потолке. Кизяки, положенные сушиться с вечера, быстро дали жар. Мать пихнула спящую Анну в бок.

– Вставай, невеста. Стряпаться пора.

– Встаю мамань..., – еле различимо слышался сонный голос.

– Брешет она мам, – проснувшийся Андрюшка свесил голову с печи. – Щас опять уснёт!

– Щенок! – мигом проснулась Анна. – Из люльки вчерась вылез, а голос даёт!

Митрофан сквозь сон улыбнулся, но тут же вспомнил про письмо, и холодок пробежал по телу.

По избе протянуло едким дымком разжижки. Пахло людским теплом, побелкой и молоком. Мать загремела, переставляя чугушки.

Отец, широко растворив дверь, вышел на двор. Морозный воздух на миг хлынул по полу, холодом ожигая голые ноги Анны, не успевшей натянуть валенки.

Пока убрали скотину начало светать. За утренними хлопотами никто не заметил, как Митрофан поманил брата Николая на лавку, в тёмном углу избы.

– Николка... ты скажи батюшке, что не поеду я боле в училище, – прошептал он еле слышно, не поднимая головы.

– Вот новость! С какой стати? Ты, братец, не проснулся ещё? – Николай взъерошил волосы мальчика, словно надеясь, что в голове от этой перемешки выпадет другая мысль.

– Не хочу я туда. Не поеду и всё.

– В чем причина? – брат начал понимать, что дело серьёзно и это не утренний каприз мальчика.

– Тяжко мне там. Дыхнуть разу нечем. Не поеду.

– Это всё из-за Песенника? Так я поговорю с инспектором, всё уладится.

– Я всё одно не поеду. Хоть убейте. Силой повезёте – сбегу.

Митрофан сел на лавку, отвернувшись в угол.

– Да... дела, – пробормотал Николай, закручивая сигарку.

Мать накрыла завтракать. В тусклом свете раннего январского утра на столе завиднелись горшки с молоком и гора пирогов с капустой.

Младшие уже попрыгали с печи и заняли места на лавках вокруг стола. Огонь в печи, вошел в силу и загудел приятным для слуха голосом.

Из-за занавехи вышла мать:

– Митроша, Николай, сколько вас ноне собирать? По углам забились, нос воротють, как свиньи Рявокины!

– Мать, тут дело у нас есть, отца кликни, – попросил Николай затягиваясь самокруткой.

– Чаво ишо удумали? Отец вон идё из амбара. Собрал вам в дорогу гостинец.

Слышно было, как отец топчется в сенцах, обивая снег с валенок.

Спустя полчаса пироги на столе так и лежали не тронутыми.

Андрюшка на всякий случай утёк подальше на печь, вместе с получившим затрещину котом, попавшимся под ногу отцу. Анна тихонько присела к окошку с иголкой и нитками, как будто самое время сейчас заплатить старый носок.

Потемневший лицом отец, перестав ходить по избе, присел, наконец, на лавку у стола. Вылив криком свой гнев, он никак не мог успокоиться. Грудь, раз за разом, подымалась и опускалась тяжелыми выдохами. В руках он зачем-то крутил деревянную щеколду, непонятно откуда взятую.

Мать засуетилась. Хотела было пойти вслед за Митрофаном, выскочившим в одной рубахе из избы. Следом за ним сразу вышел Николай.

– Сиди! – стукнул ладонью по лавке отец видя как мать накидывает тёплый платок. – Один пошёл, и ты ишо. Много чести этому шуталомному!

Не снимая пухового платка, она бессильно осела на табу-

ретку у двери. Тяжкая тишина разбавляемая лишь шорохом молчком пихающихся на печи детей тянулась не долго. В избу вернулся Николай.

– В сарай убежал. Сидит у яслей в соломе, – сообщил он, видя, что все повернулись в его сторону. Сестра не сдержавшись, всхлипнула.

– Отец, чего делать будем? – подняла голову мать.

– Нихай сидит хоть до Вербного! Не желает отца знать, может овца ему даст указ, как жить дале.

Николай присел на лавку, нащупал в кармане кисет, но понял, что табак закончился. Повертел в руке загодя заготовленную бумажку, спокойно, будто всё шло своим чередом, сказал:

– Характер Митрофана ты знаешь. Силком вязать прикажешь? Не лежит душа – заставлять грех. Бог знает как оно лучше. Будет желание, я его обучу, способности есть.

– У него должно желания проснулись гусей со свиньями пасти. Ломоносов, ты даве гутарил, с самого севера шёл за учением. А этого силком не спровадишь на всё готовое, – сказал отец и посмотрев на щеколду, со злостью швырнул её на подоконник.

– Кубыть грех, свиней то пасти, – вступилась мать, разглаживая уголки платка. – Небось не с ножиком на дорогу пойдёт.

– А в храме бы служил, – вновь с горечью возвысил голос отец. – Иль худо? Жизнь перед ним ложилася ровная и по-

чётная, лишь учишь. Какие черти, прости Господи, его обратали?

Николай плеснул в кружку холодного молока. Сделал несколько глотков с видимым удовольствием, стёр белые капли с усов.

– Надо ехать, отец. А на Митрошу не сердчай. Может и пожалеет он, а может другой путь ему Господь начертал. Неволить тут последнее дело.

Мать вздохнула и махнула рукой.

Догадавшись, что гроза прошла, с печки за пирогами слетел Андрюшка. Кот же, не понимая речи, пока лишь с опаской выглядывал, не решаясь спуститься.

– А ну, погоди, – остановила его сестра. – Погреть надо, остыли совсем.

Мать замахнулась утерником на нетерпеливого мальчишку. Отец, натянув малахай, не дожидаясь пирогов, ссутулившись, вышел во двор.

Глава 8

В молочном утреннем свете неспешно падали крупные пушистые хлопья. С каждой упавшей на землю снежинкой серая сонная туча теряла свою полноту, становясь тоньше и прозрачнее. Солнце уже угадывалось на востоке мутным белым пятном.

Снег задумчиво накрывал село, тишиной принося её с неведомой бесконечной высоты. Это была та самая обволакивающая тишина, которая не рушится от редких посторонних звуков, а впитывая их, становится глубже и плотнее.

Коротко, спросонья мукнул телёнок у соседей, заквахтали в катухе куры, скрипнули сани за воротами.

Митрофан вышел из сарая услышав, как возница хрипло прикрикнул, трогая коня. Вытерев слёзы, подошёл к плетню, оставляя за собой следы на только что выпавшем снегу.

Сани, в которых пустовало его место, обновляли ставший еле видимым путь вдоль слободы. Отец притулился с краю. Проехав чуть, соскочил у церкви.

Несколько баб вдалеке не спеша двигались к утренней службе.

Николай, оглянувшись, увидел брата и махнул рукой, то ли прощаясь, то ли веля скорее бежать в избу. Митрофан помахал в ответ. В дом не пошёл. Ёжась от холода, ступил из ворот.

Фигура отца в чёрной рясе оставалась, хорошо различима в снежной пелене.

Глядя как сани заворачивают у крайних изб в сторону станции, Митрофан высунул язык пытаясь поймать холодные хлопья. Как ни старался, ничего не почувствовал. Снежинки мгновенно исчезали, сгорая на горячем, влажном лице ещё не просохшем от слёз.

Сердце, не успев остыть, бойко стучало, но мысли текли спокойно и легко.

За много дней пути отсюда, шумят в клубящемся тумане громады каменных городов, удивляют белый свет сказочные царские дворцы, идут по широким мощёным улицам тысячи разных людей, не знающих о том, что в далёком заснеженном селе он сейчас думает о них.

Глядя вслед саням, превратившимся в еле различимую тёмную точку, Мальчик ощущал то легкое и светлое дыхание будущего, которое бывает только у детей.

Будущее, далёкое и неразличимое среди простой крестьянской жизни, пока не волновало его предчувствиями, и не будоражило невероятными мечтами.

Он глубоко вдыхал прохладную свежесть деревенского воздуха, наслаждаясь приятным, почти забытым чувством свободы в этом огромном мире.

Ударил благовест. Заколебались снежинки в воздухе, дрогнув от резкого звука. Где-то за селом вздохнул степной ветер, еле заметно шевельнув тонкие, обледенелые веточки

молодой березы прислонившейся к сараю.

Тишина начала таять, уносясь в высоту светлеющего неба вместе со звоном колоколов.

Митрофан улыбнулся. Тихонько, стараясь не спугнуть выглянувший в прореху между облаками краешек белого солнца, запел:

Чтой-то звон, да чтой-то звон

Да с нашей колокольни...

Глава 9

5 августа 1895 Воронеж.

– Митрофан Ефимович, отец Иоанн велит сей же час подняться к нему, – выпалил бурсак, просунув голову в дверь кабинета.

Пятницкий поднял взгляд от бумаг. Махнул рукой давая понять, что не задерживает. Коротко стриженная голова скрылась за дверью.

Встал из-за стола заваленного папками, амбарными книгами и листками с расписками. Потянулся. Поправил галстук и смахнул пыль с рукава. На всякий случай сунул под мышку отчёт над которым трудился с утра.

Шагая по лестнице к кабинету отца Иоанна догадывался, что, не смотря на запыхавшийся вид посыльного, особой срочности в его присутствии нет. В училище всё делалось без спешки. Затребованные им на прошедшей неделе бумаги доставили лишь через два дня, хотя архив находился на соседней улице.

Секретарь в приёмной кивнул на дверь кабинета. Значит можно войти без стука. Пятницкий устроился на должности эконома в училище недавно, но уже усвоил некоторые порядки.

Смотритель училища отец Иоанн (в миру Иван Иванович Путилин) пил чай из большой фарфоровой чашки. Ря-

дом стояла вазочка со смородиновым вареньем и корзинка со сдобными булками.

– Митрофан Ефимович! А я вас жду. Присоединяйтесь... – плавный жест указал в сторону самовара стоящего на столике у окна.

– Благодарю покорнейше, не откажусь, – Пятницкий пошёл к самовару и налил чай.

– Сегодня ознакомился с цифрами в отчёте, по тем годам, что вы откопали из архивов. Весьма полезные изыскания! Я очень вами доволен, – сказал Путилин с удовольствием макая кусок булки в густое, почти чёрное варенье.

– К сожалению, ваше Преподобие, многие документы, что я запрашивал в архиве епархии, по каким-то причинам мне не предоставляют.

– Не предоставляют – значит не надо. Занимайтесь теми отчётами что имеются. Всё и так отлично сходится. Не даром мне рекомендовали именно вас, – отец Иоанн отпил из кружки и, почмокав губами продолжил. – Весьма жаль Пятницкий, что в своё время вы забросили духовную стезю.

– Кесарю кесарево, как говорится....

– Не скажите, с вашими талантами по ведению дел, можно далеко пойти в нашем ведомстве. Духовное звание вам было бы сейчас весьма уместно.

– В детстве, ваше Преподобие, я полагал духовное звание подразумевает отрешённость от мирских материй, а не экономические исследования.

Отец Иоанн поставил чашку. С серьезным лицом поднял палец испачканный вареньем и произнёс:

– Неверно мыслишь. Изволь ответить: Как смогли бы мы исполнять своё благое духовное предназначение не имея крепкой материальной основы? – и не дожидаясь ответа хлопнул рукой по столу. – Дьявольская химера все разговоры о том, что дескать церковь должна быть без гроша, подобно праведникам! Да, в библейские времена бытовали иные положения относительно финансов. Но руководствуйся мы ими сейчас, церковь православная исчезла бы с лица земли! Поглотили бы её латиняне иль магометане. Они в этом вопросе не так щепетильны.

– Не смею спорить, будучи далёк от этих сфер, – решил притушить разгоравшуюся тему Пятницкий.

– Кстати, – отец Иоанн приподнял брови, будто мысль пришла ему в голову неожиданно. – Я не видел вас на воскресной службе. И на исповедь вы до сей поры не дошли.

– Нездоровилось эти дни, ваше Преподобие.

– Дай бог здоровья. А я, было, подумал, припоминая ваш детский побег из училища, что с тех пор прохладны к церкви стали. Не мудрено, сейчас у молодёжи в моде атеизм. А ведь несколько лет назад слова такого народ не знал. Невероятно представить было подобное!

– Откуда же, думаете, ветер дует? – Митрофан Ефимович догадался, что у зрителя есть своя версия, и услышать её всё равно придётся.

– Веяния сии от дурости исключительно. Ведь если чуть подумать... Веруй в Бога, и убытка точно не поимеешь. Сходить в церковь на службу – одно удовольствие. Отчего не верить? Ведь, ежели, есть Бог, вознаградит тебя сполна за веру.

– А если нет его, как утверждают нигилисты?

– Так не в этом суть! А вот как есть Он? Тут-то и развернется гиена огненная для всех ваших нигилистов, прости Господи! Вот же слово поганое...

– В логике вам не откажешь, ваше Преподобие! – улыбнулся Пятницкий.

– Не откажешь! – повеселел отец Иоанн. – Потому не понимаю я атеизма. Бессмысленное, и вредное учение, прежде всего для самих его приверженцев.

Дверь кабинета тихо скрипнула, и на пороге появился секретарь:

– Ваше Преподобие, инспектор Золотов, по известному вопросу вас дожидается...

– Обождёт, – рука отца Иоанна привычно нарисовала в воздухе широкий полукруг, означавший, что минуты не имеют значения в масштабах вечности и все вопросы могут решиться сами собой, одним лишь Божьим провидением.

– Я принёс сегодняшний отчёт. Не всё закончено, но большей частью суть ясна, – попытался вернуться к делам Пятницкий.

– Оставьте, я посмотрю. Заберёте утром у секретаря. По-

жалуй, на сегодня свободны... И вот ещё что – пальцы отца Иоанна пробежал по краю стола как по роялю – на днях в Епархии видел одного из моих учеников, отца Владимира. Получил назначение в настоятели Тихвино-Онуфриевского храма. Если мне не изменяет память, вы с ним земляки и учились в один год. Василий Горьковский в миру.

– Неужто Васька?! – улыбка невольно появилась на лице Митрофана. – Я не видел его с тех самых лет!

– Ну, теперь не Васька, а отец Владимир. Кандидат богословия, блестяще окончил Киевскую духовную академию, даром что из вашего уезда. Написал в весьма занимательный труд: «О брачном состоянии клириков». Поимел немалый резонанс своими суждениями.

Митрофан только качал головой. Не выходило представить, что эта краткая аттестация относится к тому самому Ваське, с которым дружил в далёком детстве.

– Непременно навещу его. Прямо сейчас зайду.

– Ну, вот и прекрасно, – отец Иоанн достал платок, и начал вытирать перепачканные вареньем руки оставляя тёмно-красные пятна на белом шёлке. – Надеюсь, ваша былая дружба возобновится. Дерзну предположить, что отец Владимир высоко поднимется. Общение с таким человеком никогда не помешает. А то и в училище его пригласите. Попьём чаю вместе!

Путилин не пленился встать и подойти к двери, проводить Митрофана. Всё в его поведении, включая нарочито

неспешную походку, демонстрировало подчинение Божьему промыслу. Но Пятницкий не почувствовал в этом внешнем спокойствии смиренного принятия бытия. Вспомнилось, как в тени плетня, хоронясь за лопухами, украдкой пробирался к курятнику соседский кот, высматривая писклявых, жёлтых как одуванчики цыплят.

Попрощавшись, почти бегом спустился по лестнице. Выйдя на улицу оглянулся. Новое училище, отстроенное несколько лет назад на Большой Дворянской, краснело ещё не потускневшим кирпичом. Солнце било в натёртые окна, блики слепили глаза. Митрофану показалось, что отец Иоанн смотрит ему вслед из окна своего кабинета.

Но прямо сейчас думать о словах зрителя решительно не хотелось.

По натопанной дорожке Митрофан спустился к Фабричному переулку. Вместо фабрики в сером, давно не знавшим ремонта доме, звавшемся в народе «полуротка» квартировали арестанты.

Напротив, молочно светился храм, греясь в последних лучах измаявшегося за день солнца. У паперти ходил вольно распоясавшийся мужик. Подойдя ближе, Пятницкий увидел в его руках ржавую тяпку, насаженную на новенький черенок, вырубленный, похоже, только что из растущих рядом кленов. Неразборчиво приговаривая что-то, он не шибко сноровисто рубил тяпкой бурьян, стоявший ближе к стенам полуротки.

– Бог в помощь, – Пятницкий пошевелил ногой толстые будылья поверженных сорняков, – Экие вымахали! Отец Владимир велел порядок наводить?

Мужик повернулся на голос, и с охотой взяв перерыв в работе ответил:

– Спасибо на добром слове. Да, истинно отец Владимир велели. А вы никак к нему? По приходскому делу, аль по личному?

– Верно, к нему. На месте? – ответил Митрофан, не вдаваясь в подробности.

– Нету на месте, отошёл батюшка по важному делу.

– Это какому же важному?

– У его преподобия иных дел не бывает окромя важных. Знать в Епархию вызвали, – мужик почесал бороду и немного подумав, добавил: – А, может статься, в ресторации кофий пьют. Придётся вам погодить час другой.

Ждать Пятницкий не стал. Самому тоже не мешало не только кофею попить, но и перекусить после работы. Присев на порог паперти, написал короткую записку, предлагая встретиться вечером у реки, на старых мостках близ яхт-клуба.

Он любил гулять там на закате. Ребяшня разбегалась по домам, устав с визгом прыгать со склизких, чёрных досок в реку и можно было вдоволь насладиться успокаивающей вечерней тишиной.

Оставив записку мужичку, с наказом непременно пере-

дать отцу Владимиру, Митрофан пошёл по переулку к себе на квартиру. Через несколько минут подошёл к увитой хмелем деревянной калитке. Дом вдовы полковника Сутормина, где он снимал комнатку с отдельным входом, широко раздался в разные стороны мелкими пристройками. В них обитала разномастная публика, начиная от учителя гимназии и заканчивая парой девушек неясного рода занятий.

Вдова сидела в любимом кресле на балконе второго этажа. Щедро отмерянные судьбой годы она проживала, наблюдая за течением реки и жизнью постояльцев. Вида с балкона вполне хватало для наполнения разговоров с Катериной, женщиной средних лет, приходившейся ей дальней родственницей. Она же выполняла роль экономки, служанки и кухарки. Поручик Рукавишников, живущий через стену с Пятницким, подвыпив, утверждал, что никакая она не родственница, а беглая каторжанка. Митрофан вполне допускал это, услышав однажды вечером, как Катерина, готовя ужин, тихонько напевала под нос:

Как настанет весна, как окончится срок

По лесам по лугам я пойду

Там где кедры шумят, там где пташки поют

Вольну волюшку в поле найду.

Митрофан задрал голову, поздоровался с вдовой и быстро, избегая лишних разговоров, двинулся на кухню.

Ужин обычно просил подать в свою комнату. Вид на реку хуже чем с балкона, но всё же главное достоинство небога-

того жилища.

На этот раз похлебал щей прямо на кухонном столе. От чая отказался, не смотря на ворчание Катерины.

Заскочил в комнату. Переменив сюртук на косоворотку, отправился к реке.

Разомлевший в тяжелой жаре шумный город затихал вместе с закатом. Солнце, устав отдавать свой жар тающим летним дням, начало хорониться за тонкими, рваными облаками. Впитывая в себя всю палитру красного, они сгорали на горизонте, так и не превратившись в переполненные влагой грозовые тучи. Прохлада речной змейкой живо скользила по крутым стёжкам вверх, к распахнутым окнам. Каменные дома, уставшие от дневной духоты, казалось, задышали, шевеля тонкими занавесками.

У берега пахнет рыбой и мокрым деревом. Скрип вёсел разносится ветерком, еле заметно волнующим, рыжеватую в свете заката, рябь реки. На пристани несколько раз звонко ударил молот. Звук легко прокатился над водой и утонул в плеске волн замирающих в редкой осоке.

Митрофан подошёл к мосткам. Их переделывали не раз с тех пор, как он купался тут в детстве. Обломки, натасканные с лесопилки, сгрудились на опорах из почерневших дубовых стволов, глубоко ушедших в прибрежное дно. Чуть поодаль кто-то соорудил подобие лавки из бревна, лежавшего ранее в основании избы. Днём ребяташки раскладывали на нём свою одежду, вечерами сидели компании девчат и парней.

Он любил смотреть на изящные лодки яхт-клуба, спешащие на ночную стоянку у цейхгауза или широкие, сонные баржи с зерном. Мысли катились лёгким прозрачным потоком. Такие моменты бывали, когда солнце медленно уходило за крыши домов на холме, а молодёжь высыпала на гуляния.

Митрофан присел. Почувствовал дневное тепло дерева ещё не украденное влажным дыханием реки. В избах, на другом берегу, начали загораться тусклые огоньки. У моста живо запрыгало оранжевое пламя костра, щедро подкормленное сухим хворостом. Рыбаки готовят уху.

Сумерки бережно задули истлевший августовский день тёплым, принесённым из степей ветром.

Васька не шёл. Митрофан оглянулся на тропинку, ведущую с улицы к реке. Ночь быстро стирала очертания домов на холме. Блеснули первые звёзды.

Присмотревшись, у каменной пристани заметил фигуру девушки в белом платье. Заметил и не отводил взгляд. Само появление одинокой дамы в такое время было необычным. Лица рассмотреть невозможно. Странные, порывистые движения делали её похожей на берёзу, ветви которой ломает буран. Показалось, девушка задыхается. Качаясь как пьяная, она попыталась разорвать платье, словно оно душило её.

Он поднялся, чувствуя неладное. Девушка, ещё раз безуспешно рванув ворот, упала на колени. Осталась так, покачиваясь, словно молится. Вдруг резко поднявшись подалась вперёд. Несколько быстрых шагов и белое платье исчезло в

текучем мраке реки. Глухой всплеск лишь на мгновение нарушил тишину.

Митрофан побежал к пристани. На ходу скинул ботинки. В темноте не раздавалось ни звука. Она исчезла мгновенно, без следа, как камень, брошенный в воду обиженным ребёнком. Подбежал к месту, где только что стояла девушка. На секунду замер. Сделав еще несколько шагов прыгнул в воду дальше по течению. Нырнул на удачу. В слепую, широко двигая руками, добрался до дна. Пальцы скользнули по холодным щупальцам водорослей. Ничего. Рубаха сковывала движения и казалась тяжелой как кольчуга. Не обращая на это внимания искал, продолжая загребать руками в разные стороны. В легких появилось жжение. Черный туман начал накрывать сознание. Рванул вверх, уже не будучи уверен, что верх именно там. Почти задохнувшись, вырвался из затягивающей тьмы реки на волю. Воздух наполнил лёгкие. Жадные глотки его закружили голову. Перед глазами запрыгали звёзды и огни города. Девушка исчезла.

Постарался быстро набрать побольше воздуха, и захлебнулся. Вода затекла в нос и горло. Судорожно дергая руками и ногами, попытался продышаться. Слишком долго пробыл под водой. Резко накатила тошнота со вкусом речной воды. Когда, наконец, собрал силы для следующего захода, совсем рядом услышал всплеск и булькающий звук. Над водой появилась и тут же исчезла голова.

Резко развернувшись, сделал гребок правой рукой, а ле-

вой, успел схватить за волосы уже шедшую на дно девушку.

Не пытаясь вытащить её голову наружу, рванул к берегу. Холодная вода мгновенно стала густой как кисель. Несколько гребков к берегу отняли оставшиеся силы, но он знал, что через несколько секунд почувствует дно. Как только смог встать, с силой потащил за волосы. Голова появилась над водой.

Ухватив под руки, без труда выволок девушку на траву. Удивился худобе и лёгкости тела. Даже мокрое платье не сильно утяжелило её.

Почувствовав головокружение, чуть не упал рядом со спасённой.

– Позвольте..., – неожиданно из темноты появился мужчина и мягко отодвинул замешкавшегося Митрофана. – Я знаю что делать.

Сноровисто подтащив девушку к бревну, положил животом на ствол. Голова свесилась вниз. Ритмичными движениями он начал нажимать на спину. Почти сразу изо рта толчками потекла речная вода. А через несколько секунд она закашляла.

Для Митрофана эти секунды текли медленно. Он не думал, откуда взялся мужчина. Просто не мешал ему, видя как тот уверенно действует. Присев рядом взял руку девушки. Пальцы, вначале холодные и вялые, с каждым толчком кашля напрягались. Ногти впились в ладонь. Он не отдёргнул руку, чувствуя радость в этой боли.

«Спас! Она будет жить!»! – гулко стучало в висках волнами накативших эмоций.

Прокашлявшись, девушка сползла с бревна и обхватив колени упала на бок. Несколько секунд лежала неподвижно и вдруг затряслась всем телом. Захлёбываясь в рыданиях начала тихонько подвывать как маленький побитый зверёк.

Митрофан склонился над ней и начал гладить по голове, приговаривая:

– Успокойтесь милая, всё образуется. Вы живы. Теперь всё будет хорошо.

Понятия не имея, что будет хорошо, хотел хоть что-то говорить. Он чувствовал, что успокаивает не смысл слов, а интонация, ощущение, что есть кто-то рядом. Ведь случается подобное только от одиночества, казалось ему. Ни один человек не бросится в омут, если есть кому погладить по голове и сказать, что всё будет хорошо.

Девушка потихоньку стихла, лишь всхлипывая и изредка вздрагивая.

– Вы её знаете? – с любопытством спросил незнакомец, устроившись на бревне.

Митрофан оглянулся. В наступившей темноте черт лица не разобрать. Аккуратная борода, пиджак модного кроя и блеснувшие лаком ботинки. Интонация и поза такие, словно ничего не произошло и этот фронт минимум раза три в неделю откачивает утопленниц.

– Позвольте узнать ваше имя и... спасибо, вы спасли ей

жизнь..., – Митрофан смутился, боясь, что вышло пафосно.

– С удовольствием представлюсь, но вначале рискну угадать ваше. Митрофан?

– Да. Митрофан..., – Пятницкий еще раз всмотрелся в незнакомца. – Васька, ты?

– Можно и Васька, – рассмеялся мужчина. – Но давай обнимемся позже. Нужно решить как быть с девушкой.

– Я не знаком с ней. Ждал тебя, а она вот... Упала в воду...

– И ты её спас! Я, как помнишь, даже плаваю так себе.

Митрофан улыбнулся, вспомнив как подтрунивал над Васькой в детстве, дразня за неумение плавать. Повернувшись к девушке спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Она попыталась ответить, но кашель сбил слова. Девушка вновь тихонько зарыдала.

– Барышня, – Василий встал с бревна и наклонился над ней, – давайте определимся с нашим ближайшим будущим. Я так понимаю, вы гуляли на ночь глядя, и случайно упали в реку, а этот молодой человек героически спас вас. А раз я немного помог ему, то теперь мы оба в ответе за вашу дальнейшую жизнь. У вас есть дом?

Девушка подняла голову. Митрофану показалось, что она уловила только про дом.

– Да.... Я живу тут. Недалеко... на Петровской, – девушка всхлипнула, и провела рукой по мокрым волосам.

– Как вас зовут? – спросил Пятницкий.

– Валя.

– Прекрасно Валентина, – Василий поднялся. – Вы можете идти? Мы проводим вас домой. Разумеется, если вы больше не собираетесь купаться. В конце концов, хотя мой друг вполне годится на роль Левко, ночь сегодня не майская.

– Кто вы? – девушка попыталась встать, опираясь на руку Митрофана.

– Отец Владимир. Настоятель Тихвино-Онуфриевского храма, в коем непременно жду вас, так как что-то мне подсказывает, вам есть в чем покаяться. Не удивляйтесь моему наряду, я иногда выхожу в город инкогнито, узнать, чем дышит паства. Только это тайна, храните её. Ну а человек, на руку которого вы опираетесь, просто ваш спаситель. Представьте, мой друг

– Митрофан Пятницкий. Счетовод... уже недели две.

– И, надеюсь, прекрасны певец, как и прежде, – добавил Василий.

Девушка опустила глаза на мокрое платье, облепившее хрупкую фигуру. Даже в темноте было видно, что ил и песок превратили его в тряпку.

Митрофан попытался стряхнуть налипшую грязь.

– Нет-нет, не надо. Платье нужно выбросить, – неожиданно твердо и без всякого сожаления сказала девушка.

– Надеюсь, вы не собираетесь его выбрасывать прямо сейчас. Давайте лучше выдвигаться, разумеется если вы силах, –

невозмутимо произнёс Василий.

Опираясь на руку Митрофана, девушка сделал несколько шагов. Василий подошел с другой стороны и так втроём они пошли по тропинке, ведущей в город.

Через несколько минут поднялись на Петровскую. Из-за бревенчатого дома на них выскочил пожилой мужчина с фонарём в руках. Увидев Валентину, он остановился тяжело дыша. Ноги его слегка подкосились, будто на плечи закинули невидимый груз.

– Папочка, прости... прошептала Валентина и, рыдая, бросилась ему на шею.

Глава 10

Спустя час друзья сидели за столиком ресторана на Большой дворянской. По дороге Митрофан зашел к себе и переоделся, натянув обратно строгий сюртук.

Город, затихший на окраинах, не собирался засыпать в центре. Кафе и рестораны открыли двери настежь, впуская вечернюю прохладу. Барышни и кавалеры гуляют, наслаждаясь последними днями лета. По главной улице, раскатывают коляски.

Из дешевого трактира на углу слышна скрипка. У памятника Петру, где на широких лавках собирается молодёжь, сыплет по клавишам гармонист. Выводит что-то не наше, волнующее чужими, непривычными, как во французских романах, чувствами.

Потихоньку размешивая кофе, Митрофан слушал Ваську. Мысленно поправляя себя, старался думать о нём как об отце Владимире.

– Наверняка несчастная любовь. Из-за чего ещё может барышня пойти топиться. Ну, ничего, вот придёт на исповедь, все расскажет, а я потом тебе передам со всеми подробностями.

Пятницкий, приоткрыв рот, на секунду замер от такого неожиданного поворота. Лицо Василия оставалось серьёзным, но смеющиеся глаза выдали его.

– Шутки у тебя..., – Митрофан толкнул друга в плечо и оба рассмеялись.

– Неужто поверил? Считаешь, если стал отцом Владимиром, теперь должен псалмы день и ночь исполнять? Нет, брат. Священник такой же человек, можно и пошутить иной раз. В киевской семинарии мы такие кунштюки откалывали! Сейчас страшно рассказать. Я с тех пор и считаю, скучно на свете жить, без улыбки. когда всё скромно. Это грех немалый, по моим представлениям. Но не об этом сейчас. Как у тебя жизнь текла, расскажи скорее.

Пятницкий улыбнулся:

– С тобой не сравнюсь! Хвастать пока нечем. Как малость подрос, поехал в сестре в Бродовое. Там муж её столяром работал. Взял меня в ученики. Руку набил, могу хоть табурет, хоть стол сделать. Потом брат взял к себе. Он учителем в Усмани работает. Подтянул меня хорошо. Сдал экзамен за курс гимназии. Подрабатывал в разных ипостасях. А два года назад сам аттестовался на учителя.

– Так это же прекрасно! Семья? Дети?

– А вот этого не нашёл.

– Да как же так?

– Сватался ещё в Бродовом. Девушка была хорошая, и чувства были. Но отец её отказал на отрез. Я не держу на него зла. Что ему с такого зятя. Ни кола, ни двора, как говорится. Дело прошлое. И сейчас не до семьи. Иной раз себе на обед не хватает. Какие уж тут дети.

– Так, говоришь, на учителя аттестовался?

– Место есть для меня лишь в земских школах. В Воронежскую гимназию без протекции не устроиться.

– Отчего не желаешь в село? Должность уважаемая и доход иной раз не менее чем в городе.

Митрофан отпил кофе и поставил чашку. Наклонил голову чуть на бок, раздумывая над ответом.

– Так и не скажешь, одним словом. Помнишь, голос был у меня в детстве? Я его не растратил и только не вздумай смеяться – хочу петь. У нас есть маленький кружок. Исполняем оперные арии. Но дело не в этом, – Митрофан начал крутить в руках кофейную ложку. – К нам в город заезжал с гастролями сам Образцов. Я, разумеется, был пленён его искусством. И, не спрашивай, чего мне это стоило, попал к нему на приём. Исполнил арию из Сусанина. И он аплодировал мне. Сказал, что есть несомненный талант. Это чудеснейший человек большой души, он дал мне несколько уроков. Совершенно бесплатно! То, что он мне показал, чему научил, просто на вес золота, и с той поры, я не могу думать ни о чём другом.

– Вот это история! В Киеве я был на выступлении Образцова. Несомненный гений, – заинтересовался Василий. – И что же далее?

– Хочу отправиться в Москву. Попробую поступить в консерваторию.

– Дело не шуточное... Чувствуешь силу на это?

– Чувствую! – Митрофан сидевший, чуть сгорбившись над столом, откинулся на спинку стула. – Поеду обязательно, а там как Бог даст!

– И что же ждёшь? Почему ещё не поехал? Ты ведь, прости, уже несколько вышел из возраста студента.

Митрофан расстроено махнул рукой:

– Легко сказать. Надо будет на что-то жить, хотя бы первое время. Москва требует денег. Коплю потихоньку, но пока совсем не достаточно. Последний год работал учителем на дому у сына председателя городской счётной палаты. Он меня отметил и рекомендовал на должность счетовода в наше духовное училище.

– К твоему любимому отцу Иоанну! – усмехнулся Василий.

– Да, мир тесен так, что иной раз не протолкнёшься, – грустно улыбнулся в ответ Пятницкий. – Но он отнёсся ко мне тепло, с расположением. Хотя я чувствую в нем что-то скрытое. Всегда ощущаю, что он как бы не договаривает.

– Я встречал его на днях в епархии.

– Знаю, это он мне и сказал где тебя найти. Предлагает устроить совместное чаепитие.

– Неужто? – Василий приподнял бровь и чуть склонил голову в задумчивости. – Путилин, как мне кажется, просто так ничего не делает.

– Мне и самому так кажется. Но что ему может быть нужно от тебя?

– Я наведу справки. Ведь в среде духовенства, как ты, может, догадываешься, свои течения... Ты брат, далёк от всей этой политики, а я же, напротив, приял её как данность. Возможно поведаю тебе со временем много занимательного.

– Не уверен, хочу ли знать об этом.

– Тем лучше, – Василий поставил на стол пустую чашку, и поднял руку подзывая официанта.

Они расплатились. Не спеша пошли по улице. Большая дворянская изменилась с тех пор как они мальчишками бегали по воскресеньям на рынок к постоянным дворам Шуклина.

Два и сами дворы на Сенной площади назывались теперь по-другому. Время меняло город так же быстро, как и детей, что стали взрослыми, серьёзными людьми.

Глава 11

На обед Пятницкий брал из дома, что бог пошлёт. Часто Катерина заворачивала ему с утра в льняной утерник самую разнообразную снедь. Сегодня это был кусок пирога с яблоками, оставшийся от ужина вдовы.

Последние дни он не переставал думать о происшествии на реке. Отщипывая кусочки сдобы, и запивая остывшим чаем, думал: кто была эта Валя, что заставило её броситься в реку...

С её отцом не поговорили. Тот сразу увёл дочь. Но Воронеж город маленький. При желании можно выяснить кто она. Он уже давно прикидывал, у кого разузнать о таинственной девушке. Единственно не мог придумать, как преподнести свой интерес.

После обеда в кабинет постучал посыльный, и думать стало без надобности. Из записки Митрофан узнал, что ужинать сегодня будет не дома. Василий писал: отец Валентины пришел самолично в храм и сердечно благодарил за спасение дочери. Пожертвовал изрядную сумму церкви. Непременно звал на ужин.

После такой новости работа шла из рук вон. Митрофан несколько раз перечитывал записку. Мыслями возвращался в тот необычный вечер. Рассматривая почти зажившую царапину на ладони от её ногтей, думал, как там будет на ужи-

не.

С трудом высидев положенное присутствие, отправился к Тихвино-Онуфриевскому храму.

Недалеко от входа увидел людей. Среди них стоял отец Владимир и на этот раз выглядел именно так как положено настоятелю одной из старейших церквей города. В тени клёна, с блеклыми, выжженными летним солнцем листьями его приятель беседовал с прихожанами. Митрофан решил не мешать. Встал у стены полуротки, наблюдая за разговором. Внимавшие настоятелю, старались не пропустить ни одного слова и долго не отпускали, задавая вопросы.

Митрофан вспомнил слова отца Иоанна прочившего высокий полёт молодому священнику.

Только спустя, не менее, получаса, отец Владимир распрощался с паствой и подошел к Пятницкому.

– Ну что, спаситель готов принимать почести? – он находился в отличном настроении.

– Да какие почести...

– Какие? Да уж поверь, брат, я в самых ярких красках расписал, как ты отважно действовал. Не отвертись!

Митрофану показалось что лицо начинает краснеть. А они еще даже не пришли на ужин.

– Напрасно ты это. Там много отваги не требовалось. Всякий смог бы.

– Всякий, да не всякий! Ты не робей. Отец у неё приятный господин. Некто Семенов. Я о нем уже справился. В

казённой палате начальником отделения пребывает. Выслу-
жил пряжку в петлице, не шутка, сам понимаешь. Кстати, он
настоятельно просил не упоминать о нашем происшествии.
Для девушки эта история не очень прилична.

– А что за история? Он не сказал, отчего так вышло?

– Нет. Причину мы не обсуждали, и, думаю, не будем.

– Да-да. Разумеется..., – Пятницкий осёкся, мысленно
кляня себя за глупое любопытство.

Глава 12

Подошли к дому Семёновых. Небольшой, кирпичный особняк в один этаж. Вокруг яблони и кусты смородины под окнами.

Хозяин ждал у калитки. Отец Владимир представил Пятницкого. Пошли к дому по чисто подметённой, выложенной камнем дорожке.

Артемий Иванович Семёнов входил в почтенный возраст, но не привык еще ощущать себя пожилым человеком. На короткой дорожке до дома, когда пытался попасть в ногу с молодыми людьми, дыхание предательски сбилось, то ли от волнения, то ли от появившейся недавно грузности тела.

Занимая достойную должность в казённой палате, он не был человеком властным и чрезмерно серьезным. Возможно, оттого и не сделал карьеру еще большую, к которой всё располагало. Митрофан заметил, что на его чуть обрюзгшем от любви к наливкам лице проскальзывало некоторое замешательство. Было ясно, что расстраивает неоднозначность повода, но искренняя радость от приёма гостей искупала это впечатление. В конце концов, не каждый день в гости приходит настоятель храма. Радушная улыбка играла на лице, пробиваясь меж пышных усов и старомодных бакенбардов. Немного суетясь, он растворил двери перед гостями, широким жестом приглашая в гостиную.

За накрытым столом восседала жена Артемия Ивановича и тёща. Их представили.

Анфиса Петровна, вторя половина хозяина, напомнила городского, который стоял на Большой Дворянской, когда приятели еще учились в бурсе. Строгое, несколько вытянутое лицо, губы плотно сжатые как створки кошелька, выправка достойная гвардейца. Не хватало усов. Молодые люди переглянулись. По взгляду показалось, что отец Владимир тоже вспомнил про городского, но вида не подал.

«Сухая, – так сказали бы о ней в селе, подумал Митрофан. – Сухая как стебель подсолнуха глубокой осенью».

В противоположность ей, пухленькая, улыбающаяся старушка, Марфа Аркадьевна, внешне скорее походила на мать Семенова, а не на тещу.

– Дорогая, – развел руками Артемий Иванович. – А где же Валентина?

– Я схожу за ней, – поднялась из-за стола Анфиса Петровна и указала на стулья. – Присаживайтесь господа.

Митрофан и отец Владимир сели напротив оставшейся в одиночестве за столом тещи.

Осмотрев их, старушка остановила взгляд на золотом кресте отца Владимира. Недолго думая, прошамкала беззубым ртом на удивление внятно:

– Батюшка, высокопреподобный отец, неужто и венчание одним днём? Ведь вы Валеньку сватать пришли?

– Мама! – и так не бледное лицо Артемия Семеновича

сделалось цвета малиновой настойки. – Что вы такое говорите. Лучше помолчать бы вам сейчас.

– С какой стати мне молчать? Я еще из ума не выжила, вижу, что вы тут затеяли!

– Я вас умоляю! Вам же всё объяснили.

– А я не дура. Вас насквозь вижу. Но жених неплох, – старушка посмотрела на Пятницкого. – Хоть верно и не самых знатных кровей.

Семёнов закатил глаза, и видимо решил зайти с припасённого козыря:

– Мама, ежели вы не оставите своих фантазий, я буду вынужден позвать Алкида.

Старушка ничего не ответила, но так резко вскинула руку для крестного знамения, что Митрофан вздрогнул от неожиданности.

– Я прошу прощения господи, – Артемий Иванович, прихватил со столика у комода бутылку и начал её откупоривать. – У мамы иной раз некая путаница в мысленных материях, но в общем понимании она чувствует себя очень даже прекрасно. Разрешите, для аппетита, настоечки можжевельной? Весьма рекомендую! Поднимает духовные силы несказанно!

Он живо разлил содержимое бутылки по стаканчикам и поднял тост:

– Благодарю вас господин Пятницкий, благодарю ваше высокопреподобие! Дай вам Бог здоровья и процветания!

В гостиную вошла хозяйка с дочерью. Митрофан увидел их когда опрокидывал стаканчик. Встал, приветствуя дам.

Можжевеловая крепко полыхнула в горле. Вместо приветствия неожиданно вырвалось хриплое мычание. Предательски увлажнились глаза.

Пришлось, не поднимая головы, просто поклониться. С облегчением опустившись на стул, заметил, что девушка села напротив него. Когда Митрофан поднял взгляд, обжигающая настойка обернулась студёной водой. В лицо дунуло жаром как из загнетки раскалённой печи. Она в упор рассматривала его.

В другом случае он сразу отвел бы взгляд. Но не в этот раз. На мгновение почувствовал себя птицей, севшей на веточку и ненароком увязшей в сладкой вишнёвой смоле. Оторваться не было сил. Взмолился, чтобы она первой отвела глаза в сторону, в то же время совершенно не желал этого.

Понял, в темноте совсем не разглядел её, и не узнал бы при других обстоятельствах. Золотистые локоны, будучи мокрыми, показались тогда гораздо темнее. Строгость бледного лица с чуть вздернутым носиком, смягчали легкомысленные веснушки, рассыпанные по щекам. Но смотрящие на него в упор большие темно-карие глаза затмевали всё. Митрофан не мог складно думать, но ясно ощутил – именно этот взгляд сохранится в нём на долгие годы.

Выручил отец Владимир, в несвойственной ему манере неловко задевший локтем бокал. Звонко ударившись о пар-

кет, он разлетелся, брызнув множеством осколков. Инцидент замяли при посредстве служанки, появившейся с веником так быстро, будто она ждала за шторами, когда произойдёт подобный конфуз. Сразу же подоспевший второй тост, разумеется, прозвучал: «На счастье!»

Друг и далее удивлял. С непонятно откуда взявшейся осведомлённостью затеял беседу о делах казённой палаты и городских сплетнях, без труда направив всё внимание на свою персону. В беседе участвовала и Анфиса Петровна, польщенная изысканным комплиментом её уму, непринуждённо проскочившим в словах отца Владимира. Времени между горячими закусками и вторыми блюдами ему с лихвой хватило, чтобы без труда обаять всю семью остротой ума и лёгкостью общения.

Митрофан изредка вставлял свои суждения, когда приятель сам вовлекал его в беседу. В мыслях же, был занят лишь тем, что боялся выдать интерес к девушке сидевшей рядом и не находя лучшего, скрывал это с помощью еды. Пробуя подряд все блюда, делал вид, что находится в восторге. Хотя вкуса еды даже не замечал и с трудом мог потом вспомнить, что подавали на том ужине. Хозяин стола не забывал подливать свои волшебные, по его словам, настойки.

Отправляя в рот кусочек за кусочком, ложку за ложкой он видимо несколько увлёкся. Старушка, наблюдавшая за ним, толкнула в бок внучку, и, подмигнув видом знатока, сообщила:

– А на еду хорош!

Митрофан чуть не подавился. Заметив, что девушка едва заметно улыбнулась, покраснел. Благо разговор продолжился далее без заминок.

Вскоре подали чай и десерт.

– Отведайте пирожных, господа, – радушно угощал Артемий Иванович. – Мы нарочно заказали их к сегодняшнему ужину у Бланже.

– В Воронеже никто не делает пирожных лучше, – заявила Анфиса Петровна тоном председателя комиссии оценивающей десерты.

– Восхитительно! – принялся нахваливать эклеры отец Владимир. – Непременно зайду к этому Бланже. Завтра же!

Митрофан заметил, что Валентина впервые за время ужина что-то ела. Прочие блюда, поданные до этого, она лишь ковыряла для вида. Пирожные, несомненно, были отличные, но он уже не мог скушать ни кусочка.

Ужин подошёл к концу. Распрощавшись с дамами, молодые люди в сопровождении хозяина вышли в прихожую, где их ждал поднос с очередной настойкой. Митрофан безропотно махнул ещё один стаканчик и неуверенной походкой вышел из дома в прохладный вечер, пахнувший антоновскими яблоками.

Отец Владимир задержался, душевно прощаясь с Артемием Ивановичем, в десятый раз, обещая непременно зайти ещё. Митрофан остановился у резного заборчика усадьбы.

Увидел, как в крайнем левом окне дома появился свет. За закрытыми шторами разглядеть ничего нельзя, но скорее всего там комната Вали.

Голова кружилась от выпитого. Стараясь не обращать на это внимания, глубоко вдыхал приятный свежий воздух. Состояние, когда земля уходит из-под ног, представлялось естественным и единственно возможным сейчас.

– Валя, – прошептал Митрофан. Имя показалось нежным и сладким.

Всё происходящее виделось ясным и правильным как никогда. Свет её окна, звёзды, слегка дрожавшие в чёрном небе, запах спелых яблок, еле различимый гудок ночного поезда, тихий скрип калитки...

Сердце горячим живым существом заполнило всю грудь и рвалось дальше, на волю. Хотелось петь во весь голос. Он с трудом сдержал себя, полагая это не приличным сейчас. Задрав голову начал искать ковш. Одна из звёзд, чиркнув по краю неба, упала в воду за мостом. Голова опять закружилась. Пришлось ухватиться за забор. Загадать желание не успел. Улыбнулся, представляя, как выглядит со стороны. Твердо решил подкараулить следующую звезду и в этот раз непременно успеть со своим желанием. Как на зло, звезда, у которой хотел просить быстрее увидеть Валу, не хотела падать.

В тот вечер Митрофан ещё не знал, что встретятся они не скоро.

Глава 13

Говорила сыну мать:

«Не водись с ворами,

А то в каторгу пойдешь,

Скован кандалами.

Услышав знакомый мотив, Митрофан уцепился за него как точку опоры.

«Поёт Катерина. Открыто окно и слышно её пение с кухни. Он у себя. Это хорошо. Вчера Васька... отец Владимир, довёл его до калитки. Ужин... Ужин прошел наверное хорошо».

Так и было. Чудесные настойки Артемия Ивановича проявили себя в полной мере лишь, когда он вышел на свежий воздух.

И дадут тебе халат

С желтыми тузами,

Обольешься тогда, сын,

Горькими слезами.

Поведут тебя по всей

Матушке-Рассее,

Сбреют волосы тебе

Вплоть до самой шеи.

Он медленно присел на койке. Скрип неприятно резанул слух. Голова не болела, но в ней ощущалось тошнотворное гулкое движение. Похоже на то, как пересыпаются пуды пыльного зерна, из мешка в каменные жернова: шершаво, душно тяжеловесно. Захотелось пить. Сухой язык бесполезно шевельнулся во рту. Мутило, пришлось снова лечь. Полежал пару минут. Почувствовав, что в голове стало тише, встал.

Графин с водой на тумбочке пуст. Нужно идти на кухню. Двигаться не хотелось, и он замер слушая Катерину.

Собирались мы на сход

Промеж нас читаем,

А купчина-мирод

Проходил случаем.

Он уряднику донес,

Что мы взбунтовались;

Нас отправили в тюрьму,

Чтоб не собирались.

А как вышел из тюрьмы,

Так побил купчину.

В суд обжаловал меня,

И послал в чужбину.

Подошёл к зеркалу. Пятернёй причесал разбросанную во все стороны шевелюру. Толку от этого оказалось мало. Взглядом поискал гребенку. Повернув голову, почувствовал, как в ней опять противно зашуршало. Поспешил выйти на свежий воздух.

На углу, у тропинки во двор, стояла старая пузатая кадушка. В дождливую погоду она наполнялась сама, а жаркими днями Катерина доливала из колодца, не давая рассыхаться, поросшим зелёным налётом, дощечкам. Митрофан с удовольствием окунул в неё голову. Несколько раз плеснул в лицо затхлой, стоячей водой. Из глубины, желая познакомиться, вынырнула любопытная лягушка. Но Митрофан уже направился к открытой двери кухни.

Вместо приветствия Катерина протянула полотенце:

– Утерник возьми, течёт с тебя. И вот, выпей, – она протянула глиняный горшок с холодным белым квасом.

Только отпив несколько больших глотков и уняв сушь в горле, он смог говорить.

– Как же хорошо... Спасибо тебе. Немного перебрал вчера...

– Да я видала, кто провожал тебя. Ноне батюшки вином поить стали?

– Нет, – Митрофану стало ужасно стыдно. – Он тут не при чем. В гости ходил. Хозяин был добр на выпивку. Не давал продыху.

– Семёнов поди?

Митрофан поднял удивлённый взгляд на женщину.

– Чего тарацишься? Я всё знаю. И как дочь его из реки вытянул, знаю.

– Откуда? Кто тебе сказал? – глаза Пятницкого стали ещё больше.

– Одна баба на базаре сказала.

– Какая ещё баба?

– А я уж и не помню. Гутарили бабы на базаре, дескать, видели неделю назад, в сумерках, дочь его провожали с реки два молодца. Все мокрые, в грязи да тине. В тот день я тебя и заметила, когда приходил одёжу сменять со своим батюшкой.

Митрофан лишь головой покачал. Никакие тайны невозможны были в этом городке. Не удержавшись, спросил:

– Может, знаешь отчего она в реку бросилась?

– А чего тут не знать... Купчишке молодому девка приглянулась. Сам он, слышала, из Петербурга. А там кто знает... По своей торговле тут промышлял. Поиграл с ней лето, да и был таков. Дело молодое, известное. А у ней, видать, любовь да гордость выиграла. Вот и вышло... греха теперь родителям не оберёшься. Не говоря уж об ей самой.

В голове прояснилось и разом перестало мутить. Только заныло теперь то ли в сердце, то ли ещё глубже, поди разбери.

«Она влюблена», – разлилась полынной горечью мысль. Да, они с Василием так и предполагали, и все же неожиданно тяжело легла на душу эта новость.

Катерина тем временем потихоньку запела себе под нос и отошла к печи.

Решив отвлечься от грустных мыслей, Митрофан спросил:

– Что ты поёшь? Я слышал сейчас. Это не наших краёв песня.

Помешивая почти готовые щи ответила:

– Это песня самых дальних краёв. Узнала её в Тобольске.

«А ведь верно поручик определил. Не иначе на каторге была», – подумал Пятницкий не найдясь что сказать на такое признание.

– Что же не пытаешь дале? Небось, ваше благородие уже доложил, что я с каторги бежала? – грустно улыбаясь, спро-

сила она.

– Признаться слышал от него. Но поручик был не трезв.

– Да и что, он ить трезвым, поди раз в год бывает, – сказала Катерина, вытирая руки о фартук. – Ладно, лучше щи горячие похлебай – сейчас они тебе самое мёд!

Щи Катерины действительно несколько поправили горькое настроение Митрофана. Он решил привести себя в порядок и прогуляться у реки.

Глава 14

Сентябрь, с первых же дней, натащив холодных тяжёлых туч, заявился с противными тягучими дождями. Ветра, как очумелые собаки, трепали редкие деревья на Большой Дворянской, без труда срывая высушенные солнцем листья. А само солнце отдыхало в далёких краях, который день не являясь в Воронеже. Утопающий в лужах город притих в ожидании бабьего лета.

Пятницкий, отбывая присутствие, часами смотрел в окно рабочего кабинета. Омытое дождями, влажное стекло, с прилипшими клочками растерзанных ветром кленовых листьев, стало для него магическим шаром. В нем, который день, он безуспешно пытался разглядеть своё будущее.

Окно спасало. Иначе безделье и скука напрочь изгрызли бы его существование. Отец Иоанн совсем позабыл о наличии в штате Митрофана Ефимовича, не поручая ничего сверх обычной рутинной работы по хозяйственным делам училища. С этим он справлялся за пару часов. Остальное время размышлял, глядя как редкие прохожие двигаются мудрёными путями меж луж, уворачиваясь от повозок разбрызгивающих грязь во все стороны.

Несколько дней назад мысли относительно Вали рассыпались как листья с отчётами из его рук, когда узнал, что она уехала из города.

Новость сообщил отец Владимир, уже не раз за последнее время заходивший к зрителю. Анфиса Петровна с мамой и дочерью отбыли в Кисловодск, и намереваются там провести зиму. А скучающий Артемий Иванович, теперь с удвоенной силой приглашает всех в гости.

Митрофан понимал: отъезд естественен, даже обязателен в сложившейся ситуации. Только сожаление о том, что не смог увидеться с Валею сжигало все разумные объяснения. Совершенно не зная что сказать ей, был уверен в необходимости встречи.

Радости не доставлял и оперный кружок, куда ранее ходил каждую субботу как на праздник. Который день ничего не происходило. Мнилось, вся оставшаяся жизнь пройдёт в этом кабинете, под ровный звук дождя и шуршание мышей за шкафом с пыльными бумагами.

Поднялся и сходил за кипятком только из желания чем-либо себя занять. Заварил чай. Глядя в окно отхлёбывал из кружки, внимательно следя за каплями, стекающими по стеклу. Чай почему-то казался горьким, хотя сахару добавил как обычно.

«Вот бы кто-нибудь подсыпал мне яду, и я умер сейчас, спокойно и легко. Но жизнь так скучна, что у меня даже нет подходящего врага, способного на это», – с грустной улыбкой думал он.

Распахнулась дверь кабинета, ручка ударила в стену. Митрофан, ещё не оглянувшись, знал, что это отец Владимир.

Таких энергичных людей здесь больше не водилось.

– Выглядите прескверно, господин Пятницкий! Недуг подобный англицкому сплину?

– Короче: русская хандра, – улыбнулся Митрофан, радуясь, что хотя бы у друга отличное настроение.

– Он застрелиться, слава богу, не захотел, Но к жизни сильно охладел! Так? Или может уже пистолет раздобыл? – продолжил Василий, пытаясь понять, как себя чувствует друг.

– Нет, но только что подумывал о яде. А ты, смотрю, зачастил к отцу Иоанну. Скоро станете не разлей вода!

– Исключительно деловые вопросы. Кстати, в том числе, касающиеся тебя... Скоро некогда будет хандрить! Полагаю, такие новости должен сообщать сам смотритель, но учитывая некоторые тонкости, я опережу его. – Василий щелкнул пальцами, – У тебя скоро появится новая работа. И, что немаловажно, более солидный доход.

– О чём ты?

– Тут история такая... Даже не знаю как лучше объяснить, – он пододвинул стул и присев за стол, понизил голос. – Всё разумеется между нами. Дело в том, что пока я учился, мой дядя получил весьма серьёзную должность. Сейчас в чине ассесора в синоде. Не скрою, это помогает и мне. А недавно я посодействовал через него... И ежели совсем кратко: в ближайшие дни, Путилин будет назначен управляющим свечным заводом и казначеем училищного совета, а ты бу-

десь помогать ему вести дела.

– Свечной завод? Ты так сообщаем, словно это долж- ность почище архиерейской, – усмехнулся Пятницкий.

Василий встал и подошёл к двери. Приоткрыл её, выгля- нув в коридор, а затем плотно притворил.

– Не сочти, что я слишком мнителен. Предосторожность не помешает, – ответил он на удивлённый взгляд Митрофа- на. – Тем более, как я вижу, коротко не получится. Тебе всё же придётся узнать о некоторых вещах, раз будешь с нами.

– Это с кем – с вами?

– Подробности тебе ни к чему, но в общих чертах поста- раюсь разъяснить. Скажи, батюшка твой, богато живёт в свя- щенниках?

– Не пойму при чем тут батюшка, – Митрофан удивлялся всё больше. – Едят не всегда досыта. О каком богатстве речь?

Василий поднял палец, только и ожидая подобного ответа.

– И такая картина по всей России. Священников за про- шедший век придавило государство. Обер-прокурор ведёт такую политику, что подрывает все основы самостоятель- ности церкви. Но господин Победоносцев не всегда будет про- курором. В синоде сейчас сложилась партия, которая проти- водействует этому. Православная церковь непременно вос- тановит своё влияние, и мы уже сейчас делаем всё возмож- ное. Наша задача – отделить церковь от государства. Чтобы чиновник, даже самого высокого полёта, не мог диктовать синоду свои желания. А для этого нужны средства. Не так

давно первой победой стала возможность открывать самим свечные заводы. Подумай – в нашей губернии больше тысячи церквей, да еще в самом Воронеже огромные храмы. И в каждом горят свечи. Доход от этого колоссальный! И раньше он шёл мимо церкви, в карман фабрикантам. Теперь же у нас появилась законная монополия. Но этого мало. У обер-прокурора Победоносцева везде свои люди. За каждую должность идёт борьба. Тот, кто будет управлять заводом, получает доступ к большим капиталам. При правильном подходе к делу, очень скоро можно улучшить положение приходов в самых дальних сёлах, да и содержание училища повысить в разы. Бурсаки пустыми щами перебиваются, да учатся по книжкам, какие еще при матушке Екатерине издавались. Вот такие, брат, дела.

– Прямо вселенский заговор, – ошеломлённо произнёс Пятницкий. – А я тут с какого краю?

– С такого, что в подобных предприятиях не бывает мелочей, в том числе касаясь должностей. Нельзя к деньгам допускать случайных личностей. Дошло? Я думаю, ты справишься.

– А если нет?

– Думать не смей. Господь даёт тебе возможность. Да и хороший доход не помешает. К примеру: Валентина твоя рано или поздно вернётся. Так лучше следующий раз заявиться на ужин помощником управляющего завода. Совсем другое дело получится.

– Она не моя, – густо покраснел Митрофан. – Я её видел один раз. Ну, два... и вообще, мне неудобны такие разговоры. Я чувствую себя как мальчишка, а мне уже далеко не шестнадцать.

– Какая разница. Всё в твоих руках. Тут и думать нечего.

– А тебе какая выгода, коль принимаешь столь деятельное участие?

– Главная выгода, что губернские церкви смогут вздохнуть хоть самую малость. Управляющим будет Путилин. Он теперь мне обязан. Ты, мой друг, будешь при деле, заодно за ним присмотришь. Разве мало плюсов?

– Достаточно. Я всё же несколько в раздрае. Сроду не думал размышлять о тех делах, в которые ты посвятил.

– Тебе и не требуется размышлять. Я рассказал лишь для понятия, что ты являешься маленьким винтиком большого благого дела. Так что жди, скоро отец Иоанн вызовет тебя.

Они обнялись прощаясь. Василий вышел из кабинета. Дверь с шумом захлопнулась.

Митрофан посмотрел в окно. Дождь продолжался. Капли всё так же скатывались по стеклу, но, кажется, стало чуть светлее. Захотелось выйти из кабинета и пройтись по улице. Или ещё лучше, остановить извозчика и прокатиться по городу без всякой цели. Велеть править поживее, чтобы брызги дождя летели в лицо, а ветер трепал волосы.

В кабинет заглянул посыльный, сообщив, что его требует смотритель. Митрофан встал, осмотрел свой старенький

сюртук, пригладил волосы и вздохнув отправился на верх.

Глава 14

Апрель 1896 года.

Кабинет остался прежним, на первом этаже бурсы. Всю бумажную волокиту свечного производства Митрофан вёл, совмещая с текущими делами училища.

К удивлению, основная часть работы оказалась вовсе не такой как он представлял.

На завод заходил лишь раз в неделю, в понедельник. Забирал ведомости о начислении жалования и сведения о производстве, которые передавал ему бригадир Иван Лукич.

Митрофан любил бывать в цеху. Пары горячего пчелиного воска впитывались в одежду и потом долго чувствовалось присутствие горьковатого запаха нектара. Так в детстве пахло в Александровской церкви на спас, когда люди святили мёд, принося глиняные чашки с кусками янтарных сот, что ценились на вес золота.

Этим утром зашёл в цех рано. Огонь ещё не развели и застывший в чанах воск молчал, не питая воздух своим густым ароматом. Прохлада наполняла цех, свободно проникая в открытые окна.

Иван Лукич подошёл к секции, на которой с вечера были натянуты фитили готовые сегодня стать свечами.

– Смотри внимательно, Митрофан Ефимович. Фитили, что в этот раз пользуем, негожи. Доделаем партию и с таки-

ми, орех в этот раз не дюже большой. Но с вашей стороны сообщите куда следует, чтоб таких больше не присылали.

– Что же с ними не так? – спросил Митрофан, рассматривая фитили, висящие на рамке ровными рядами.

– Свечи копят чуток. А это непорядок. Когда свеча коптит, виноват фитиль. Присмотришься, к свече, то углядишь: воск по фитилю подымается на самый его кончик. Кончик этот и горит. Когда фитиль толстый, воска даётся огню более положенного. Значит, не успеет он прогореть, и в копоть обратится. А ежели будет фитиль тонок – не успеет дать нужного воска огню из-за своей слабости, и заплачет свеча. Потечёт по ней лишний воск. А свеча хороша лишь когда выгорает дочиста, без потёков и гари.

– Я прослежу теперь непременно, – уверил Пятницкий, в очередной раз удивляясь тому что в каждом ремесле есть свои секреты. Для мастера они известны как «Отче наш», и одновременно непонятны человеку со стороны.

Зашли в кабинет Ивана Лукича. Митрофан забрал бумаги и выслушав необходимые пояснения, направился к выходу.

Цех оживал. Три десятка рабочих, в основном крестьян поднятых в город нуждой, таскали восковые ковриги, разжигали огонь, закрепляли фитили на рамках. Рабочий день забурлил вместе с остатками вчерашнего воска на дне чанов.

Пятницкий вышел на улицу, с портфелем под мышкой, и заспешил вниз, к Большой стрелецкой. Спуск быстро сменился подъёмом Базарной горы. Добравшись до площади

решил завернуть в Кольцовский сквер. Тридцатиминутная прогулка не утомила его. Перед тем как сесть на весь день в пыльном кабинете, хотелось надышаться ароматом цветущих яблонь. Кроме того, манил запах кофе и горячей выпечки из раскрытых дверей кондитерской Бланже.

Митрофан, последнее время, позволял себе насладиться некоторыми удовольствиями. Жалование, назначенное прошлой осенью было очень хорошим. В тайне он даже считал, что получает неприлично много за свою работу. С другой стороны, свечной завод давал весомую прибыль, и она увеличивалась каждый месяц, не в последнюю очередь его усилиями.

Большая часть работы состояла в переписках с настоятелями губернских храмов и небольшими командировками по уездным городкам.

Оказалось, есть немалое количество желающих нажиться на свечах. Повсюду существовали нелегальные свечные заводы, добавляющие в воск дешёвый церезин и сбывающие свечи значительно ниже в цене. Такие свечные шабашники заходили в село, интересовались, где живёт батюшка или дьяк, чтобы не зайти к ним ненароком. И проходили улицы двор под двор, предлагая свечи в два раза дешевле, чем в церкви. Даже заводской мастер не всегда мог отличить церезин от воска, пока свеча не начнёт гореть. Настоятели храмов жаловались в Епархию и Митрофан разбирался с этими случаями, составляя прошения о содействии участковым

приставам и околоточным надзирателям. Мошенников ловили, уничтожали их производства. Таким образом, количество поддельных свечей неуклонно снижалось.

Работа не доставляла особой радости, но абсолютно оправдывала себя с доходной части. Продолжая отказывать себе во многом, наконец, смог откладывать не жалкие копейки, а приятные на ощупь, радужные купюры. Не посвящая никого в свои планы, Пятницкий твердо решил в этом году держать экзамен в консерваторию.

Единственное на что он не жалел денег – кофе у Бланже. Каждый понедельник, а иногда и по праздникам, его тянуло именно в это место.

Стеклянная дверь заведения скрипнула, и Митрофан вошёл в храм сладких удовольствий. Сквозняк из открытой двери тронул хрустальные украшения огромной люстры. Приятный звон сопровождал до кассы. Запах шоколада и жареного кофе смешивался с ароматом ванили.

Вероятно, он был первым посетителем сегодня утром. Самого Бланже, создающего волшебные десерты, пока ни разу не встречал. Сожалеть об этом не приходилось. За кассой стояла улыбчивая девушка с ямочками на щеках. Хотелось верить, что она уже заметила его, и улыбается не просто так, а узнавая.

– Доброе утро! Желаете кофе? Бразильский?

«Точно запомнила», – подумал Митрофан, и произнёс, копируя интонации Василия:

– Да, пожалуйста, как всегда.

Бразильский кофе появился в Воронеже совсем недавно, и по мнению друга заметно отличался в лучшую сторону от турецкого или индийского. Сам же он не чувствовал существенной разницы. Просто хотелось вкусить чего-то первоклассного. Ведь совсем недавно, бедствующий учитель, перебивающийся случайными уроками, ни за что не смог бы позволить себе чашку такого напитка. Удовольствие от этой мысли, как раз равнялось стоимости чашки именно бразильского кофе.

Девушка на минуту скрылась и появилась с серебряным кофейником. Налила в голубую с золотым узором чашку, густой напиток. Добавила сахар и сливки. Митрофан поблагодарил и присел за столик у окна. Сквер уютно розовел в утреннем свете. Сквозь ветви с начинающими пробиваться листочками, на него смотрел бюст любимого Кольцова.

Ещё со времён учёбы в бурсе, Митрофан знал множество его стихов. Многие из них, без всяких нот, легко становились песнями прямо в голове.

Я провёл век юности:

В суетных занятиях

Не видал я красных дней;

Жил в степях с коровами,

Грусть в лугах разгуливал,

По полям с лошадкою

Один горе мыкивал.

Кольцов светился в лучах апрельского солнца, оставаясь задумчивым и одиноким в своём вечном покое среди суеты большого города.

Я ещё не знал любви.

В городах все девушки

Как-то мне не нравились,

В слободах, в селениях

Всеми брезгал-гребовал.

Раз один в Воронеже —

Где, не помню – встретилась

Со мной одна девушка.

Митрофан размышлял, вспоминая знакомые с детства строчки. Тогда он выучил и пел их бездумно, не чувствуя

сердцем каждого слова. Пел лишь для удовольствия от игры собственного голоса.

Вдруг сердечко пылкое

Зажглось, расколилось,
И с тех пор той девушки

Стал я вечным пленником.

Мысли унесли Митрофана волнующим весенним ветром из кондитерской. Ни запах свежих пирожных, выставленных на прилавок, ни вкус сладкого кофе, ни скрип двери, в которую кто-то вошёл, не смогли его отвлечь.

И только голос, стоявший к нему спиной девушки, вернул в реальность.

– Мы заказывали эклеры вчера. Уже можно забрать?

– На Семёновых? – уточнила продавщица.

– Да.

Митрофана обдало холодом ночной реки. Он так резко повернулся, что чуть не упал с тонконового изящного стула. Это была она.

Валя вернулась и стояла в нескольких шагах от него. В первое мгновение собрался подняться и тут же осадил себя:

«Не бросаться же к ней как сумасшедший», – вынырнула мысль из завертевшегося в голове водоворота. Услышав шевеление за спиной, она обернулась.

Взгляды встретились. Глаза её чуть округлились, пальцы,

искавшие в сумочке деньги, на секунду замерли. Он встал и поклонился. Валентина, не выказывая эмоций, ответила кивком. Митрофан застыл. Добрую сотню раз представлял себе встречу, но так и не придумал, как начать разговор. Видя, что он не предпринимает более ничего, девушка обернулась к прилавку. Расплатилась. Не глядя в сторону столика у окна, вышла на улицу.

Митрофан опустился на стул и посмотрел в окно. Тонкая фигура в небесно-голубом пальто с накидкой быстро удалялась в сторону площади. Сделал глоток кофе. Сердце стучало как после пробежки в гору. То чего так ждал произошло. Ещё один глоток. Чашка пуста, а он осознал, что больше не может чего-то ждать и придумывать поводы для встречи. Оставив деньги на столике, выскочил из кафе и бросился догонять девушку.

«Главное не останавливаться, – решил он. – Просто по-дойду, и будь что будет».

Нагнав её уже у Гранд-отеля, постарался выровнять дыхание, обогнал на шаг и, обернувшись, сам не зная, откуда находя слова, заговорил:

– Валентина Артемьевна, я тысячу раз извиняюсь, но увидел вас, и не смог не обратиться. То есть, получается, догнать вас... сначала. Вы так быстро вышли из кондитерской, – его взгляд остановился на свёртке. – Я только хотел спросить. Часто хожу в это заведение, а никогда не спрашивал... Вы случайно не знаете, это сам Бланже делает пирожные?

Девушка остановилась. В её глазах, как показалось, он прочитал удивление и испуг. Митрофан похолодел и уже совсем тихо добавил:

– Или кто?

Девушка строго посмотрела на него. Митрофан ощутил, что сердце на пару секунд замерло, сжавшись в тугую ледяной комок. И вдруг она, прикрыв рот рукой в белой перчатке, прыснула звонким девическим смехом. Не переставая смеяться, сунула свёрток с пирожными в руки Митрофану. Он совсем растерялся и чуть не выронил его на мостовую.

– Митрофан Ефимович? Видите, я помню как вас зовут, – наконец, успокоившись сказала она.

– Да, и я ещё раз извиняюсь, если моё появление было...

– Полно извиняться, – девушка улыбнулась глядя ему в глаза. – Проводите лучше меня до дома. Тут совсем недалеко осталось. Если вы помните.

– Да, очень помню... То есть, с превеликим удовольствием.

– Ну, так идём. Отчего вы встали столбом? – сказала она и чуть подтолкнула его рукой.

Искренняя улыбка и простая просьба подействовали на него оглушающе. Весь запал, искривший, пока он бежал, потух в несколько секунд. Одновременно, оказавшись рядом с ней, он почувствовал себя как замёрзший путник, зашедший после долгой зимней дороги в натопленный дом.

А у Вали, судя по всему, было отличное настроение этим

утром. Ничуть не стесняясь, она сама затеяла разговор:

– Митрофан Ефимович, совершенно не обязательно придумывать такие невероятные поводы, чтобы заговорить со мной. Но на случай, если вы и правда интересуетесь, делает ли Бланже пирожные...

– Нет-нет, я и сам не знаю, что на меня нашло, – он улыбнулся вместе с ней. – Это было первое, что пришло в голову. Ерунда какая-то.

– Ну и прекрасно. Спросите лучше, как я провела время в Кисловодске. Разумеется, если вам это интересно.

– Вы не поверите – это интересует меня сейчас больше всего в жизни. Клянусь честью!

– Тогда слушайте: Прескверно. Вода кислая. Погода сырая. Общество напыщенное и скучное. А чем вы занимались тут всю зиму?

И Митрофан начал рассказывать ей про свою зиму, что прошла в рутинной, и откровенно скучной работе. Но Валя с интересом спрашивала о самых незначительных мелочах, и в какой-то момент ему даже показалось, что он занимается удивительно интересным делом.

Скоро подошли к дому. Митрофан иногда делал крюк, идя по делам, чтобы лишний раз увидеть его. Пока решил не признаваться в этом, считая такое поведение ребячеством.

– Благодарю вас за компанию. Зайдёте, может быть, на чашку чая? Отца нет, но уверена, мама и бабушка будут вам рады.

– Я, к сожалению, спешу на службу, – Митрофан вдруг ужаснулся, вспомнив, что забыл портфель с бумагами у Бланже. – Вынужден отказать. Бегу.

– Ну что же, служба есть служба, – улыбнулась Валя. – Тогда заходите вечером. Это даже ещё лучше. Составите компанию папе в дегустации новых настоек. А то он уже меня пытается ими поить.

Митрофан не мог двинуться с места. Он ощущал, как вокруг неё витает невидимая сказочная пыльца. Она кружила голову и питала какой-то притягательной волшебной энергией. Ему страшно хотелось оставаться в поле этой энергии как можно дольше. Желательно всегда.

– Митрофан Ефимович! Вы где? – её смеющийся голос вернул его на землю. – Вас ждать сегодня?

– Да. Непременно. Я обязательно буду.

– Вот и славно – вам все будут рады.

– И вы? – вырвалось у него.

Лицо её стало неожиданно серьёзным. Посмотрев в глаза, ничего не ответила. Забрала свёрток из его рук и пошла к дому. Обернулась уже на пороге, открывая дверь. На губах мелькнула еле заметная улыбка.

Глава 15

25 июля 1895года.

Вечер окутывал город шалью горячего, пыльного марева. Который день безветрие и духота напрасно намекали на долгожданный ливень. Облака, несмело показавшись за крайними домами Заставы, растворялись, превращаясь в пустую, серую дымку.

Бабка Лукерья, в сумерках плелась из гостей. Страдая от жары, не спешившей рассеяться с закатом, остановилась перевести дыхание у дома Семёновых. Обмахиваясь, вместо веера, большущим листом лопуха прислушалась. Из открытых окон дома по убаюканной жарой улице, струился романс:

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

Покачивая головой, бабка Лукерья с любопытством слушала редкие для её уха звуки фортепьяно, аккомпанирующие красивому мужскому голосу.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Дослушав до конца, она постояла ещё с минуту. Не дождавшись продолжения, пошла дальше, помахивая лопухом. Грустный романс растаял в сумерках и бабке Лукерье остались лишь мысли о том, напоил ли дед козу, пока она была в отлучке, или забыл, как на прошлой неделе.

В гостиной Семёновых, тем временем, Марья подала холодные напитки. Артемий Иванович радушный, как и всегда, взялся самолично ухаживать за гостями, подливая Митрофану и его другу. В отличие от отца Владимира, Митрофан в этом доме стал частым гостем. Их дуэт с Вале́й, которая неплохо играла на фортепьяно, уже стал привычным для соседей и случайных прохожих.

– Ваше преподобие, – раскрасневшийся хозяин по дружески обнял отца Владимира, – как вы относитесь...

– Папочка, пока вы тут обсудите всё, мы пройдемся по улице? Уж очень душно в доме.

Артемий Иванович на секунду замер.

– Да, разумеется доченька... так я о чём говорю, ваше преподобие, вся эта история очень сомнительна, хоть и писали во всех газетах. Некий господин Попов, в прошлом месяце, представил машину, которая может передать человеческий разговор разом на всю империю...

Валя схватила Митрофана за руку и потянула за собой в прихожую.

– Валентина! – донёсся вслед голос матери. – Не долго. Марья скоро подаст рябчиков.

– Ма, мы просто пройдем до угла и обратно, – уже с улицы крикнула девушка.

Они вышли на улицу. Ночь пахла сладким, с легкой кислинкой, ароматом зреющих анисовых яблок и смородины.

Митрофана тянуло прогуляться к реке, но он не предлагал этого. В их разговорах никогда не всплывали события того августовского вечера когда он впервые увидел её рядом с пристанью.

– Митрофан, отчего вы такой задумчивый всегда?– улыбаясь, она толкнула его в бок. – Вечно я тащу вас. Встанете у ворот и не знаете куда дальше. Будьте уже более поворотливы.

– Я полагал, что следует узнать ваше желание, прежде чем тащить куда-то, – мягко ответил он.

– Вижу вы не большой знаток дамских характеров! Позвольте полюбопытствовать, много ли женщин вы свели с ума своей тактикой?

Митрофан был рад, что ночь скрывает его смущение, и Валя не может видеть его лица.

После небольшой паузы ответил:

– Смеётесь надо мной? И не напрасно. Да, мне было не до познаний женских душ. Я, мягко скажем, даже не дальний родственник Дона Жуана. Но, видит Бог, я не жалею о том ни минуты сегодня. Ведь будь я таковым, не встретил бы вас.

– И всё же, я вам замечу, – она, нагнувшись, сорвала ромашку цветущую у забора. – Женщине чревато давать вы-

бор. Мужчина иголка, он укажет верный путь, а женщина нитка, ткущая затем их жизнь. Берите за руку и ведите. Иначе ничего не получится.

– Признаюсь, я никогда не думал об этом в таком ключе.

– Ну вот, я вам открыла тайну покорителей сердец!

– Мне эти тайны ни к чему.

– Отчего же? – она понюхала ромашку и посмотрела ему в глаза.

– Вы знаете всё давно. Я не мыслю более не о чем, с тех пор как встретил вас.

Она замерла на мгновение. Не дожидаясь более ничего, приблизилась к нему вплотную и прошептала:

– Тебя. Говори тебя. Мне так больше нравится.

– Как встретил тебя...

Митрофан, скользнув рукой по шелку на талии, притянул девушку к себе. Они замерли на секунду. Её мягкие, приятно пахнущие вишней губы сами прильнули к его губам. Тепло прижавшегося девичьего тела показалось теплом всего огромного мира, который до этого прятал от него свою тайну. Хрупкая девушка в белом шелковом платье стала его маленькой вселенной, которая дарила бесконечное счастье и нежность.

– Нам нужно идти, – прошептала она оторвавшись от его губ. – Иначе это будет неприлично.

– Да, – ответил Митрофан, понимая, что не хочет уходить. Он чувствовал, что минуты под кроной этой липы станут для

него мерилом счастья на всю оставшуюся жизнь.

– Говоришь – да, и продолжаешь стоять! Опять мне тебя тащить?

– Я хочу сказать тебе что-то важное.

– О, прямо сейчас? – Валя с любопытством повернулась к нему уже не пытаясь уйти.

– Прямо сейчас я хочу сказать, что люблю тебя, и буду просить твоей руки..., – он хотел продолжить, но запнулся от волнения и не смог.

Она ничего не ответила, а встала на цыпочки и поцеловала его в губы, но когда он попытался обнять – отстранилась.

– А тебя не пугает моё прошлое? – тихо прошептала Валя глядя ему в глаза.

– Я счастлив здесь и сейчас, а прошлое давно унесла вода. И более того, живу лишь будущим, где мы будем вместе. Я и об этом хотел поговорить с тобой. Никто ещё не знает: на днях я еду в Москву. Буду поступать в консерваторию. Я чувствую, сердце подсказывает мне, поступлю. И спрашиваю тебя сейчас, готова ли ты будешь уехать со мной в Москву, если так всё и случится?

Валя с удивлением смотрела на него.

– Ты не шутишь? В консерваторию? Отчего же ты никогда не рассказывал? Так неожиданно! А как же твоя работа... и вообще, всё?

– Я и далее не хочу никому рассказывать об этом. Знаешь пока только ты. Признаться, боюсь, люди будут на меня ко-

ситься. Дескать, какая ещё консерватория, нашёлся студент. Не буду же я каждому объяснять, что это моя мечта, к которой я шел все эти годы. Как-то, право, глупо будет звучать такое от мужчины, юношеские года которого далеко позади. По поводу средств – я всё рассчитал. На первое время нам хватит. В консерватории положена приличная стипендия, я непременно её добьюсь. К тому же, имею опыт и преподавателя, и счетовода. Буду подрабатывать.

– И когда же ты едешь?

– Через неделю. Я узнал, что вступительный экзамен будет в первых числах августа. Полагаю, это займет несколько дней. На службе отпросился. Сказал, хочу навесить родителей.

– Ты удивил. Не ожидала таких новостей. Но что же, поезжай. Буду ждать тебя. А пока нам нужно уже идти, – сказала она, беря Митрофана под руку.

– Но ты не ответила ничего на моё признание. Не напрасны ли мои мечты?

Валя молчала. Митрофан наполнялся тревогой. Казалось, грудь сдавливают тяжёлые тиски, и с каждым мгновением ожидания, давление всё сильнее.

Наконец она заговорила:

– Я счастлива, что ты оказался рядом. В тот вечер и вообще..., И это чудо что ты смог полюбить меня. Конечно же, я люблю тебя, как может быть иначе? Ты самый достойный мужчина, что я встречала, сам Бог послал тебя. Я чувствую,

уже давно, что ты мой родной человек. Ну а всё остальное... Быстрее уже поезжай в свою Москву. Я буду ждать тебя.

В небе краешек молодой луны резал своим блестящим, ещё тонким лезвием, налетевшие на него тучки. Митрофан молча обнял её.

Они долго стояли так уже никуда не спеша. Валя не замечала, как его слёзы остаются горячей влагой на её волосах.

Глава 16

Митрофан стоял на перроне рядом с шипящим паровозом и крутил головой по сторонам.

В день отъезда в Москву всё валилось из рук. Спешно собирая вещи в свой чемоданчик, никак не мог сообразить, что ему потребуется, а что совершенно не нужно в поездке. Мысли путались от волнения.

Получилось так, что Путилин откомандировал его по делам завода в Бобровский уезд, и Валю он не видел уже неделю. Не хотелось прощаться с ней на глазах у родственников, дабы избежать пока лишних вопросов. Он попросил Катерину отнести записку с просьбой прийти на вокзал. Поезд отправлялся в три часа пополудни. Время было без десяти три, а её всё не было.

Митрофан занёс вещи в салон, занял место и вновь вышел на перрон. Разноцветные вагоны растянулись вдоль вокзала. У синих, первого класса, провожающих было не много. Часто они ходили полупустыми из-за дороговизны билетов, которые могли позволить себе лишь купцы первой гильдии и состоятельные дворяне. У зелёных, третьего класса, было не протолкнуться. Теснота и жёсткие скамейки не пугали мастеровых и крестьян, едущих в первопрестольную на заработки. Митрофан стоял у жёлтого вагона. Вторым классом ездили чиновники, и помещики дорожившие рублём. Счи-

тая, что по чести место его в третьем классе, Митрофан, после раздумий решил не скупиться и взял жёлтую картонку. Без малого девять рублей – деньги немалые, но выхода не было. В консерваторию следовало явиться парадно, а не в прокуренном и мятом сюртуке. Второй класс с широкими мягкими креслами был достаточно комфортен для этой задачи.

Прошёлся вдоль вагона туда и обратно и, наконец, увидел, как на выходе из вокзала появилась её белокурая головка. Он махнул рукой. Валя увидела, пошла на встречу.

– Успела, не могла раньше..., – голос дрогнул, неестественная улыбка казалось вот-вот сорвётся с лица как неловкий канатоходец из под купола цирка. – Милая, да ты что? Я вернусь очень скоро. Ты прощаешься как навек! – Митрофан взял её ладонь и поцеловал холодные пальчики.

Она с усилием взяла себя в руки и только хотела что-то ответить, как вместо слов расплакалась, уткнувшись ему в плечо. Он никак не ожидал таких чувств, и не знал, как успокоить её. Паровоз дал короткий гудок, до отправления оставалось две минуты.

– Послушай, помнишь, когда я первый раз пришёл к вам год назад, – неожиданно вспомнил Митрофан, надеясь отвлечь её. – Твоя бабушка посчитала, что мы пришли свататься, а Артемий Иванович, чтобы она не фантазировала, припугнул её каким-то Алкидом. Так и сказал: «Мне придётся позвать Алкида» Про кого он говорил?

Валя перестала всхлипывать и улыбнулась.

– Алкид это соседский кот. Однажды он забрался ночью через форточку в комнату бабушки и залез ей на грудь. Она, проснувшись, испугалась, думала её черт душит. Закричала, всех перебудила. Потом прояснилось, конечно, но она так и не сомневается, что это не просто чёрный кот, а сам чёрт в его облики.

Гудок паровоза резко ударил в уши, заглушив её последние слова. Митрофан рассмеялся, стараясь приободрить любимую.

– Всё, поезд отходит. Вернусь через несколько дней, и мы больше никогда не расстанемся! Ты даже не заметишь моего отсутствия. Так что не вздумай больше плакать, – сказал он и поцеловал её в щеку.

Пока шел по вагону к своему месту поезд тронулся. Он посмотрел в окно. Среди толпы провожающих, идущих за поездом, Валя мелькнула лишь на секунду. Она неподвижно стояла на перроне и плакала, закрыв лицо руками.

Глава 17

Как только Митрофан вышел из дверей Казанского вокзала на площадь, его окружили галдящие извозчики. Несколько минут назад, сразу при выходе из вагона, его так же одолели носильщики, предлагавшие донести всё что угодно. Дорогой костюм, купленный по наставлению отца Владимира, видимо производил такое впечатление, что никакие уверения, в отсутствии солидного багажа не принимались ими в расчёт.

Толпы людей, огромный вокзал и широкая площадь немного ошарашили его. Он представлял, что Москва такой же город как Воронеж, только больше. Оказалось, главное не размер, а напор, с которым этот город наваливается на тебя, оглушая суетой, шумом повозок, гамом торговков и нищих.

Не обращая внимания на выкрики извозчиков расхваливавших свои цены и экипажи, он отошел в сторону. Встал на углу длинного здания вокзала. Осмотрелся.

Через несколько минут толпа, образовавшаяся после прибытия поезда, схлынула. Самые удачливые извозчики разъехались в разные стороны по улицам, веером, расходящимся от вокзала.

Оглядываясь по сторонам к Пятницкому, бочком подкрался низенький старичок. Каргуз с треснувшим козырьком, рубаха подпоясана куском старой, бредущей на нитки

вожжи. В сапоге кнут.

– Первый раз, поди, в Москве, сынок? – не давая опомниться, спросил он.

– Да дедушка, первый.

– Коли надо куда, скажи. Звать меня дед Яков. Цену назначу без обмана. Лишнего не возьму ни копейки. Я и сам не этих краёв. С Рязани приехал на лето, поработать со своим Сивкой. Повозка стоит за углом, – сообщил он, и как бы оправдываясь добавил. – Московские дерутся, коли кто на площадь не ихний заезжает. Цены я им, дескать, сбиваю. А мне чужого не надо...

– На Никитскую мне, в консерваторию. Сколько возьмёшь?

– Гривенник мне, да грошик лошади на попой. Только я тебя туда не повезу.

– Отчего же, дедушка? – удивился Митрофан.

– Ежели тебе в ту концырторию где песни играют, то она сразу посля пасхи переселилась в другую сторону. Типеря квартируют на Волхонке. Там дом графский, супротив Храма Христа нашего Спасителя, – дедушка перекрестился. – А на Никитской закладывают новую, поболее старой. Со мною ездили штуденты, потому верно знаю. Так что повезло тебе, мил господин, а то уехал бы, да потом заново плати.

О переезде консерватории на Волхонку Митрофан не знал. Оставалось довериться деду Якову.

– Сколько же будет до Волхонки?

– Пятиалтынный, ровным счётом, за всё, про всё.

Митрофан согласился. В любом случае не зная, хорошая это цена или нет, узнает потом, у людей.

Они пошли за угол, где действительно стояла повозка, запряжённая ледащей лошадкой в самодельной сбруе плетёной из верёвок и мешковины. Дед Яков резво запрыгнул на лавку возницы и, дождавшись пока пассажир расположится со своим чемоданчиком, тронул экипаж.

Подкатили к главному входу в дом князя Голицина. У двери Митрофан увидел медную табличку с отчеканенными буквами «Консерватория» Дед Яков не соврал. Расплатился. Поблагодарив старика, соскочил с повозки.

Толкнул дверь. Закрыто.

«Странно, – подумал Митрофан. – Сейчас здесь должно быть хоть кто-то, ведь первый день приёма сегодня». Но, не считая воробья, прыгавшего по мостовой невдалеке от закрытых дверей, вокруг не наблюдалось никакого оживления.

Митрофан постучал. Тишина. Попытался заглянуть в окно рядом с дверью. За шторой полумрак. Постучал в окно. Увидел, как проплыла какая-то тень, и вернулся к двери. Заскрежетал засов. В дверном проёме появился заспанный мужичок.

– Здравствуйте! – поприветствовал его Митрофан.

– И вас спаси господь, – сипло ответил он, приглаживая бороду. – По какому делу изволите? Канцелярия откроется в обеде, а боле никого нету.

– Я хотел бы узнать, когда работает комиссия по зачислению на обучение в консерваторию.

– Нет, мил человек, опоздал ты. Закрылась она, поди, месяц тому назад. Зачислили уже всех кого положено.

– Это невозможно! – Митрофану стало жарко, лицо загорелось. Он снял шляпу, почувствовав, как она вмиг стала ему тесна, и сжал её в кулаке. – В «Московских ведомостях» я читал сроки работы комиссии! Она должна работать сейчас.

– Ведомостя я не читаю, мил человек, а этот год вышло, что начальство поране решило обтяпать это дельце. Ить надо было сперва провести приём, а потом ишо делов с переездом было! Еле сдюжили!

– Да, я знаю это. Но как же..., – Митрофан уже не слышал его. Прислонился плечом к косяку двери. Мечта, находившаяся так близко, ускользала, не дав даже шанса хотя бы поучаствовать в экзамене.

Мужичок, в начале злившийся из-за недосмотренного сна, понял переживания раннего визитёра и ступив на шаг назад взмахом руки пригласил войти.

– Не стой в дверях, присядь, – уже сочувствующим тоном сказал он. – Сундук свой ставь, под лавку. Будет в целости. Видать издаля приехал?

Митрофан, помедлив, двинулся за мужичком. Говорить ни о чем не хотелось. Но ещё не понимая куда теперь идти и что делать, рассеянно ответил:

– Из Воронежской губернии.

– Да неужто!?! А ведь и я оттудова! Из Анны родом.

– Да, знаю эти места. Я там, в Бродовом, столярничал...

Были времена, – вздохнул Митрофан.

– Ишь ты! Москва велика, а всё одно, оглянись, кругом свои! – хохотнул мужичок, – подтягивая штаны на ходу, заспешил через зал под лестницу.

– А я тут сторожем работаю, и вообще по другим делам хозяйственным. Лексей Саныч меня звать! Ты садись тут, а я сейчас чайку устрою.

– Митрофан Ефимович, – представился Пятницкий и прошёл за ним послушно присев на лавку в каморке под лестницей. Саныч, тем временем, прихватив медный чайник, куда-то исчез.

Спешить теперь было некуда. Горячее чувство несправедливости судьбы, так легко испепелившее его надежды, рассеивалось, оставляя пустоту. Мысли, как костяшки на счётах, механически щёлкали в голове. Что будет на следующий год? Только Бог знает. Но скорее всего он никогда уже не сможет вернуться сюда. Прощай мечта. А может так всё и нужно. У него есть Валя. Какой он к чёрту студент, в конце концов!» Митрофан положил мятую шляпу на стол и осмотрелся.

Лексей Саныч расположился уютно. Лежанка, стол и старый резной стул. Над столом висит цветная картинка с дамой, держащей в руках собачку. В углу ящик с инструментами, полка с посудой. Митрофан встал и вышел в зал.

Без всяких мыслей подошёл к картине какого-то генерала. Посчитал сколько орденов вист у него на груди. Хотел уже уйти, не дождавшись Саныча, но в этот момент в дверь постучали.

Он не знал как лучше поступить. Подумав решил дождаться сторожа. Стук в дверь стал сильнее. По счастью в этот момент появился Саныч с чайником и сразу бросился к двери.

– Лев Иваныч пришли, – бросил он, пробегая мимо Митрофана. – Я по стуку чую. Сейчас ругаться будет не по-нашему.

И действительно, как только открылась дверь, Митрофан сначала услышал: «Merda! Dove cazzo sei!» а затем уже увидел усатого сухонького старика.

Лицо показалось ему очень знакомым. Сердце Пятницкого забилося чаще.

Между тем, некий Лев Иваныч, не останавливаясь, прокатился по залу и достаточно живо, учитывая почтенный возраст, начал подниматься по лестнице, продолжая что-то бубнить под нос на итальянском.

Митрофан, оставаясь в тени лестницы, замахал рукой Санычу. Когда тот подошёл, то удивился перемене случившейся с его гостем. Митрофан Ефимович вцепился в сторожа, и разве что не тряс его за плечи.

– Как фамилия этого человека?

– Льва Иваныча? Я его так только и кличу. Фамилия дюже

трудная. Всё время забываю.

– Джиральдони? – глаза Митрофана вновь горели надеждой.

– Верно! Точно такая фамилия! – Лексей Саныч с удивлением хлопнул себя по ляжке. – Откель знаешь?

Митрофан, не отвечая бросился к своему чемоданчику и достал оттуда книгу.

– Скажи мне скорее, куда он пошёл? С ним можно сейчас поговорить?

– Да как сказать..., – Саныч почесал затылок. – Всякое может быть. Он тут штудии каждую неделю по два раза свершает. Приходят к нему учиться голосу. Первейший на всю Москву учитель по этому делу.

– А может и в мире! – добавил Митрофан, не веря своему счастью, и бросился вверх по лестнице, за усатым стариком. Саныч только развёл руками.

Догнал ворчащего что-то под нос старичка, когда тот входил в кабинет.

– Лев Иванович, – с дрожью в голосе произнёс он. – Разрешите минуту, только одну минуту вашего времени.

Старик повернулся и удивлённо уставился на взволнованного незнакомца.

– Я не знаю кто вы. Представьтесь, – сказал он совершенно не соответствующим внешности, молодым, красивым баритоном с сильным итальянским акцентом.

– Митрофан Ефимович Пятницкий. Я приехал из Воро-

нежа держать экзамен в консерваторию и узнал, что опоздал. Лев Иванович, скажите, есть ли возможность что-либо изменить!? Я готов сию минуту доказать что достоин принадлежать искусству!

Джиральдони закатил глаза и выдохнул, сложив губы трубочкой.

– Молодой человек, места на факультете заняты. Набор закончен. Я не имею силы решать сей вопрос.

– Кто же имеет? Только скажите, и я сделаю всё, что в моих силах.

– Только один человек, – он поднял палец вверх. – Директор консерватории Сафонов. Но это пустое. Он даже не станет слушать. И к тому же, его нет сейчас в Москве. Приезжайте на следующий год и позвольте откланяться, – развернувшись спиной к Митрофану, он прошёл в кабинет.

Пятницкий склонил голову, но через секунду бросился вслед.

– Лев Иванович! Молю лишь об одном! Разрешите спеть для вас? Вы величайший оперный певец в мире. Я буду вспоминать эти минуты всю оставшуюся жизнь!

Джиральдони оглянулся.

– Вы ехали из Воронежа? Где это? Там живут страстные певцы? Не слышал.

Митрофан сделал несколько шагов в середину класса и не говоря более ничего запел:

La donna è mobile

Qual piuma al vento...

С арией герцога из Риголетто он попал в яблочко. Кислое лицо Джиральдони, смирившегося с необходимостью слушать навязчивого мужчину из неведомого Воронежа, с каждой строфой менялось. Молодые, живые глаза засветились интересом и удовольствием.

Митрофан не видел этого. Как когда-то в детстве, на Сенном рынке, он закрыл глаза и пел, забыв обо всём.

Так же как и много лет назад, он пришёл в себя от аплодисментов. Всего три хлопка гулко прозвучали в пустом классе. Три хлопка, которые стоили оваций огромного зала. Митрофан открыл глаза и увидел улыбающегося Джиральдони. Мелькнула мальчишеская мысль: «Ну вот, жизнь прожита не зря».

Джиральдони приглаживая усы произнёс:

– Теперь знаю, Воронеж хорошее место. Прекрасный голос. Кто ваш учитель?

– Вы, Лев Иванович, – и Митрофан поднял руку в которой была книга. – Я приобрёл её несколько лет назад. «Аналитический метод воспитания голоса» это лучший труд, что я встречал. Всё очень доходчиво и понятно описано.

Глаза Джиральдони расширились, и он взмахнул руками подобно дирижёру удивлённому неожиданным пассажем.

– Поразительно! Вы говорите всё понятно? Некоторым не понятно даже после моих личных уроков! Можете пояснить,

что же вы усвоили?

– Если кратко, я понимаю ваш метод так: нужно научиться смешанному типу дыхания. При исполнении следует сохранять силу вдоха в груди, а выдох должен происходить лишь за счёт диафрагмы и мышц живота. Это даёт сильную интонацию и возможность перестраиваться во время исполнения.

Усы старичка зашевелились от удовольствия, и он вновь пригладил их:

– Верно! И вы это прекрасно показали. Беллссимо!

– Я счастлив, что вам понравилось, – Митрофан почувствовал, как глаза его увлажнились.

– Так, так..., – Джиральдони задумался. – Учитывая способности, отпускать вас теперь не намерен. Я буду пробовать говорить с Сафоновым. Но он вернётся в Москву лишь через несколько дней. Вы имеете возможность прийти на прослушивание в пятницу?

– Я могу приходить каждую пятницу до конца моей жизни, если потребуется.

– Я слышу огонь в вашем голосе, – улыбнулся Джиральдони. – Воронеж это как Сицилия?

– Не решусь проводить такое сравнение, но обязательно расскажу о ваших словах на родине, – ответил Митрофан, чувствуя, как в коленях появилась щемящая слабость.

Он всё ещё не мог поверить, что с ним, так запросто разговаривает один из величайших исполнителей. Лео Джираль-

дони – любимый баритон самого Джузеппе Верди, представивший десяток блестящих сезонов в «Ла Скала», первый и неповторимый герцог Альба в истории оперы. И рядом с ним он, Митрофан Пятницкий из села Александровка, Бобровского уезда. Не послышалось ли, как этот человек, спустившийся с небес, только что аплодировал ему?

– Ну что же, господин Пятницкий, жду вас. Невозможно знать, когда появится Сафонов, потому подходите с утра. Его характер – камень. Он любит порядок и не станет прослушивать кого-то после окончания приёма. Набор закончен и баста! Но мы будем делать хитрость. Я попробую устроить так, что он услышит вас. А далее, говорят у вас в России: как Бог даст.

Митрофан, услышав это, готов был обнять и расцеловать старика, но в класс зашли его ученики. Разговор прервался. Поблагодарив и попрощавшись, он удалился, не смея более мешать маэстро.

Глава 18

Москва просыпалась. Тысячи колёс грохотали по булыжной мостовой. Всё двигалось от окраин к центру. Неказисто сбитые крестьянские повозки, гружёные мешками и бочками, медленно стекались к рынкам. Лохматые Владимирские тяжеловозы степенно бухали копытами по выщербленному временем булыжнику московской мостовой. Живо трещали пролётки, доставляющие опаздывающих на службу бледных и заспанных титулярных советников, да коллежских секретарей в чёрных мундирах. Поджарые дончаки, отдохнувшие за ночь, неслись раздувая ноздри резво выстукивая характерную дробь. Изредка проплывали закрытые экипажи, мягко покачиваясь на английских рессорах. В них сидели невидимые за шторками пассажиры, едущие то ли с ночной пирушки, то ли напрямиком в Кремль, на утренний приём к губернатору. Орловские рысаки с достоинством цокали начищенными копытами, и удивлённо косились чёрными, блестящими глазами на кучера, что для форса щёлкал над ними кнутом.

Митрофан, за несколько дней в Москве, стал привыкать к бесконечному, оживлённому движению. Поначалу казалось, что даже бездомные собаки тут важно спешат на какую-то неотложную службу, в отличие от лениво валяющихся в пыли Воронежских псов.

Убивая время в ожидании пятницы, он с раннего утра и до заката гулял по городу.

Ночевал в Газетном переулке, у бабки Антонины. Туда его привёл Саныч, вечером первого дня. Сторговались за 4 рубля до вечера пятницы. Митрофан остался в крошечном чуланчике, половину которого занимала кровать и ещё четверть тумбочка со стулом.

Под кроватью обнаружились пустые бутылки. В углу по паутине бегал паук, радуясь очередному жильцу, что возможно привлечёт для него мух огрызками яблок или коркой недоеденного хлеба. Но, не смотря на это, тёмная коморка, с маленьким окошком под потолком, показалась ему уютной. Не замечая пыльной духоты, он в мыслях парил уже совсем в других местах.

Представлял, как солнечным московским утром пьёт кофе с Валеёй из фарфоровых белых чашек, и собирается на занятия в консерваторию, где его ждут уроки у великого Джиральдони. Всё это виделось возможным, и одновременно настолько невероятным, что Митрофан иногда вздрагивал как во сне. Ощущения близости счастья приятно теплилось в груди и там же, где-то в области сердца, обитал маленький холодный камушек сомнения.

«Неужели так может быть? Неужели, правда можно стать настолько счастливым человеком, когда исполняются все твои мечты, – думал он и осаживал сам себя. – Рано, ещё рано. Только в пятницу решится всё».

И вот, наконец, лавируя между телегами сворачивающими с Никитской, он перешёл дорогу к дому князя Голицина. За спиной Храм Христа Спасителя. Солнце, показавшееся за башнями Кремля, зажигает ослепительным блеском все пять его куполов. Они золотыми блёстками переливаются в окнах консерватории.

Саньч, заспанный, как и в прошлый раз, открыл дверь.

– Доброго утречка, Митрофан Ефимович! Раненько вы.

– Доброго. Не даю тебе выспаться, – улыбнулся Митрофан.

– Нихай, невелика беда. Проходи, покараулим твоего Сафонова.

Расположились за самоваром. Митрофан достал пирожки, заранее купленные на такой случай.

– Вот это дело! – обрадовался Саньч. Ляпинские? Земляки делают. Вишь как, наши, Воронежские, приехали в Москву, да прославились пирогами. Говорят уже миллионщиками стали.

– Расскажи мне лучше про Сафонова, – попросил Митрофан. – Что он за человек? Какой к нему подход нужен?

– А никакого к нему нету подхода. Злой как чёрт. Сурьёзный такой, что я как слышу он идёт, хоронюсь под лестницу, от греха подале. Отец его был генералом казачьим. От него он и взял уклад. Помню, был директором Сергей Иванович Танеев – душа человек. Плохого слова не услышишь. Пройдет мимо, тихонько, как гулюшка, улыбается так, кива-

ет: Как, дескать, жизня, Лексей Саныч? С ним и горя не знали. А теперь, истинный Христос, не концерватория, а юнкерское училище у нас сделалось.

– А отчего же Танеева заменили на него? – любопытствовал Митрофан.

– У начальства свой расклад. Сергей Иваныч не шибко приспособлен к хозяйству. Все науки в музыке он от и до превзошёл, тут спору нет. Сафонов тоже в науках толк ведаёт, но окромя того, смог выбить денег на новую концерваторию. Владеет, чёрт усатый, подходом к купцам, да к губернатору. За это уж я ничего не скажу – молодец. Дюже ухватистый, да насчёт нужных людей союзный. Слово видать знает.

– Значит Сафонов из казаков. Интересно...

Митрофан задумался, рисуя пальцем на деревянном столе нотные знаки.

– Мало интиресу, когда ежель не по его, глаза выкатит как налим на сковороде, лицом возгорит, ажно боишься его кондрашка хватанёт. Да и сам стоишь, ни жив не мёртв! Боже упаси от такого интересу.

Митрофан услышал, как хлопнула входная дверь. Вскочил, забыв про чай и пирожки и бросился в зал. Увидел поднимающегося по лестнице Джироальдони. Тот оглянулся и махнул рукой, призывая идти за ним. Вошли в класс. Старые парты и затёртая меловой тряпкой доска, с остатками нот, смотрелись чужеродно в интерьере княжеского дома с

позолоченной лепниной над дверью и тяжёлыми бархатными гардинами.

Ни капли не запыхавшийся, не смотря на возраст, Лев Иванович бросил свой портфельчик на лавку и повернулся к Пятницкому.

– Итак, молодой человек, наш план прост. Сафонов скоро будет здесь. И проходя в кабинет, не минует наш класс. Дверь мы оставим открытой. Когда он будет подниматься по лестнице, вы начнёте исполнение. Он, желая того или нет, услышит вас. Далее я буду иметь с ним беседу, а вы молиться Деве Марии.

– Как бы всё не вышло, позвольте поблагодарить вас от души, Лев Иванович, – начал Пятницкий, но великий тенор перебил его движением руки.

Внизу хлопнула входная дверь. Джиральдони, подобно дирижёру начинающему концерт взмахнул руками ещё раз, давая понять, что час пробил.

Митрофан услышал шаги на лестнице. Они как камертон начали отбивать ритм в его голове. Воздух наполнил лёгкие, и консерватория услышала то, что ещё никогда не исполнялось в её стенах:

Как на грозный Терек

Да на высокий берег,

Выгнали казаки сорок тысяч лошадей...

Митрофан на этот раз не закрывал глаза и следил за реакцией Джиральдони. Полагая вновь услышать так понравив-

шеюся ему арию, тот от неожиданности приоткрыл рот. Густые брови поднялись вверх. Рука, которой он намеревался дирижировать, сначала замерла в воздухе, а потом опустилась. Джиральдони зачем-то взял тряпку с доски её и сжал в ладони. Митрофан стоял спиной к двери, и не мог видеть, что крупная фигура Сафонова закрыла собой проём именно в тот момент, когда он грянул припев:

Любо, братцы любо,
Любо братцы жить!
С нашим атаманом
Не приходится тужить!

Не останавливаясь, пропел следующий куплет про «волюшку да широко полюшко». Судя по тому, что Лев Иванович смотрел мимо него, Митрофан понимал – за его спиной стоит грозный директор училища. После второго припева Джиральдони махнул рукой и он понял, что прослушивание закончено. Оглянулся. За спиной никого.

– Что, черт побери, вы исполнили? Это из какого произведения? – комкая в руках меловую тряпку, воскликнул Джиральдони.

– Это известная казачья песня. Я рискнул предположить, что Василию Ильичу может понравиться, – Митрофан опустил голову, понимая, что следовало предупредить маэстро, а не заниматься самодеятельностью.

– Я не знаю... не знаю, что и думать теперь. Известную арию оценить было бы легче, чем то, что предоставили вы,

– Лев Иванович раскраснелся, его широкий лоб заблестел в лучах утреннего солнца пробившихся между гардин. – Ждите. Я спрошу о вас. Он быстро выносит решения.

Митрофан остался в классе один. Волнения улетучилось. Он знал, что поступил правильно. Если эта песня не тронет Сафонова, то всё другое и подавно.

Глава 19

Утром следующего дня из устало пытящего поезда Москва-Воронеж на перрон вышел слушатель первого курса Московской консерватории Митрофан Пятницкий.

Первый же извозчик, бросившийся к хорошо одетому пассажиру из Москвы, получил заказ: Цветочный магазин «Де Фьори» на Большой дворянской.

Митрофан почти не спал этой ночью. Мимо проносились погруженные во мрак деревеньки, освещаемые лишь полной луной, мерцающие газовыми фонарями вокзалы губернских городов, отливающие червонным золотом в лучах восходящего солнца пшеничные поля и дышащие влажной утренней прохладой рощи.

Он смотрел в окно и не видел всего этого. Счастье рухнуло на него не в тот момент, когда Джиральдони с улыбкой зашёл в класс и сказал: «Вы приняты», а спустя несколько часов. Когда откинувшись в мягком кресле почувствовал, как вагон дёрнулся и медленно, словно с опаской, поплыл мимо вокзала. Только тут Митрофан в полной мере ощутил, что произошло.

«Сбылось, сбылось, сбылось...», – в такт колёсам стучало в голове. Оставалось ещё одно волнительное и важное дело, откладывая которое уже не было смысла. Решил, что прямо с вокзала поедет просить руки Вали.

В цветочном магазине пахло розами и чем-то неведомым и манящим.

«Наверное, так пахнет будущее, которое выглядит прекрасно как эти цветы», – подумал он.

Выйдя с огромным букетом белых роз, он уже подошёл к ожидавшему его экипажу, когда взгляд остановился на вывеске кофейни Бланже. Митрофан улыбнулся, и, оставив охапку цветов на сиденье пролётки, направился к стеклянным дверям заведения.

Улыбчивая девушка с ямочками на щеках завернула ему дюжину эклеров и завязала красивый розовый бант на коробке. Выйдя из кофейни, Митрофан улыбнулся Кольцову, который по-прежнему задумчиво смотрел в сторону Большой Дворянской сквозь кленовую листву.

«Пожелай, чтобы я был более удачлив в любви, чем ты, мой друг», – улыбнулся ему Митрофан, запрыгивая в пролётку. День начинался отлично!

Извозчик догадался, на какое мероприятие везёт человека. С шиком подкатил к дому Семеновых, и, развернув пролётку на небольшом пяточке, обратил на себя внимание бабшедших с рынка.

Митрофан щедро расплатился и, держа в одной руке пирожные, в другой розы, прошёл в открытую калитку, которую, против обычного, забыли запереть.

«Сама жизнь распахивает мне все двери», – мелькнула мысль в его голове.

Постучал. Открыла Марья и, показалось, удивилась его приходу. Будто с некоторой неохотой отодвинулась в сторону.

Молча кивнула.

– Все ли дома? – спросил он. Но женщина скользнула в людскую, не удостоив ответом.

Митрофан вошёл в зал, где они так часто обедали вместе, и увидел родителей Вали. Он обрадовался, так как хотел в первую очередь, по традиции, обратиться к Артемию Ивановичу и боялся не застать его.

Не теряя более не минуты, подошёл к столу, за которым сидел хозяин дома, сжимая в руке пустой стакан.

– Артемий Иванович, Анфиса Петровна... – он поприветствовал их поклонами. – Вы, наверное, уже догадались для чего я здесь. Потому буду краток: позвольте мне просить руки вашей дочери.

Семёнов поднял голову, и взгляды их встретились. В тишине стало слышно, как на улице разговаривают проходящие мимо люди. В одно мгновение он понял, что что-то не ладно. Артемий Иванович был явно пьян и смотрел на него как смотрел бы на мертвеца, явись он сию минуту здесь. Митрофан почувствовал себя как в страшном сне, когда хочешь бежать, а ноги не двигаются. Сердце сдавило так, будто его схватила холодная, костлявая рука какого-то невидимого, ужасного существа.

Митрофан посмотрел на Анфису Петровну и заметил чёр-

ные круги вокруг глаз.

– Позвольте... – язык стал тяжёлым и неповоротливым. – Где Валя?

На пару секунд вновь повисла тишина. Артемий Иванович шумно всхлипнул.

Заговорила Анфиса Петровна:

– Валентины нет. Она уехала на какое-то время.

– Как уехала? Куда? – Митрофан ошарашенно перевел взгляд на хозяина дома.

– Куда? – шёпотом начал Артемий Иванович, и вдруг кинув стакан в стену, закричал так, что все разом вздрогнули. – А туда! Сбежала! С этим хлыщом. Вот что оставила нам дочь, вот благодарность за всё.

Стакан разлетелся вдрезг, оставив на стене пятно вишнёвой настойки. Он взял со стола записку и протянул её Митрофану. Белые розы, которые он держал в руке, посыпались на блестящий паркет. Записку взять не смог. Но за секунду прочитал, бросив короткий взгляд на половинку тетрадного листа. Почерк крупный и ровный: «Не ищите меня. Я поняла, что люблю Андрея и уезжаю с ним. Спасибо за всё. Простите, если сможете». О нём не упоминалось.

Митрофан аккуратно поставил коробку с пирожными на стол. Сел напротив Артёма Ивановича глядя мимо него, на бордовое пятно, что расплывалось на белых обоях.

– Вот как, Митрофан Ефимович! Остался клочок бумажки от дочери. Для кого жил? Для кого это всё?! – Семёнов

обвёл взглядом комнату. – И с кем сбежала? Он мизинца твоего не стоит. Слышишь ты меня?

Митрофан медленно перевёл взгляд на Артемия Ивановича. Потом на коробку с пирожными. Развязал розовый бант и, открыв крышку, вытащил эклер.

Осмотрелся, словно не понимая, как оказался в этом доме. Тихо, ровным голосом, произнёс:

– Вот, взял у Бланже сегодня. Угощайтесь. Они свежие.

Супруги переглянулись.

– Не желаете? А я попробую. Должно быть вкусно. Он сам их делает.

Митрофан откусил большой кусок пирожного и начал жевать. Остановился. Лицо сделалось каменным и побледнело. Ладонь, в которой держал эклер, сжалась. Крем полез между пальцами. Сладкие, жирные капли упали на брюки. Он резко вскочил и бросился к выходу.

Успел выбежать на улицу. Его вырвало прямо у порога.

Закружилась голова. Куст смородины, у которого он оказался, деревья, и даже дом, всё начало плавно разъезжаться в разные стороны. Тело перестало его слушаться, сделалось ватным, невесомым. Понял, что падает и не в силах что-то сделать. Последнее что увидел, прежде чем потерять сознание, появившегося в дверях Артемия Ивановича. Его расширенные, полные ужаса глаза и приоткрытый рот.

Глава 20

Спустя неделю отец Владимир стоял на кухне и разговаривал с Катериной.

– Как он сегодня?

– Всё так же, – отвечала Катерина, отскабливая сковороду. – Лежит. Говорить не хочет. Только с ней всё говорит. Шевелит губами, что-то рассказывает. То улыбается, то плачет иной раз.

– Ел что-нибудь?

– Если я ему в рот кусок суну, проглотит. А так ничего не хочет. Я уж всякое ему сулила – молчит. Глядит мимо.

– Плохо дело..., – произнёс отец Владимир, потирая виски.

– Да уж хорошего мало. Я думала, обойдётся день другой, ан нет. Лежит, губами шевелит и всё тут.

– Я думаю его в Москву везти. Там есть и больница по этой части, и врачи дельные. От наших лекарей току нет, а там похлопочу через дядю. Найдём хорошее место.

– Ну, дай Бог, – сказала Катерина. Повесила сковороду и, отвернувшись к окну, вытерла фартуком увлажнившиеся глаза.

Ветер колыхнул занавески. Жара ушла. Тучи начали свой медленный хоровод, пряча солнце и грозя затяжным скучным дождём. Пахло сухими листьями и выгоревшей пылью.

ной травой.

Августовский ливень собирался смыть остатки лета с улиц Воронежа.

Глава 21

23 августа 1901 года. Юрмала.

За час до полудня солнце почти растворилось в серой, плотной дымке, подкравшейся с моря. После долгой погони друг за другом волны устало валились на берег. Их пенистые гривы быстро таяли на тусклом, сероватом песке.

Митрофан шёл тропинкой, которой ходили обычно лишь местные. Под ногами попадались полусгнившие доски и куски старой растрескавшейся черепицы. Местами путь терялся в песке, неожиданно выскальзывая из дюн островком покрытых бархатистым мхом булыжников. Изредка он останавливался и слушал голос шевелящегося рядом моря. Ловил в нём ритм для строчек, что сами собой складывались в стихи, и пел всё, что приходило в голову.

Не доходя до новых дач, свернул с тропинки к морю. Он любил смотреть, как волны бросаются на камни, а потом, шипя от бессилия, катятся назад.

У старого, вросшего в песок баркаса, бегал мальчик. Что-то крича, он увлечённо сбивал палкой обрывки водорослей с дырявого борта. Влажные грязно-зелёные ошмётки летели в разные стороны. Большая чёрная собака прыгала рядом, и пыталась поймать их. Пёс первым заметил приближающегося человека и тряхнув лохматой головой бросился навстречу. Мальчик побежал следом. Брызги влажного песка,

из-под лап собаки, полетели в него.

Митрофан уже знал, что нужно делать. Когда собака оказалась рядом, поднял руку с открытой ладонью и скомандовал:

– Ша Туз, сидеть!

Мокрый, перемазанный песком пёс, сидеть не собирался, но, по крайней мере, не стал закидывать ему лапы на плечи, как при первом знакомстве.

– Доброе утро, господин Пятницкий! – задыхаясь от бега, выпалил мальчишка. – А мама сидит на террасе. Велела, если вас увижу, непременно пригласить пить кофе.

– Да, Саша, с удовольствием зайду, – ответил Митрофан.

Слова заглушил лай Туза, увидевшего что-то в дюнах. Мальчик и собака одновременно сорвались с места и побежали искать добычу. Митрофан посмотрел в след, прикрыв рукой глаза от вырвавшегося меж облаков солнца. Поправил шляпу, стряхнул песок с ботинок и направился к дому, который снимала на летний сезон семья Владислава Леонидовича Полянского, депутата Рижской городской управы. Он познакомился с ними, гуляя по маленькому дачному городку. Вместе остановились послушать шарманщика. Полянский, заметив его интерес, перевёл слова песни. Разговор закончился приглашением на ужин. Как оказалось, ужином звалась светская вечеринка, где собиралось всё летнее общество Юрмалы.

Дом, окружённый соснами, стоял на небольшом возвыше-

нии, выкатывая к морю деревянные ступеньки с тонкими перилами.

Пятницкий издали увидел, что Лина Полянская, жена депутата, уже не сидит на террасе. Она попросила прислугу вынести столик туда, где заканчиваются ступеньки, и пьет кофе на хорошо утоптанной площадке у моря. Приблизившись, Пятницкий невольно отметил, как она хороша. Голубые глаза, выразительные и яркие, чуть сощурились при его приближении. Милая, искренняя улыбка. Белокурые локоны, послушные дыханию морского ветра, щекотали румяные щеки. Ничто на её лице не напоминало о вчерашнем весёлом ужине, затянувшемся почти до рассвета. Он поклонился:

– Доброе утро. Не считите за дерзость, в отсутствие Владислава Леонидовича, но я не могу молчать: Вы выглядите божественно.

– Доброе утро Митрофан Ефимович. Спасибо за комплимент. Рада видеть вас, – Полянская, улыбнулась.

– Влада не будет сегодня. Рано утром прибыл посыльный, и он отправился в Ригу. Какое-то неотложное дело. Как и всегда, впрочем. Он велел передать поклон еще раз, и восхищение вашим исполнением. Все гости после вчерашнего выступления были в восторге. Уверена, что уже появились почитательницы вашего таланта.

– Талант – красивое слово. Если бы знать, что такое талант. Ведь я здесь сейчас отчасти, потому что ищу ответ на этот вопрос.

– Какой вы таинственный! Присаживайтесь же. Никуда не отпущу вас, господин Пятницкий, пока вы не расскажете всё. Навели фурор своим голосом в нашем скучном обществе, но никто ровным счётом ничего не знает о вас.

– Может оно и к лучшему, – Митрофан присел на плетёное кресло накрытое пледом. – Я и сам ещё мало о себе знаю.

– Никаких отговорок. У меня нет ни малейших сомнений, что вы интересный человек.

Митрофан грустно усмехнулся.

– Жаль, что «интересный человек» это не призвание, а лишь временное положение. До тех пор, пока вы не узнаете меня получше. Я ведь и правда, ещё не знаю кто я. Да, такое возможно не только в юном возрасте. Это бывает, когда ты живёшь жизнью другого человека, не того, кем ты можешь быть. И, может, никогда не станешь, оставив этому миру лишь кипу бухгалтерских бумаг, которые сожгут на дворе ямщики, чтобы согреть руки, – он разгладил завернувшуюся от порыва ветра скатерть и посмотрел на шумящее море.

– Вы упоминали, что когда-то поступали в консерваторию. Почему не сложилось? – спросила Лина осторожно.

Митрофан посмотрел на море. С минуту он слушал мерный шум приходящих к берегу волн, и на какой-то, одному ему известный счёт, заговорил.

– Так получилось, что не пробыл в консерватории и дня. История личного характера. Звучит, как в дешёвых романах, но короче не скажешь: несчастная любовь. Нервный срыв.

Оправился лишь через год. Лечился в клинике нервных болезней в Москве.

Когда почувствовал себя лучше, врач настоял, чтобы я узнал, можно ли вернуться в консерваторию. Считал, что занятия музыкой пойдут мне на пользу. Только я собрался отправиться к моему учителю Джиральдони и тут ужасная новость. Узнаю из газет, что он умер. Встретился с ним в церкви, на отпевании. По удивительной случайности, рядом со мной стоял директор консерватории Сафонов. Представьте, чудо – вспомнил меня! Хотя видел лишь раз, мельком. Предложил, для начала, пообщаться с новым заведующим кафедры – господином Эверарди. После перенесённого срыва я несколько потерял в голосе. Занятия с ним были бы очень кстати.

– Тот самый Эверарди?! – Лина округлила глаза.

– Да, тот самый. Но в этом и проблема. Эверарди мировая величина. Сам Шаляпин брал уроки и его время стоит немалых средств. Я устроился на вакансию секретаря, там же, в канцелярии клиники. Появились кое-какие деньги. Начал брать уроки. Дело пошло хорошо. И тут маэстро Эверарди умирает, сердечный приступ. Какой-то ужасный рок! Это стало для меня очередным ударом. Возможно, я излишне впечатлителен, но теперь мне кажется, сама судьба строит преграды. Закрывает этот путь. Я в совершенном непонимании, что нужно мне? Карьера оперного певца с каждым годом всё призрачнее. Время, кажется, ушло...

– Не говорите так! У вас отличный голос, – Лина взволнованно теребила в руках кружевной платочек. – У вас ещё всё может получиться.

Митрофан посмотрел на небо, темнеющее на горизонте, и опустил глаза.

– На днях я плыл на пароходе, и началась сильная качка. Волны поднимались очень высоко, хлестали через борт. Признаюсь, мне стало очень страшно. Я ведь впервые на море, и тут сразу такое.... Вдруг пароход перевернётся и все пойдут на дно? Только я не умереть боялся. У меня сердце разрывалось от того, что исчезну, лягу камнем в этом бурном море, а ничего ещё не успел, не сделал, не оставил после себя. Вот что было страшно. Я приехал сюда в надежде дать покой душе, и тогда, возможно, мне откроется что-то. Покой я отчасти нашёл, а остальное всё так же туманно.

– Не сдавайтесь. Попробуйте другие пути. Вы упомянули Шаляпина, – глаза Лины блеснули. – Вам приходилось с ним встречаться?

– Нет, я лишь бывал на его выступлениях. Вокруг столько поклонников, что не пробиться.

– Попробуйте встретиться с ним и попросить совета. Пусть он станет вашим судьёй. Я верю, что господин Шаляпин благородной души человек и выслушает вас. Нельзя терять такой голос!

– Спасибо, Лина. Вы так добры и сочувственны ко мне. Но кто я, и кто Шаляпин.... К тому же, как пишут газеты, он

сейчас в Италии. Готовится к сезону в Ла Скала. Вернётся, вероятно, лишь зимой.

– И что с того? Ведь вернётся же. Найдите его и просите дать вам вердикт. Он гений. И если скажет, что вам поздно думать о сцене, то так тому и быть. Но не вам самому это решать. И я уверена в другом исходе.

Митрофан задумался. Хлебнул остывший кофе. Он показался чуть солоноватым, будто ветер, остудивший его, добавил вкус моря. Саша и Туз, устав бегать по мокрому песку, возвращались домой. Мальчик изредка останавливался и кидал что-то в море. Пёс, волновался, делая нерешительные попытки броситься в воду, но налетающие волны пугали его. Лина помахала им рукой. Туз, заметив, завилял хвостом, а мальчик ускорил шаг.

– Смотри мама, у меня тут богатство! – звонко крикнул он подбегая.

Карманы Саши были набиты сосновыми шишками. В детских глазах горел восторг, а на руках перемазанных пахучей смолой налип песок. Туз, высунув розовый язык и улыбаясь во всю пасть, полностью разделял его настроение.

Солнце неожиданно вновь выскользнуло из-за облаков, и серое море приобрело тёплый, золотистый оттенок.

– Пообещайте мне, что обязательно встретитесь с Шаляпиным. Обещаете? Тогда, я точно буду знать, что пройдет сколько-нибудь времени и я встречу вашу фамилию в газете или на афише! – не унималась Лина.

Пятницкий улыбнулся ей.

– Возможно, вы правы. Ведь я ничего не теряю. Обещаю вам. И спасибо, что вы так прониклись ко мне.

Митрофан взял её руку и поцеловал тёплые пальцы, пахнущие кофе. Туз, увидев это, тут же подскочил и начал лизать ладонь хозяйки. Её смех растворился в шуме волн. Ветер опять задрал скатерть на столике, чуть не повалив чашки, и Лина махнула рукой служанке. Пора было собираться.

Глава 21

5 декабря 1901 года.

Свернув в Леонтьевский переулоч, Митрофан почувствовал, как порывы ветра стали тише. Появилась надежда, что уши, торчащие из-под шляпы, не будут до конца отморожены. Этим утром Москва не благоволила погодой к совершающим прогулки. Мороз хватал по декабрьски жёстко, злясь на мерклое небо, жалеющее снега для пустынных переулочков, что расползались в разные стороны от Тверской. Ледянистая белая крупа, не густо сыпанувшая ночью на город, застряла меж серых камней мостовой и в узорах лепнины на стенах особнячков.

Дом Саблина он увидел, как только ступил в переулоч. Даже в такое хмурое утро, громада четырёхэтажного здания сияла белизной новой штукатурки среди старых строений Леонтьевского. В одной из квартир лучшего доходного дома Москвы недавно поселился вернувшийся из Милана Шаляпин.

Узнать адрес было несложно. Накануне, дождавшись, когда Шаляпин выйдет после выступления, Митрофан проследовал с толпой поклонников от Большого театра до его квартиры. Клакеры и обычные почитатели таланта регулярно провожали кумира чуть ли не до дверей. Иногда дежурили там часами. Но не сегодняшним холодным утром.

Теперь, когда он стоял перед блестящей лаком дверью, идея пойти к Шаляпину перестала казаться разумной. Митрофан погладил пальцем кнопку звонка. Услышал шаги в коридоре. Отдёрнул руку, словно обжёгся и засунул её в карман. Отошёл в сторону и прислонился к стене. Мимо прошёл человек, не обратив на него никакого внимания.

«Что я скажу ему? – думал Пятницкий. – Здравствуйте, я хочу быть оперным певцом, как вы? Глупо, дальше некуда. И это, ежели он захочет принять меня. Но ведь он имеет полное право не пустить на порог».

Этажом ниже кто-то вышел из квартиры и шаркая ногами начал спускаться. Хлопнула дверь.

«Вдруг следят за мной в глазок.... Наверное, я подозрительно выгляжу, околачиваясь тут перед дверью. Чего доброго, позовут городского. Возможно, я и сам бы так сделал. Хотя в квартире, скорее всего, никого и нет».

Он опять ступил к двери и погладил серебряную кнопку не в силах её нажать.

«Поведение мальчишки», – злясь, подумал он.

В это мгновение за дверью раздался звонкий визг. От неожиданности Митрофан вздрогнул, и палец сам нажал на звонок. Визг стих, он услышал жужжание звонка и чьи-то голоса. Метнулась мысль, что ещё не поздно уйти. Но уверенности, что успеет скрыться с глаз, прежде чем дверь откроется, не было. Протяжный визг повторился.

Дверь распахнулась. На пороге явился сам Шаляпин. Ат-

ласный халат, тапочки, папироса в уголке рта. Крупная, почти гигантская фигура его заняла весь проем двери, и если бы Митрофан не попятился сразу на пару шагов, то имел все шансы почувствовать себя лилипутом под нависшим над ним человеком-горой. За его спиной женщина тащила вглубь квартиры упирающегося, плачущего ребёнка.

Шаляпин выпустил дым изо рта и удивлённо спросил:

– Почему один? Где дружки, проспали?

Пятницкий открыл рот... и закрыл его. Вопрос был столь неожиданный и непонятный, что ответ не находился никоим образом.

– Разворачивай оглобли, парень, – пыхнув папиросой, продолжал Шаляпин, не обращая внимания на замешательство гостя. – Не имейте моды ходить в такую рань. Я ещё чаю не пил, а уже приплыли на пристань арбузы грузить. Лысые черти вас задери!

Митрофан понял, что дверь через секунду захлопнется и произнёс срывающимся голосом:

– Я один из многих интересующихся пением.

Шаляпин, разворачивающийся от двери, остановился.

– Все интересуются. И что? В каком понимании интересуетесь, позвольте узнать? – он оглянулся в прихожую и укладкой стряхнул пепел на пол коридора.

– Я Митрофан Пятницкий из села Александровка, Воронежской губернии. Имею желание петь, посвятив себя опере.... И решил предоставить свой голос вам на суд.

– Так прямо из села? А по костюму не скажешь. Отец то, поди, помещик?

– Отец священник. А я служу сейчас в Москве секретарём, и одеваюсь подобающе.

Шаляпин неожиданно расхохотался искренне и легко.

– Ишь ты! Оказывается, не билеты пришёл клянить, да ещё из села. И петь не просит, а сам желает спеть! Чудеса! Видать я не проснулся – два раза за минуту ошибся в одном человеке. Но не мудрено, поклонники ходят целыми днями. Как на работу! То билеты просят, то просто: Дай рублик. Отбою нет. Один прохиндей на днях, четвертной выщеганил. Такую слезливую историю рассказал, страшное дело! Я почувал, что опростоволосился. Догнал на Тверской, когда он в пролётку усаживался с дружками, да нахлобучил чёрту, чтоб неповадно было! – и тут же, обернувшись почти пропел сильным бархатным басом, обращаясь к кому-то невидимому в квартире. – Чаааю! Антонина! Чааю и покрепче!

Он подвинулся в сторону и жестом пригласил Пятницкого в большую прихожую.

– Заходи, раз пришёл. Угощу чаем. Кофе не люблю. Не наш напиток, и горло сушит. У меня сын буянит с утра, так не обращай внимания. Тоже любит петь по-своему. Не поспишь как прежде, ералашит весь день! Но что поделатъ, наследник!

Митрофан, волнуясь, переступил порог и снял шляпу. Шаляпин оказался совсем не похожим на того человека, ко-

торый выходил на сцену Большого купаясь в овациях. Без грима, белокурый, весёлые, искрящиеся энергией глаза, хитрый мужицкий прищур, простой говор. Не смотря на грузность фигуры, движения лёгкие, плавные и одновременно быстрые. Встретились бы они в деревне, и в голову не пришло, кто это может быть.

Прошли в кабинет. Огромные кожаннные кресла, диван, зеркало в полстены. Бордовые гардины, собранные золотыми завязками, открывали окно, в которое пробивался скупой свет зимнего утра. Рояль, благородно поблёскивая золотой надписью «Стейнвей», ожидал в дальнем углу. На столе с золотыми вензелями всякое: книги, бумаги, краски для грима, статуэтки, какие-то безделушки, которым и названия Митрофан не знал.

– Ну что же, – Шаляпин взял чашку с подноса, который принесла Антонина. – Утро начинается с неожиданного концерта. Каков ваш репертуар?

– Говорят, мне неплохо удаётся ария Вольфрама.

– Тангейзер? Сильно.

– Да, но можно и на ваш выбор, я знаю немало известных арий.

– Ну, нет, давайте уж Вольфрама. Правда «спящий герой» уже проснулся, – со смехом сказал он, кивнув на дверь за которой была слышна детская возня и бурчание няни. – И утро томным не получится, как следовало бы для сей арии, но давайте, порадуите меня...

Митрофан закончил концерт для одного зрителя минут через сорок, и только потому, что в дверь постучалась Антонина. Сообщила, что дожидается приёма некий Владимир Алексеевич.

– Ах, я беспамятный олух, – всполошился Шаляпин. – Обещал Володе, что пойдём завтракать в «Эрмитаж»! – Антонина, передай – я выйду через минуту! А вам господин Пятницкий я скажу вот что: голос, несомненно, изрядный. Думаю, вы сможете найти свою публику.

Он подошёл к столу, обмакнул перо в чернила, и быстро набросал записку. Сунул её в конверт с гербом в виде витиеватых букв ФШ.

– Вот моя рекомендация. Покажите её барону Стюарту. Живёт недалеко, в Газетном переулке. Мой хороший приятель и ценитель искусства. Устраивает вечера музыки, благоволит артистам. Подскажет вам с чего начать.

– Я не знаю, как вас благодарить... – Пятницкий растроганно склонил голову, принимая записку.

– Не стоит благодарностей, доставил удовольствие ваш голос. И, кстати, мне пришлась по душе более всего вот эта ваша песня, из народных, где «гусли вдарили» Это очень свежо, зажигательно! Я и сам решил исполнять что-то народное. Есть прекрасная бурлацкая песня, с самой Волги. «Дубинушка», слышали? Ну не важно, услышите ещё. А теперь всё, мне пора, ждёт старый друг. Удачи вам.

Митрофан ещё раз поблагодарил. Антонина проводила

его до дверей. В прихожей на диване курил, ожидая Шалыпина, важный усатый господин в дорогом пальто с бобровым воротником и знатной тростью, которую можно было бы использовать при случае как дубину в тёмной подворотне. Он окинул Пятницкого внимательным, изучающим взглядом. Антонина пригласила его пройти, а Митрофан аккуратно спрятав записку во внутренний карман вышел. Дверь закрылась. Он постоял ещё с минуту и сунул руку во внутренний карман, коснувшись конверта с запиской.

«Жизнь полна чудес. Если ты сам этого захочешь», – подумал он.

Всё шло самым наилучшим образом, и не откладывая он направился к барону Стюарту.

Митрофан не стал возвращаться на Тверскую, где продолжал гулять ледяной ветер, а прошёл в Газетный дворами. Справившись у дворника, быстро нашел небольшой особняк барона. Постучал в дверь. Ответа не последовало. Обратил внимание, что дверь припорошена снегом.

«Возможно, принимают с другого входа», – подумал он и решил обойти дом. Не успел завернуть за угол, как на него выскочил молодой человек. Худощавый, в студенческой фуражке и лёгкой накидке.

– Позвольте, – решил воспользоваться случаем Митрофан. – Вы не знаете, как попасть к барону Стюарту?

– Знаю, – прохожий остановился, поёживаясь от холода. – Отчего же не знать, очень хорошо знаю. Только барон сейчас

не соизволит вас принять. Ему нехорошо после вчерашнего. Давайте дойдём до лавки, здесь в двух шагах, возьмём ему квасу, и тогда он, несомненно, подберет.

Пятницкий, пожав плечами, пошёл за молодым человеком, похожим на студента из разночинцев, который и сам, судя по виду, мало спал прошедшей ночью.

Взяли в лавке бутыль белого кваса с хреном и горчицей. Пошли обратно к особняку. Молодой человек, пройдя совсем немного остановился. Ничуть не стесняясь, выдернул пробку из бутылки и отхлебнул большой глоток.

– Ух, хорош! Прямо продирает. Не желаете? – обратился он к Митрофану.

– Нет, благодарю. Мне бы барона Стюарта повидать, – напомнил он на всякий случай.

– Зачем вам сдался этот барон, милейший? Вы кто будете, можно полюбопытствовать?

– Митрофан Ефимович Пятницкий. По делу вас не касающемуся. Хочу отметить, сами вы не представились, а уже отпили пол бутылки кваса предназначенного, по вашим словам, барону.

Молодой человек расхохотался.

– Квас уходит по назначению, прошу заметить! Простите за такое обращение, но вчера допоздна был на приёме у князя Абашидзе и несколько утомился. Честь имею – барон Владимир Дмитриевич Стюарт.

Митрофан открыл было рот, чтобы что-то сказать и тут

же закрыл.

– Не ожидали? – барон довольный удивлением собеседника, отхлебнул ещё из бутылки и с удовольствием замотал головой. – Истину вам говорю, и всему есть объяснение. Человека не послал за квасом, захотелось самому воздуха свежого. И на платье моё не смотрите. Не все бароны ходят в камзолах с позументами. Я, например, являюсь слушателем медицинского факультета, и состою на должности помощника врача. Не буду же я в приёмном покое, или вот за квасом, к примеру, фланировать в золотых эполетах! Итак, вы по какому делу?

Пятницкий сконфуженно протянул записку от Шаляпина. Быстро прочитав, Стюарт поднял взгляд, и взмахнув рукой в сторону особняка произнёс:

– Прошу в мою обитель, где витают музы и пары шампанского.

Вход был действительно со двора. На пороге их ждал лакей, принявший пальто у Пятницкого.

По широкой лестнице прошли в зал. За ними следовал слуга с подносом, на котором стояли несколько бокалов вина. Митрофан увидел рояль и рядом кресло, в котором сидела милостивая блондинка лет тридцати, и задумчиво жевало яблоко. Увидев их, она оживилась:

– Владимир, куда же вы запропастились? Какой к чёрту квас? Я попросила Арнольда принести шампанского. И кто это с вами?

– Дорогая, позволь представить, господин Пятницкий. Его рекомендовал Федя. Митрофан Ефимович, знакомьтесь, это Марго, дама моего сердца.

Пятницкий поклонился.

– Господин Пятницкий, не желаете бокал шампанского?

– предложила девушка.

– Нет. Благодарю вас. Возможно позже...

– Солнце моё, – барон взял бокал с подноса и отпил глоток. – Не могла бы ты аккомпанировать Митрофану Ефимовичу? Он желает исполнить нечто.

Марго без промедления поднялась с кресла и присела за рояль, положив надкусанное яблоко на блестящую крышку. Барон, не сводя с девушки взгляда, обратился к Митрофану:

– Вы знаете арию Демона? Она почему-то очень трогает меня всегда.

– Да, и я знаю почти всё из репертуара Федора Ивановича.

Стюарт закрыл глаза и взмахнул рукой, обращая жест к своей даме. Она недолго покопалась в нотной тетради, и пальцы пробежали по клавишам.

Через несколько секунд по сумрачному залу прокатился сильный, полный чувства голос:

– Я тот, которому внимала

Ты в полуночной тишине...

Митрофан уже после первых строчек забыл, где и для кого поёт. Он любил и боялся эту арию, которая проникала в самую суть его личных переживаний, всего того, что старал-

ся и не мог стереть из памяти. Строчки Лермонтова перепевали его давнюю боль, и на последних нотах он рухнул на колени, протягивая руки к невидимой Грёзе.

Барон посмотрел на Марго, взглядом в котором без труда можно было прочитать восторженный вопрос: «Ну, каково»?

Шагнул к Пятницкому, помог подняться с колен и растроганно обнял.

– Это великолепно! Поверьте, вас ждёт успех. Я не антрепренер и не занимаюсь устройством дел, но на моих вечерах собирается весь цвет московской аристократии сколько-нибудь ценящий искусство. Немало выступавших у меня людей обрели определённую известность в московских кругах. Кстати, не далее, как в этот четверг состоится приём. Вы должны обязательно выступить. Репертуар на ваше усмотрение, но Демон – непременно. Иначе я вас и на порог не пущу!

Марго встала из-за рояля и бойко захлопала в ладоши.

– Кажется, нашу публику ждёт новое открытие, – уверенно сказала она и, прихватив яблоко, вновь устроилась в кресле.

Глава 22

Настал четверг. На Тверской, не смотря на мороз, стоял туман. То ли жгли мокрые дрова, то ли мелкий снег делал тусклым этот вечер, но в воздухе было что-то мутное и тяжёлое.

Пятницкий, осознавая, что ждал этого вечера всю жизнь, нажал на кнопку звонка в Газетном переулке.

Дверь открыл незнакомый лакей. Митрофан начал было представляться, но тот, приняв у него пальто и шляпу, указал жестом на лестницу и сказал: «Пожалуйте».

Смех и голоса оживлённой беседы, смешиваясь с лёгкой музыкой, создавали неповторимый гул светской вечеринки, находящейся в самом разгаре. Он подошёл к дверям зала. Остановился, прислушался к мелодии.

«Скрипка, рояль и виолончель», – зачем-то перечислил он про себя, и шагнул на играющий бликами паркет. Ему никогда не приходилось бывать на подобных приёмах. Единственное, что было тут знакомо, платья, в которых проплывали по залу дамы. Он видел похожие в витринах самых модных и дорогих магазинов на Тверской. Бросались в глаза и несколько офицеров. В одном из них он узнал великого князя. Его портрет, сопровождавшийся многословным поздравлением с днём рождения, он недавно видел в газете.

Митрофан опустил голову, чтобы не встретиться ни с кем

взглядом и не вызвать лишней интерес. Увидел, что старательно начищенные перед выходом ботинки, всё равно кажутся стоптанными и неуместными на этом, отливающим золотистым лаком паркете. Брюки, что он взял на вечер у приятеля, увиделись ему совсем неподходящими по размеру.

Барона не было видно. Не зная, как вести себя далее, хотел уже вернуться в прихожую и просить лакея найти Дмитрия Владимировича. Разворачиваясь, случайно толкнул даму, проходившую мимо с бокалом вина. Она на миг остановилась и посмотрела на него осуждающе, видимо ожидая извинения. Митрофан растерялся и лишь прошептал что-то невнятное. Дама осмотрела его с головы до ног, усмехнулась и проследовала дальше.

К счастью за спиной, наконец, раздался голос Стюарта:

– А вот и Пятницкий! Ну как, вы готовы? Непременно исполните Демона. Я гарантирую, будет успех! – сказал он и отпил добрый глоток шампанского.

– Дорогой, давай познакомим Митрофана с гостями, а то, кажется, он неуютно чувствует себя в незнакомом обществе, – предложила Марго, сопровождавшая барона.

– Конечно, как я не подумал! – переполошился он. – Проходите за мной. Тут у нас небольшой фуршет. Есть устрицы. Доставлены только вчера из Франции! Желаете попробовать? – прихватив под руку Митрофана, не успевшего ничего ответить, они потащили его в соседнюю залу. Там, за низким столиком, на диване сидели несколько человек. Пят-

ницкий узнал среди них того мужчину с тростью, что видел в прихожей у Шаляпина.

Стюарт представил всем Митрофана Ефимовича, как прекрасного исполнителя, что порадует их сегодня вечером.

Пятницкий присел на краешек дивана. Наверное, следовало попробовать устриц, которых так расхваливал барон, но как за них взяться он не представлял. Разговор крутился как раз вокруг блюда со льдом, на котором лежали серые, влажные, раковины, наполненные чем-то склизким и малоаппетитным на вид.

Господин в синем сюртуке рассказывал, как летом в Париже ел устриц по дюжине каждое утро. Но не тех что присутствовали здесь на блюде, а какого-то иного сорта, более изысканного и любимого французами. Его дама, усыпанная бриллиантами от ушей до пальцев, внимала с таким серьёзным видом, словно слушала лекцию в университете.

К Митрофану обратился мужчина с тростью, которого барон представил как, «не требующий лишних представлений, достопочтенный Владимир Алексеевич»:

– Может, вы расскажете нам что-то занимательное? Признаться, устрицы лучше есть чем слушать о них.

Дама сдвинула брови, но её спутник, ничуть не обидевшись, хохотнул:

– А действительно, Митрофан Ефимович, кажется? В нашем обществе каждый новый человек на вес золота, разумеется, если он не скучен.

Митрофан смутился.

– Боюсь, я как раз заурядно скучен, – сказал он, теребя пуговицу пиджака. – Про устриц мне нечего сказать. Разве что в детстве я пытался жарить на костре ракушек, которых ловил в пруду. На вкус уже не помню, но, кажется, не очень приятно.

– Вы воспитывались в селе? – спросил мужчина в синем костюме.

– Да, мой отец священник в селе воронежской губернии. Я рос в большой семье, и жил как крестьянский ребёнок. Пас гусей, ловил рыбу.

– Это слишком оригинально, – сморщив носик, сказала госпожа Устрица, как назвал её Пятницкий про себя. Взяв с подноса мандарин, она поднялась и растворилась среди гостей.

Митрофан сконфуженно спросил у Владимира Алексеевича:

– Я рассказал это не к месту? Про ракушек из пруда?

Тот подмигнул и ответил, наклонившись к уху Пятницкого:

– Не берите в голову. Я её не знаю, а значит, она никто.

Вдруг за спиной у них пророкотал голос:

– Господин Гиляровский, а вы слышали про Пестрова? Говорят, проигрался в прах и продаёт особняк на Божедомке.

Митрофан вздрогнул от неожиданности и обернулся. Оказалось, подошёл приятель Владимира Алексеевича –

огромный мужчина в твидовом английском костюме и с сигарой, дымящейся в уголке рта. Он без церемоний присел рядом и затеял разговор.

Но Пятницкому уже было не до проигравшегося Пестрова. Томительное ожидание рождало неприятные предчувствия. Появилось жгучее ощущение неуместности в этом обществе. Он чувствовал себя колоском ржи, что случайно затесался в букет с орхидеями. Вспомнил взгляд дамы, которую нечаянно толкнул. В её глазах легко читалось: «Кто этот человек в костюме не по размеру? Как пустили его сюда?»

Он успокаивал себя, повторяя раз за разом, что, скорее всего, до него никому нет дела, но тошнотворный, подкатывающий к горлу склизкой устрицей комок не отступал. Кончики пальцев покалывало как на морозе. Наконец, когда он уже был готов бежать в гардероб, появился барон.

– Господин Пятницкий, прошу вас.

Сам он вышел в центр зала и, как показалось Митрофану, излишне громко и восторженно представил его. Дамы и господа раздались в стороны, образуя свободное пространство, центром которого стал рояль.

Митрофан, осторожно, стараясь никого не толкнуть, обошёл за спинами гостей развернувшихся к барону и вышел уже рядом с роялем. Стюарт представил аккомпаниатора и, взмахнув рукой, отошёл, чтобы вместе со всеми насладиться выступлением. Пятницкий кашлянул. Поклонился.

Выступление решил начать с чего-нибудь лёгкого и зна-

когого всем, но в то же время, сразу обозначить свой голос, чтобы у слушателей не осталось сомнений, что он здесь не случайный человек.

Ему подумалось, что для этого как раз подойдёт партия принца из «Турандот».

Как только стал у рояля, увидел на противоположной стене портреты благородных дам и мужей и представил, что будет петь для них. Предки барона, пожалуй, не будут судить его строго. Эта мысль успокоила, и звуки рояля окончательно помогли прийти в себя. Первые строки полетели к лицам, грустно смотревшим на гостей с тёмных полотен.

Через минуту, почувствовав голос, он оставил в покое картины и смотрел на публику, не останавливаясь на ком-то одном. Приятным теплом, словно повеявшим из зала, окутало ощущение, что он поймал внимание слушателей, и удерживает его с каждой секундой всё крепче. Благодаря голосу, на глазах публики, он из гадкого утёнка, превращался в самого главного гостя вечера – истинного принца Калафа. Именно о нём будут говорить завтра, вспоминая приём у барона. Именно его захотят услышать ещё и ещё.

Вдруг, чиркнув искрой среди десятков устремлённых на него взглядов, мелькнули знакомые глаза. Так в утреннем тумане пробивается огонёк далёкого, затухающего костра. Когда он пел, то часто не видел никого и ничего, отдаваясь голосу, и думая лишь о нём. Но вот, сердце стукнуло лишний раз, сбившись с привычного ритма, и дыхание замерло не в

том месте. Голос сорвался. Конец строфы ускользнул. Рука, которую он поднял вверх на высокой ноте, обмякла и медленно опустилась вниз. Внутри начал быстро расти ледяной комок, грозивший в секунды стать айсбергом и ломая рёбра острыми углами, разорвать в клочья его грудь. Вскользь поймал недоуменный взгляд барона. Не задерживаясь на нём, медленно повернул голову ко входу в зал, туда где стояла она.

Митрофан не мог сказать, изменилась ли Валя за прошедшие годы. Его глаза пили её взгляд не в силах оторваться ни на что более. Это было чудо, подобное тому, когда умирающий от жажды в пустыне, вдруг, среди сухого, горячего песка находит фляжку с ледяной водой. Он перестал понимать, где находится. Молодой человек за роялем безуспешно попытался начать с того места, где голос Митрофана рухнул из под сводов зала. Зрители переглядывались и шептались, не понимая, что произошло. Стюарт увидел как Пятницкий побледнел и бросился к нему.

Митрофан сделал шаг от рояля, и не упал посреди зала только благодаря вовремя успевшему барону. Подбежали слуги. Подхватив его под руки, перетащили в соседний зал. Никто не обратил внимание, как девушка в голубом платье, только что вошедшая, быстро спустилась по ступенькам к выходу.

Барон зачерпнул горсть льда прямо из блюда, в котором лежали устрицы, и приложил ко лбу Митрофана. По лицу потекли холодные капли. Владимир Дмитриевич подал сал-

фетку и спросил:

– Что случилось, Митрофан Ефимович? Вы так напугали всех.

– Девушка..., – прошептал Пятницкий. – Там в дверях была девушка. В голубом платье. Где она?

– Какая ещё девушка? О чем вы? – удивился барон.

Марго покачала головой:

– Дорогой, ему дурно, он возможно не в себе. В голубом платье у нас сегодня только Анна Павловна, но она не совсем уже девушка, – обернувшись к лакею, крикнула раздражённо: – Арнольд! Какого черта вы медлите? Человеку плохо! Принесите же бренди скорее.

– Пожалуйста, позовите слугу. Того что в гардеробе. Мне нужно знать, я схожу с ума или нет, – голос Пятницкого дрожал.

Барон кивнул Арнольду, который мгновенно подбежал со стаканом бренди. Через минуту он появился с гардеробщиком.

– Митрофан Ефимович, что вы видели? Судя по вам, не иначе какое-то приведение.

– Любезный, – обратился Митрофан к гардеробщику срывающимся голосом. – Примерно десять минут назад... заходила ли дама в голубом платье?

– Да, была. Шуба у неё дорогая. С ней солидный господин с усами. В пальто. Она как услышала музыку – заспешила. Побежала в зал поперёд господина. Но надолго её не хвати-

ло. Зараз развернула обратно, как анчутка от ладана кинулась. Господин её только успел раздеться, а она уж взъерепенилась: Уйдем и всё. Он, как по мне, уходить не сильно хотел. Но где там! И слушать не стала. Накинула шубку и вылетела вон – фыррр! – взмахнул рукой гардеробщик.

– Так прямо и фырр? – удивился барон.

– Истинный крест! – гардеробщик перекрестился.

– Что это за странная дама! В мой дом часто приходят без моего личного приглашения. Ряд моих друзей, кому я доверяю, от моего имени приглашают иной раз интересных людей. Если поспрашивать, можно выяснить, кто это был.

– Не стоит. Я знаю кто она, – прошептал Митрофан.

Стюарт и Марго переглянулись. Распрашивать дальше не стали.

Спустя полчаса Пятницкий окончательно пришёл в себя от жгущего ледяного ветра, что нещадно бил в лицо. Пролетка несла его домой, на Девичье поле. Извозчик погонял коня молча и яростно. Дальше от центра огней становилось меньше. Голова кружилась, то ли от пережитого волнения, то ли от бокала крепкого бренди. Тёмные улицы мелькали перед глазами, засасывая его в мутный, бездонный водоворот. Митрофану казалось, что он проваливается в пустоту безлюдного города, летит в чёрную пропасть. Холодный ветер свистящими змеями заползал под пальто, но он дрожал не от этого. Пропасть имеет дно. Он рухнет туда, как только окажется один в своей квартире. Всё это предстояло пере-

жить, собраться с силами, и попытаться не разбиться в этот раз.

Выступление закончилось катастрофой. Петь в этот вечер он больше не смог. Голос в прежней силе, не вернулся к нему уже никогда.

Глава 22

Александровка. 3 июня 1910 года.

Ещё в ночи, со стороны лога, тучки неторопливо тянулись к селу. Первым их отметил в светлеющем небе пастух Сашка, по привычной обязанности просыпавшийся до света. Когда рассвело, стало видно, что облака на горизонте наливаются живой грохочущей силой, медленно перекатывающейся в их тёмных глубинах.

Сашка шёл по слободе, щёлкая кнутом и покрикивая на сонных коров, бредущих в стадо после утренней дойки. Бабы взялись цедить молоко, с надеждой посматривая на полнеющее влагой небо.

Давно отыграли по весенним полям ручьи, и чернозём иссыхал, не давая завязаться колосьям хлеба. Вечерний, еле ощутимый ветер, доносил в открытые двери изб горячий, пряный дух молодой полыни и клевера. Он застывал в избах до рассвета, пока не смешивался с запахом парного молока и горячего хлеба, что подавали на стол хозяйки

Сухой май лишь раз глухо кашлянул далёким раскатом грома. Гроза, застрявшая в прошедшей стороной туче, не испугала и старого приبلудного кобеля, который хоронился в лопухах даже от стайки пищащих утят.

Когда коровы выйдя за околицу повернули к пруду, небо с новой силой задвигало синие, кудлатые глыбы облаков. Под-

гоняемые сухим восточным ветром они собирались в одну тяжёлую тучу.

Ливень рухнул без раскачки. Ядрёные капли тяжело сыпанули по соломенным крышам изб и сараев. Дробный стук вмиг превратился в ровный шум льющей с неба воды. Дождь впервые за долгое время дотянул до Александровки, не оставшись на соседних полях.

К вечеру, заскучавшая по воде земля впитала всё до последней капли.

Когда лужи подсохли Митрофан и Николай вынесли стол на улицу, чтобы не ютиться в душной комнате. Поставили у плетня, на котором мать навесила горшков, торчащих в сумерках как головы любопытных прохожих заглядывающих во двор. В закатной прохладе приятно дышалось влажным запахом травы. Казалось, что красное как сковорода в печи солнце, вот-вот зашипит, коснувшись напоенной дождём степи.

Митрофан после ужина остался сидеть за столом с братом, который приехал час назад из Усмани. Пыхтя сигаркой, он наслаждался покоем летнего вечера в родном селе.

– Ну, как ты тут, не скучно в Александровке после Москвы? Рассказывай, какие новости привёз? И фонограф свой показывай. А то, мать говорит, все село в нём уже есть со своими песнями, а родной брат даже не видел этого чуда.

Митрофан улыбнулся:

– Увидишь сейчас. Обещали Колобаевы зайти в скором

времени, хочу ещё одну песню с ними записать. Я вчера выходил вечером и случайно услышал. Чего, говорю, вы её мне раньше не показали? Всё и не упомнишь, отвечают, да смеются. Вот и сговорились. Я попросил пораньше зайти, чтобы не совсем по темноте записывать. Но если что, лампу поставим. А в Москве новостей всегда хватает. Но я теперь с другими мыслями живу. Москва наших новостей пусть ждёт, а не наоборот.

– Это как же? – Николай прищурился и хлопнул комара на щеке.

– Я за последнее время вот что понял: земля наша так богата своим русским духом, что мы можем хоть в Москве, хоть в Париже шороху навести! Вот сегодня послушаешь. Песня – золото! А они даже не упомнили её сразу. Вот бы я не услышал вчера случайно? Кто знает, может и пропала бы она, эта песня. Не узнал бы её никто.

– А теперь кто узнает?

– Теперь её вся Москва может услышит. Скоро соберу хор из Александровцев и повезу в Москву. Вот сейчас набираю репертуар.

– Эх ты хватил, – Николай присвистнул. – Думаешь, интересно будет москвичам? Они всяко видели. Ты же, прошлый раз рассказывал, сам Батистини приезжал из Италии. А тут бабы Колобаевы... Нет, сомнение у меня имеется.

Митрофан хотел ответить сразу, и открыл уже рот, но осекся. Недалеко послышалась песня. Голос, который он,

уже узнавая, не смог перебить.

Я срублю ли, молоденький,
Я срублю ли, молоденький,
Кленовое древо,
Кленовое древо.

Я сделаю, молоденький,
Я сделаю, молоденький,
Звончатые гусли,
Звончатые гусли.

Поиграйте, мои гусли,
Поиграйте, мои гусли,
Гусли звончатые
Гусли звончатые.

Он посмотрел на Николая.

– Слышишь? Каково! Сомнения всегда имеются. И что, не делать теперь ничего? Нет, так не пойдёт, брат. Не пропадёт эта песня, не потеряется. Будет и через сто лет на этой самой земле она звучать. Верю в это, и жизнь на то отдам.

– Ишь загорелся! – Николай кашлянул, затянувшись крепким дымом. – Сроду такой. Чего вбил в голову, хоть трава не расти. Дай Бог, если так. Ты не горячись. Неси свой граммофон лучше. Вишь, люди собираются.

В калитку входили ребята и девушки. Поздоровались, поначалу, стесняясь, сели за стол. Ребятишки помладше, под общую лавочку просочившиеся во двор, притулились на завалинке. Они сторали от нетерпения. Хотелось поскорее увидеть ящик, который говорит человеческим голосом, и повторяет все песни в точности.

Пятницкий вынес из дома фонограф. Ребятишки мигом вытянули шеи. Не успевшие проскочить во двор, стеснялись зайти, и выглядывали в щели плетня. Приковылял и дед Алёшка, с Зелениной слободы. С поклоном поздоровавшись, присел на табуретку, которую специально вынесли из избы.

Митрофан уже привыкший к такому интересу обратился к брату:

– Знакомься, это Матрена, – указал он на девушку сидящую с подругами за столом. – Внучка Аринушки Колобаевой. От неё я и услышал вчера ту песню, о которой говорил. А она, думаю, от бабушки. Верно, Матрена?

– Верно, – девушка опустила глаза. – Бабушка играла её, когда я маленькая была, в то время и запомнилась.

– А похожа, – заметил Николай. – И на мать, и на бабу. Сразу видно чья, даже если бы не указал её.

– И слава Богу, – согласился Митрофан. – Не только песни, но и голос передаётся у них по женской линии. Вот сейчас мы его увековечим.

Пока Митрофан распаковывал новый восковой валик для

записи, одна из девушек, спросила не утерпев:

– Митрофан Ефимович, а верно Федька гутарит, что ежели в вашу трубу заставить Глашку Укусиху прочитать заговор от ячменя, иль от поясницы, то посла можно за деньги людям давать слухать для лечения? Наставляешь глаз в самую дырку, откель голос идёт, и ячмень как рукой сняло?

Парни, среди которых вероятно сидел и Федька, разом захохотали, но бойкая девка не смутилась, лишь строго глянув на них.

Вопрос развеселил и Пятницкого, хотя ранее, чего только не слышал о фонографе.

– Насчет заговоров не скажу. Но чтобы вы знали, это не колдовство, а чистая механика. Подойдите поближе, кто хочет, я покажу, как он работает.

Ребятишки только и ждали такого приглашения, сыпанули с завалинки к столу, на котором стоял фонограф.

Парни постарше тоже заинтересовались и встав из-за стола подошли ближе, безжалостно оттаскивая некоторых особливо любопытных мальчишек за уши.

– Придумал его одни изобретатель, по имени Эдисон. И устройство совсем нехитрое. Вот валик, – он поднял над головой чёрный цилиндр. – Покрыт специальным воском. Вот игла. Когда кто-то говорит или поёт в рупор, то игла, которая движется по воску, прыгает от голоса. Чем сильнее голос, тем глубже бороздка. Потом, прокручиваем валик в другую сторону, и игла, пляшет по углублениям, которые сама сделала,

передаёт звук на мембрану. Чистая механика. Такая наука. Будете учиться, может, когда-то и сами что-нибудь придумаете.

Ребята и девки теперь смотрели на фонограф с ещё большим уважением.

– Наука вам не шутка, – подытожил дед Алёшка, погрозив пальцем мальчишкам.

– Ну, ты готова, Матрёна? Давайте сначала репетицию для меня. Без записи, а потом так же в трубу споёте.

– А можно мне подружки помогут? – спросила Матрёна.

– Очень даже нужно! – поддержал Пятницкий.

Ой, да головушка моя болела,

Ой, да головушка моя болела,

Гулять захотела,

Гулять захотела.

Да гулять, гулять захотела

Да гулять, гулять захотела

В зелёную рощу,

В зелёную рощу.

Я пойду ли, молоденький,

Я пойду ли, молоденький,

В зелёную рощу,

В зелёную рощу.

Когда закончили запись, и молодёжь начала расходиться Николай сказал:

– Я тут пока слушал, вспомнил кое-что. В прошлом году, был в усадьбе Краснова. Чиновник в отставке. Живёт под Воронежем, село Задонское. Я внука его подтягивал, по разным предметам. Он в Петербурге, в гимназии учится. Так вот, в том селе есть тоже голоса потрясающие. Не раз слышал по вечерам, как поют. Послушаешь, словно мёда напьёшься перед сном. Раз ты так горишь этим делом, напишу тебе рекомендацию. Старик, прекрасный собеседник и характером прост. Дом у него просторный, и он, полагаю, будет только рад гостю.

– Идея отличная, – обрадовался Митрофан. – То, что нужно. Но этот Краснов... Я точно его не стесню?

– Точно. Я его знаю, – уверенно ответил брат.

Стемнело. Прежде чем идти в избу, они прослушали все

записи, которые сделал Митрофан в Александровке.

Ребятишки, не дождавшись больше никаких чудес из фонографа, кроме знакомых песен, разбежались. Голоса и смех молодёжи долго слышались из разных концов села. Полная луна, в омытом дневным дождём небе, освещала соседнюю слободу. Белёные избы серебрились в теплом небесном свете. От дальнего пруда неразборчивым шумом доносились голоса лягушек. Мимо плетня, держась за руки, прошла парочка. Первые петухи, ещё не проснувшись окончательно, взялись пробовать сиплые, неровные голоса. Село застыло в недолгом, почти неуловимом летнем сне.

Глава 23

6 июня. Задонское.

Митрофан проснулся поздно. Глянул на часы, тикавшие на стене. Без четверти одиннадцать. Солнечный свет не проникал в спальню, застревая в густой листве неухоженного, старого сада.

Вчера они засиделись допоздна. Владимир Иванович Краснов действительно оказался рад ему. Принял радушно, и по-свойски, без церемоний. В доме, так же проживал на летних каникулах его внук Серёжа.

Хозяин, как плату за постой, положил Митрофану по-дробнейшим образом рассказывать о московской жизни и разных новостях. Фонограф и вовсе вызвал невероятный восторг старика, не говоря про внука. Даже кухарка, подававшая ужин, украдкой любопытствуя, излишне прислуживала им, находя всё новый повод подойти к столу.

Во время разговора, когда Митрофан рассказал о цели своего приезда, обнаружилось с чего можно начать. По словам Владимира Ивановича, у него на конюшне помогал паренёк лет тринадцати, не по годам смышлёный, обещавший вырасти в хорошего конюха. Ему приходилось слышать, как он прекрасно поёт.

Полежав вволю, Митрофан встал и оделся. Вышел из комнаты, желая найти хозяина, но в зале, где они вчера сиде-

ли, было пусто. На диване спала кошка. При его появлении, она лишь приоткрыла один глаз. Услышав какой-то шум, он, немного поплутав между комнатами, вышел на кухню.

– Доброго утречка, господин Пятницкий, – с поклоном поздоровалась кухарка Настасья. – Угощайтесь пирогами, и молочка вот. Нонешнее, утрешник. А Владимир Иванович с Сережей подались куда-то. Ванька им запряг с утра, и ускакали. Теперь не раньше как после обеда будут.

– Спасибо, теперь понятно, отчего такая тишина, – он сел за стол и откусив хрустящий корочкой пирог, запил его молоком.

– Вкусно? Может, чего ещё желаете?– спросила Настасья.

– Очень вкусно! А скажи есть кто в селе с хорошими голосами? Хочу их на фонограф записать. Слышала ведь вчера, зачем я приехал?

Кухарка глянула на него исподлобья и, отвернувшись скороговоркой произнесла:

– Боже упаси, я сроду ничего не слушаю, что господа гутарют. Откуда мне знать-то. День-деньской кружусь на кухне, никого не вижу, не слышу. Я баба простая, не лезу куда неслед. Голосов никаких не слыхала, спаси Христос!

Митрофан немного удивился ответу, но не придал значения.

Вышел из дома чёрным ходом, через кухню. Сад начинался прямо с порога.

Когда-то процветающее имение зарастало травой и хме-

лем. Еле заметная тропинка, вела неровным полукругом между старыми деревьями. Приходилось постоянно нагибаться, чтобы ветки не расцарапали лицо. Запах маленьких зелёных яблок и сухой коры, знакомый и приятный, наполнял мыслями о детстве. Тишина и запустение усадьбы неожиданно обрадовали его. Покой, которого так не хватало в Москве, здесь был естественной и основной сутью жизни.

За садом увидел кирпичную конюшню, вероятно пережившую ещё нашествие Наполеона. Неровные стены время нещадно погрызло своим щербатым ртом. Кирпич осыпался, местами виднелись дыры от вывалившейся кладки, небрежно замазанные саманом. За конюшней, широкая дорога вела мимо пруда к селу.

Вылазка его неожиданно завершилась полным провалом.

Село жило не бедно. Лишь с краю привалилось к пыльной дороге несколько изб с дырявыми, замшелыми плетнями. На главной слободе, напротив пруда, основательно коренились дворы крытые железом. Хозяева хвалились резными наличниками на окнах и новыми дощатыми заборами, вместо плетней.

У многих зеленели большие сады, а на выгоне, лениво оглядываясь на прохожих, сыто мычали справные телята.

Но вот общаться с ним, желающих не оказалось. В нескольких домах, куда Митрофан стучался, ответили вежливо, но в духе Настасьи: дескать, может, кто и имеет хорошие голоса, да мы не ведаем. Где-то и вовсе не открыли.

Побродив по пыльной слободе, расстроенный, вернулся в дом Краснова. Остаток дня провел, листая старые журналы в библиотеке.

К вечеру вернулся из города Владимир Иванович и, выслушав за ужином его рассказ о неудачной экспедиции, немало удивился.

– С какой стати, позвольте, не хотят говорить? Тут дело не чисто! Это разбираться надо. Я сейчас Ваньку позову. Он как раз, коней определит, и подойдет в ту же секунду. Уж он вам что-нибудь исполнит.

За Ванькой отправили Серёжу. Пока ждали, Митрофан на всякий случай настроил фонограф, а хозяин велел принести яблочного вина, которое, успешно делали в Задонском. По его словам, оно должно было непременно поправить ситуацию. Ванька появился как раз, когда они выпили по рюмке.

– Скажи-ка, Иван Петрович, – официально обратился к нему хозяин дома, – не знаешь ли ты, отчего в селе, никто не хочет с моим гостем разговаривать?

Ванька глянул на Митрофана и опустил голову.

– Говори, говори. Не стесняйся. Вижу, что знаешь что-то, – настаивал Краснов.

– Ды, как не знать... – мальчик замялся. – Знаю маленько. В селе слухом пользуемся, что Митрофан Ефимович с Москвы прибыли со своим антересом. Чей разговор запишут в трубу, тех голоса будут учитывать, и к осени новым налогом обкладать. Ишшо слышал, в жандармское заберут, ежели

кто не то слово скажет. А кто его знает, какое это слово. Я сам не дуже верю, но бабы гутарют...

– Это кто же такую чушь собачью проповедует! – хозяин вытаращил глаза и зашевелил усами.

Мальчик, не особо испугавшись, ответил:

– От Маньки Аблизьяны слышал. С рассвета, коров выгоняли, так она уже по селу трепала. Люди вроде смеются с ней, но и боязно. А, как правда?

– Она с ума уж лет десять как съехала, кто её слушать станет? – вознегодовал Краснов.

– С ума-то съехала, а прошлый год, верно нагадала, что Маришка Борькина на Покров родит, и тёлку Стешину указала где искать в точности, когда она со двора утекла. Батюшка, когда заходил к нам на масляной, про неё сказывал: «Господь юродивым даёт более, чем нам грешным», – пробасил Ванька, смешно подражая священнику. – Вот, иной раз, люди ей и верят.

Владимир Иванович развёл руками, перед Пятницким:

– Вот так и живём, Митрофан Ефимович. Вы уж извиняйте, но тут мои полномочия заканчиваются. С предрассудками я давно бросил бороться. Как не объясняй, а какой-нибудь Маньке всё больше поверят.

– Иван, а сам не побоишься спеть? – с надеждой спросил Митрофан.

– Давай, Ванечка, – с жаром поддержал его Серёжа. – Даю тебе слово чести – Аблизьяна брешет! Клянусь, Митрофан

Ефимович песни собирает для сохранения в истории.

Ванька задумчиво глянул на фонограф, потом на Пятницкого:

– Да я не дуюже отказываюсь. Мне что, с меня взятки не велики: кнут да худой башлык.

– Ну, так давай, исполни ту, про пиво. Когда в Воронеж ехали, ты пел по дороге, – воодушевился Владимир Иванович.

Иван оказался не слишком стеснительным. Чуть подбоченившись, ритмично притопывая ногой начал чисто и напористо:

За реченькой диво

Варил чернец пиво...

Митрофан слушал с восхищением, потирая ладони. В голове сразу появились мысли: вот бы была возможность взять его в ученики. Со временем из него мог получиться бриллиант! Да и сама песня зажигательная.

Как только он закончил и был награждён заслуженными аплодисментами, Митрофан спросил:

– Откуда знаешь песню?

– Маманя, у меня поёт лучше всех, и песен знает, не переслушаешь! – с гордостью ответил Ванька.

– Можем мы завтра её пригласить? – воодушевился Пятницкий. – Или я могу сам зайти? Ты объясни матери, что нет никакого подвоха. Я песни собираю, и только.

– Так родительская суббота завтра, – Ванька искренне

удивился неуместному вопросу гостя. – На погост все пойдут, поминать будут. Песни не дюже с руки распевать.

– Действительно, совсем забыл какое число, – смутился Митрофан.

– Не беда, побудете днём больше, я только рад! – успокоил его хозяин.

Порешили на том, что Ванька расскажет матери, о просьбе Пятницкого, и после Троицы они запишут несколько песен.

Глава 24

На следующее утро Митрофан встал пораньше и вновь вышел на прогулку уже известной просёлочной дорогой. Но на этот раз в село он не попал.

Шёл, мягко ступая по траве, по привычке прокручивая в голове строчки услышанных когда-то песен. От темневших впереди изб долетел звон. Он поднял глаза. К небольшой роще из старых вязов, среди которых виднелись кресты, брели люди. Они шли через поле, после службы, под звон колокола. Вдали тускло золотился покатым купол храма, бледный перст колокольни указывал в небо.

Свернув с дороги, выбитой колеями телег, Митрофан направился через поле к погосту. Идти легко, первый покос убрали неделю назад, и отава лишь чуть успела подняться от земли. Прозрачный воздух, теряя вкус предрассветной росы, быстро наполнялся горячим дыханием спешившего к зениту солнца. Жёлтым пятнышком прыгнула из-под ног трясогозка, блеснув смородинками глаз. Ласточки резво нарезают небо острыми крыльями.

Митрофан прошёл к главным воротам. Кладбище огорожено ветхим плетнём, местами завалившимся в бурьян. Со стороны слободы, вместо плетня, густо разросся живой загородью дикий тёрн. Перекрестившись, он шагнул на стёжку, почти сразу разветвляющуюся на десяток тропинок петляю-

щих меж могилами.

Люди смотрели на него искоса, не выказывая явного интереса. Не время было думать о чужаке, зачем-то пришедшем на их погост. Глядя на серые, деревянные кресты они поминал своих родственников тихой молитвой. У иных крестов, что желтели свежим деревом, слышались всхлипы и глухие рыдания. Некоторые клали на могилу яйца, калачи, ставили чашки с кутьёй, угощали друг друга, чем бог послал.

У одной из могил услышал плач и через минуту, словно все ждали первую плакальщицу, в разных концах кладбища раздались причитания.

Митрофан давно интересовался плачем по усопшему, считая его отдельным видом искусства. Много раз пытался записать причеты, но получалось плохо. Приходить с фонографом в дом покойника неприлично. А на заказ, как ему казалось, плакальщицы пели совсем не так.

Стараясь не мешать никому, он потихоньку пошёл туда, где услышал первый плач. У ухоженной могилы, спиной к Митрофану, упав на колени, на распев причитала женщина в чёрном платке:

Милая ты моя матушка,

Да родимый свет-батюшка

Как же жить мне на свете на белом

Как кручину свою да развеять бы

Рядом с ней стоял мальчик, одной рукой придерживая узелок, другая лежала на плече матери. Присмотревшись,

Митрофан узнал в нем Ваньку. Женщина продолжала:

Прилети ко мне матушка в горенку
Хоть кукушкою или горлинкой
Прокукуй же ты мне свою волюшку
Чтобы знала я, как прожить без вас
Как растить мне одной сиротинушку.
Аль проявишься ты из могилушки
Зацветешь у креста алым цветиком?
Аль прошепчешь метелью в ночь тёмную
Мне словцо своё, материнское?

Голос, вместе с дыханием увядающих под палящим солнцем цветов, проник в него. Всё кругом стало осязаемым и близким. Острые колючки сухого бурьяна, горький вкус молодого тёрна и запах горячего чернозёма на могилах, словно стали частью его самого. Жизнь и чувства этой женщины показались прозрачными и ясными как её чистый голос. Он захватил его полностью вместе с ритмом слегка качающегося тела.

Митрофан не почувствовал, как из глаз полились слёзы. Заметил и достал платок, только когда мальчик нагнулся к матери и стал её успокаивать. Они поднялись и женщина, закрыв глаза ладонями, стала молча против креста. Ванька обернулся. Узнал вчерашнего гостя, кивнул. Митрофан ответил тем же, и пошёл к выходу, утирая слёзы. Селяне, смотря ему вслед, тихо переговаривались.

Шёл обратно той же дорогой, потрясённый, уже не заме-

чая пекущего солнца и чирикания овсянок в низкой траве. Думал о том, как человек, бессильный в неизбежности смерти, плачем изводит горе, отвергая его и смиряясь ради дальнейшей жизни.

На пороге дома столкнулся с Красновым. Поздоровавшись, тот надел пенсне и присмотрелся к гостю.

– Что с вами, Митрофан Ефимович? Не случилось ли чего? – заволновался он, увидев воспалённые глаза Пятницкого.

– Вышел прогуляться и завернул на погост. Вижу, все идут, ну и я тоже. И знаете, так тронул меня плач. Как раз мать Ванькина, про неё вчера говорили. Слезы сами собой полились, – ответил Пятницкий, сожалея, что Краснов застал его в таком состоянии.

– Вот ведь сердце у вас, – покачал головой Владимир Иванович, засовывая пенсне обратно в кармашек жилета. – А пройдем в библиотеку. Велю подать вина, и малость разгоним ваши впечатления. Не дело это, душу растревожить и носить в себе. Да я и сам утомился после прогулки. Жара начинается, не дай Господь.

Холодное вино, принесённое из погреба, освежило обоих. Владимир Иванович оживился и, поднявшись с кресла, прохаживался между столиком и книжным шкафом, держа речь:

– Не судите строго, Митрофан Ефимович, я признаться, ни слуха, ни голоса особого не имею. Да, иной раз с удо-

вольствием послушаю как Ванька поёт, но в целом, не понимаю, что бабы исполняют. Не разберу, всё кажется одно и то же. В опере бывал. Там да, всё по сценарию. Или возьмём классику, – он махнул бокалом в сторону книжного шкафа. – «Одиссея» вот, покойный батюшка ещё приобретал тома. Тут всё складно, читал не раз. Это, несомненно, высокое искусство. Я в этом деле не важный специалист, конечно. В вопросах экономики спуску бы вам не дал, несмотря на возраст. Но тут... Не обидитесь? Скажите на милость, можно ли назвать искусством то, что бабы в поле голосают? Не слишком ли это простовато для искусства?

Митрофан уже привык к подобным вопросам за годы, проведённые в интеллигентских кругах Москвы, и лишь улыбнулся.

– Нет, не обижусь. Вы не первый кто задаётся таким вопросом и это резонно. Я вам отвечу так: в любом деле нельзя увидеть глубину, не погрузившись с головой. Предлагаю не ходить далеко. Возьмём, к примеру, причитания, которые сегодня слышал. Знаете ли вы, что в каждом селе есть бабы-плакальщицы? Их специально зовут на похороны, и плачь их своеобразная «Одиссея», только неповторимая, каждый раз новая.

Некая импровизация, и в то же время, держат принятые в их местах мотивы и традиции. Приходят в дом усопшего и перед тем как оплакивать, всё узнают от близких о его жизни, про родственников распросят, а потом переносят это в

плачь. В причетах есть и структура: так называемый «зачин», и повествовательная часть, с разными мотивами, коих могу вам навскидку перечислить десяток.

– Так уж и десяток? – удивился Краснов и присел в кресло, готовый внимать горячему монологу гостя.

– Да, и даже более! В плачах они воистину перевоплощаются и причитать могут, от имени кого-то из родственников. Есть мотивы обращения к высшим силам, к стихии, природе, не говоря про традиционные обращения к умершему. Но и это не всё. Есть плачи рекрутские – ведь раньше уход на службу приравнивался к смерти. Есть свадебные плачи. Иногда и замужество означало расставание со своими близкими навек. Оплакивает невеста беззаботное девичество и родную семью. И везде своя удивительная история, своя интонация, темп, модуляция голоса.

– Действительно, – Владимир Иванович задумчиво погладил свою бородку. – Я никогда не рассматривал с такой точки зрения.

– А если взглянуть с философской стороны? – продолжал Пятницкий. – Это же истинный, корневой образчик духовного смирения и принятия жизни во всей полноте и многоликости. Основа жизненной мудрости, ещё из древних веков, до крещения Руси, каким-то невероятным чудом хранится в общей памяти, расцветает в языке и голосе народа. Пройдёт сегодняшний день, и завтра причитания сменятся песней, а поминки забудутся за свадебным столом. Слезы

плача на погосте, исчезнут в плаче ребёнка. Споёт ему мать колыбельную и заснёт ребёнок с улыбкой. А знаете, сколько могу вам рассказать про колыбельные для детей? Совсем другое искусство! Но сейчас ограничусь лишь мыслью о том, какая удивительная гармония жизни, что плачем и песней открывается жизнь человека, плачем-песней и заканчивается.

Наконец вопрос: ежели вы положили сложность как критерий искусства, так ли просты вам кажутся теперь народные песни? И это учитывая, что я даже не коснулся главной, самой объёмной и сложной части – музыкальной. Но исключительно потому, что тема эта будет понятна лишь имеющему соответствующее образование.

В библиотеке на минуту повисло молчание. Владимир Иванович задумался, вертя в руке бокал.

– Мне нечего вам возразить, дорогой Митрофан Ефимович, – наконец сказал он. – Вы кратко, но очень доходчиво ответили мне. Я ведь жизнь прожил рядом с народом, а ни разу не попытался узнать его. Теперь уже поздно, а жаль. Кажется, словно упустил что-то важное. И не я один.

– Вы смотрите в суть, уважаемый Владимир Иванович. И я здесь именно для того, чтобы познакомить ту часть России, которая считает себя единственно верно образованной и интеллигентной, с искусством, которое существовало за много веков, как открылся в России, да и в Европе, первый университет или театр. Им необходимо знать хотя бы о существо-

вании этой части русской культуры. Без этого – беда. Катастрофа.

Скрипнула дверь. В библиотеку заглянул Серёжа.

– Дедушка, Марья велела передать, что обед готов. Подавать?

– Вели, чтоб подавала, – ответил Краснов и покрутив в руке бокал добавил: – А вы, пожалуй, правы, Митрофан Ефимович. Именно катастрофа, и, наверное, её уже не обратить.

– Я делаю для этого всё что могу, – ответил Пятницкий.
– Пока это капля в море, но кто знает, что будет завтра.

Они встали и прихватив недопитый графин с вином направились в обеденный зал. Кот, который всё это время спал, не смотря на оживлённую беседу, мигом открыл глаза и грузно спрыгнув с дивана, увязался за ними.

Вечером Митрофан вышел повидать Ваньку. Горячее солнце медленно стекало в зажелтевшее набухающими колосьями поле. Последние лучи покрыли неестественно вытянутым узором теней тропинку, ведущую через сад на выгон. Некошенная трава опушила её неряшливым воротником, в котором перепутались лебеда и репы. Вечер в саду пах мёдом и клейкой вишнёвой корой.

Сад закончился кустами малины, в которых тихонько копошились воробьи. Обойдя копну свежего сена, он увидел, как Ванька, надсаживаясь, тащит ведра с водой к тёмному зеву конюшни. Зашёл за ним, в прохладное, пахнущее гни-

лым сеном и навозом стойло.

– Вечер добрый, Ваня, – произнёс Пятницкий, стараясь разглядеть фигуру мальчика.

– И вам доброго здоровичка, – раздался его голос из темноты.

Митрофан услышал, как гремит ведро, и конь пьёт, с шумом втягивая колодезную воду.

Ванька вышел на свет:

– Я спросился у матушки, чтоб вы её голос записали в трубу. Велела приходить вам завтра, после обеда. И ещё сообчает, что не одна будет, а позовёт баб. Они, как вроде, согласные. Надьсь видали вас на погосте. Гутарют – сердечный вы человек. Аблизьяну боле не слушают.

– Так это же хорошо! – обрадовался Митрофан.

– А мать, смекаю, баб покликкала – боится отчим заревнует, – сказал Иван, глядя куда-то в сторону, ковыряя носком дырявого сапога гнилую доску на пороге конюшни. – Батьку моего, в пятом годе, на военной службе убило. С отчимом живём. Он, слава Богу, в Воронеже на заработках всю время, но как наедет, хоть со двора иди. Вечер пьёт, утром злой как черт. Так и бедуем.

– Мать по отцу сегодня причитала? – спросил Митрофан.

– Могилка-то родителей её. Они давно померли, я их не знал вовсе. А батя где лежит, того не ведаем. Но по нём она дюже убивается. Насилу успокоил, а то отчим узнает – бить зачнёт...

– Мы важным делом займёмся. Не к чему придраться.

– Он ежели схочет, так к столбу на каком ворота вися придерётся, – зло сказал Ванька и сплюнул, как взрослый мужик, презрительно плюёт в жёстком разговоре.

Митрофан покачал головой, и не нашёлся что сказать. Мальчик, подхватив пустые ведра, вновь направился к колодцу.

На следующий день Митрофан, прихватив фонограф отправился в село. За ним, в качестве проводника знающего, где расположен нужный двор, увязался Серёжа.

Изба, где жил Ванька с матерью, оказалась не хуже прочих. Деревянные ворота, добротные сараи и резной колодец прямо под окнами. Перед двором, с видом хозяина, прохаживался цветастый кочет. Увидев незнакомцев входящих в калитку, он негодующе заквохтал. Куры, услышав его, сыпанули от ворот пёстрыми брызгами, суется и спотыкаясь в густой траве.

На порог вышла хозяйка. Из-за её спины показался Ванька. Митрофан не узнал в ней вчерашнюю плакальщицу. На погосте, сгорбленная, в черном платке, надвинутом на глаза, она показалась ему женщиной в годах. Да и не рассматривал внимательно, весь обратившись в слух. Сегодня, в белой лёгкой косынке и сарафане, под которым угадывалась стройная фигура, она скорее походила на девушку, вышедшую на гуляния. Чёрные брови, выбивающиеся из-под косынки русые волосы, улыбка на розовых губах и жгучие глаза смотрели

приветливо, с интересом.

– А мы вас уже заждались, пожалуйста в горницу, – плавным жестом она пригласила замешкавшихся гостей в избу. Митрофан подумал, что так могла взмахнуть рукой Василиса прекрасная, когда из рукава её появились лебеди.

Серёжа мигом заскочил на крыльцо поздороваться с Ванькой. Митрофан поднялся за ним. В просторной горнице за столом сидели две женщины, в праздничных сарафанах и платках.

– Меня зовут Митрофан Ефимович, – представился Пятницкий, поставив на стол фонограф.

Женщины по очереди представились, с любопытством поглядывая, как он прилаживал трубу к диковинному ящику.

Хозяйка, пропав на минуту, поставила на стол блюдо с маленькими румяными пирожками, а Ванька внёс со двора горячий самовар.

– Меня Дарья звать, Павловна по батюшке, – представилась она, склонив голову. – Не погребуйте, угоститесь, чем бог послал.

Бабы подняли глаза на Пятницкого, не смея протянуть руку за пирожками прежде гостя. Серёжа тоже подобрался поближе к блюду.

– А давайте мы прежде дело сделаем, а потом и чаю выпьем? – предложил Митрофан.

Бабы, в отличии от вздохнувшего Серёжи, не показали разочарования.

Через несколько минут, когда Митрофан рассказал, что ему нужно, в горнице раздался дивный и яркий голос Дарьи, к которому быстро приладились её подруги:

Не будите меня молоду, эх, рано, рано по утру,
Вы тогда меня будите, когда солнышко взойдёт,
Когда ясное проглянёт, роса на землю упадёт,
Пастух выйдет на лужок и заиграет во рожок.

Одна девка весела в хоровод плясать пошла,
Она пляшет, рукой машет, пастушка к себе зовёт,
Она пляшет, рукой машет, пастушка к себе зовёт.
Пойди, пойди, пастушок, да пойди, миленький дружок,
«Прекрасный голос, как ясно солнышко, и песня веселая.

Публика несомненно примет это, – думал Митрофан. – Чудо, что я нашел её. Дарья должна выступить в Москве, чего бы ни стоило. Уже есть Аринушка Колобаева, а вместе они покорят любую публику».

Предчувствие успеха не давало усидеть на месте. Слушая Дарью ходил по горнице то потирая руки, то остановившись опирался на стол, прислушиваясь к мотиву. Улыбка сама появлялась на его лице, сменяясь серьёзным вниманием, и возвращалась блеском с восхищения в глазах.

Он чувствовал, что с каждой минутой всё больше и больше влюбляется в этот голос. Мягкая улыбка и робкий взгляд Дарьи разливались в нём, волнуя давно забытым холодком где-то глубоко в груди.

Увлёкшись, он не замечал, как бабы, украдкой переглядываются между собой.

Два дня спустя Митрофан уезжал из Задонского. Тепло простившись с Красновым сел в повозку, которой правил Ванька и поставил фонограф на мешок с соломой. Его специально набили в дорогу, чтобы, как сказал Владимир Иванович, «механизм не растрясло».

Мальчик щёлкнул кнутом и, поднатужившись, солидно пробасил:

– Но-о, пошли, залётные!

Краснов и Серёжа махали им вслед, пока повозка не выехала на дорогу за конюшней. Когда лошади часто и глухо застучав копытами по просёлку, Ванька обернулся.

– Правлю через слободу, а посла на Воронеж повернем. Мамка велела заскочить. Гостинец кубыть хочет в дорогу дать.

Через несколько минут, пропылив по пустой улице, остановились у дома Дарьи Петровны. Залаял кобель. Соседка, из дома напротив, вышла на крыльцо и, приложив руку к глазам, посмотрела, кто приехал.

Дарья выбежала из дома и быстро спустилась по порожкам, придерживая одной рукой свёрток, а другой, поправляя платок.

– Простите за задержку, Митрофан Ефимович, – она по-

клонилась. – Оладьев вам собрала, вы прошлый раз обмолвились, что любите такие.

Пятницкий взял вышитый утерник, в котором хоронились ещё тёплые, гречневые черепенники.

– Спасибо вам большое, Дарья, уважили. С удовольствием возьму и буду вас вспоминать добрым словом. А главное, надеюсь увидеть в Москве. Если все же надумаете, только дайте знать. Мой адрес у Краснова есть. Вы, несомненно, имели бы успех. Верю, что мы обязательно увидимся. Только дайте знать!

Она наклонила голову и ничего не ответила. Ванька оглянувшись на соседку, не сводящую с них глаз, хлопнул вожжами по бокам лошадей и, нахмурившись сказал:

– Некада нам, ехать надо.

Повозка тронулась. Репьём увязался вслед вредный соседский кобель. Хрипло брехал, ронял пену на пыльную дорогу, и силился забежать поперёд коней, пока не отстал на просёлочной дороге за мельницей.

Душная жара окутывала густо затравевшую вдали от слободы степь. Хлеб в поле, изжив молодую пору, начал отливать тёмным золотом, в котором изредка вспыхивали искры бирюзовых цветков.

Глава 25

31 декабря 1910 года. Москва.

Пятницкий и его друг, музыкальный критик Пасхалов, чуть не полетели в сугроб на углу Воздвиженки и Моховой. Лихой извозчик развернул тройку с санями прямо перед ними и лошади, тараща глаза, захрапели горячим дыханием прямо в лица товарищей.

Не успели они опомниться, как из саней раздался знакомый голос:

– Кого я вижу! Этнографическая комиссия на прогулке!

На санях, в короткой, по моде, бобровой шубе, развалился барон Стюарт. Рядом с ним, пряча руки в меховой муфте, сидела симпатичная девушкой, в элегантном коричневом пальто с беличьим воротником. Митрофан отметил ровные аристократические черты лица, милую улыбку, горящие любопытством весёлые глаза.

Прятели поздоровались.

– Разрешите представить. Это мои старые друзья – Митрофан Ефимович и Вячелав Викторович, – барон легко соскочил с саней и взмахнул рукой. – А это Мария Игнатьевна Закревская. Моя кузина. Проездом из Петербурга в Берлин, по важным дипломатическим делам. На некоторое время остановилась в моём доме. А сейчас мы мчим встречать новый год в «Яр», и раз уж вы нам попались, то никаких от-

говорок: отравляйтесь с нами!

Митрофан замахал руками.

– Нет-нет, мы совершенно не готовы к таким мероприятиям. Наши года уже не те. Собирались попить чаю с баранками, вот и весь новый год. Это вы, Владимир Николаевич, любитель покутить, а мы люди скромные. Да и на работу завтра.

– Ну, нет! – не сдавался Стюарт. – Я знаю чем вас заманить. Сегодня среди прочего, будет выступление хора с русским народными песнями. Что скажете на это? Столик у меня заказан, прямо напротив сцены. Шампанское ждёт во льду, стерлядь томится, а?

– А что, может, и вправду глянем на хор? – обратился Пасхалов к Митрофану Ефимовичу.

– Решено, едем! – барон, не дожидаясь ответа, обнял их и потащил к саням.

Сопротивляться было бесполезно. Митрофан знал, что иначе барон искренне обидится.

Через четверть часа, неожиданно образовавшаяся компания, зашла в огромный, шумный зал. Новый «Яр» открылся совсем недавно, и вновь, как и прежде, стал самым модным местом Москвы.

Митрофан прищурился. Яркий электрический свет, вычурные золотые узоры от потолка до пола, звон хрустальной посуды, дамы в искрящихся брильянтах, бородатые купцы в блестящих дорогим шёлком жилетах, официанты с зер-

кальными подносами, – всё это слепило глаза, сливаясь в какое-то подобие вертящейся на сумасшедшей скорости ярмарочной карусели. Табачный дым клубами поднимался к огромной хрустальной люстре. На сцене, задрапированной алым бархатом с золотыми буквами «ЯРЪ», небольшой цыганский ансамбль со скрипками и гитарами. Мелодию можно разобрать с трудом из-за нескончаемого гвалта и хохота в зале.

Подскочил официант, и угодливо изогнувшись, указал на столик, зарезервированный для барона. Сели. Тут же над ухом Митрофана раздался глухой хлопок и в бокалах запенился Мумм.

– С наступающим новым годом! – провозгласил тост барон.

Все выпили. Закусили копчёным осетром.

Митрофан, сидевший рядом с Закревской, поинтересовался:

– Вы действительно едете в Берлин по дипломатическим делам?

Девушка рассмеялась, мягко, как звенят бубенчики на катящей по первому пушистому снегу тройке.

– Мне ещё нет и двадцати, какой из меня дипломат. Но вообще, Володя не сильно сочинил. Я скоро отправляюсь в Берлин к своему жениху. Он служит в дипломатической миссии.

– Вот видите господу, никто не скажет, что Стюарт несёт

вздор! – заявил барон и поднял второй бокал.

– Владимир Дмитриевич, а где же тогда обещанный русский хор? Или вы приняли за него цыган?– поинтересовался Пасхалов.

– Ни в коем случае! – Стюарт замахал рукой, призывая официанта, который, в самом деле, не отходил от них и стоял за спиной.

– Любезный, когда будет хор?

– С минуты на минуту, господин барон! Соблаговолите пока отведать расстегай со стерляжьей печенью?

Вместо хора на сцену гуськом выбежали напомаженные дамочки в белых накидках и с золотыми венками на голове. Выкатили арфу. К ней уселась самая крупная из выбежавших на сцену «гречанок», и томно подкатив глаза к потолку, начала манерно перебирать струны. Дамочки кружили вокруг неё, помахивая, за неимением оливковых, еловыми ветвями.

Представление было встречено одобрительным гулом зала. Через пять минут арфу уволокли.

Наконец по бокам сцены расселись балалаечники. За ними вышли румяные хористки. Встали неровным полукругом в центре. Вблизи их набелёные лица, жирно покрашенные губы и щёки, выглядели пародией на матрёшек, которых раскрасил пьяный ремесленник. Сарафаны певиц и атласные рубахи музыкантов идеально подошли бы к убранству оперных актёров европейского театра, желающих изобразить рус-

ских крестьян.

В центре уселся красномордый гармонист. Алая косоворотка подпоясана зелёным кушаком, на ногах новенькие лапти и шелковые белые онучи. Из-под фуражки с золотым кантом, свисает на левый глаз жидковатый чёрный чуб. Мутным взглядом поблуждал по залу. Замер. Подержав паузу, манерно запрокинул голову, и гаркнул мехами всю ширь. Выпучив как припадочный глаза, уложил извивающимися пальцами визгливый перебор.

Тут же вступили хористки с песней про «весёла молодца», коего сгубила некая жесткосердная девица. Продолжилось дело, как водится, каторгой.

Закончив, поклонились, взмахнув платками, и тут же затеяли хоровод под звон балалаек. Мелодия явно напомнила Митрофану тему из «Цыганского барона». Гармонист удалился неровной походкой.

– Зрелище весьма своеобразное, – заметил Пасхалов, вяло ковыряя вилкой в тарелке.

– Именно зрелище, – согласился Стюарт. – Людям подавай красивую картину, лубок, под стаканчик водки. Кстати, Маша, рядом с вами сидит господин Пятницкий, который морщится от моих слов, и я знаю почему.

Пятницкий кивнул и сказал:

– Нельзя это назвать народным русским хором. Сие представление так же далеко от народа, как и публика, тут собравшаяся и аплодирующая им. Это нельзя назвать искусством

или даже грубой подделкой под искусство. Тут скорее что-то противоположное ему: пошлость и заурядность. Балаганный Петрушка на их фоне смотрится более выигрышно. Он, по крайней мере, не хочет казаться чем-то большим, чем ярмарочный шут. Тут же претензия на звание народных музыкантов! Являясь между тем сборищем случайных людей, не имеющих и близко души и голоса народной песни.

– Не слишком ли вы строги к ним? – удивилась Закревская жару, с которым говорил Митрофан Ефимович.

– Дорогая, господин Пятницкий знает, о чем говорит, и тут нет смысла спорить с его мнением. Он лучший знаток народной песни в Москве, – вступил Стюарт.

Митрофан с грустной улыбкой покачал головой.

– Да, возможно лучший, но это скорее, к сожалению, так как очень мало людей занимающихся этим вопросом. Я сейчас готовлю выступление, большой концерт истинно русского хора. Но когда это выступление состоится – большой вопрос. С моей стороны всё готово. Мы проводим репетиции уже несколько месяцев. Но требуются суммы на организацию, которыми я не располагаю. Барон, раз уж зашёл об этом разговор, возможно, посоветуете благотворителя, который мог бы помочь? Я сейчас ко многим обращаюсь с этим делом, вот дошла очередь и до вас.

Барон, чуть подумав, ответил:

– Митрофан Ефимович, я знаю вас много лет, и очень уважаю. У меня нет никаких сомнений, что народные песни хо-

роши, раз вы так уверены в этом. Но с коммерческой стороны, это мероприятие будет провалом. Люди хотят видеть вот это! – он кивнул в сторону сцены. – Вы же, предложите им крестьянские песни, которые, как вы сами только что сказали, бесконечно далеки от московской публики. Так стоит ли овчинка выделки? Вас наверняка ждёт разочарование, а я не хотел бы видеть вас разочарованным. Это никак не пойдёт вам на пользу.

– Не согласен. Я верю, что в Москве найдётся достаточно людей способных оценить великую красоту народной песни, – уверенно ответил Митрофан.

Неожиданно в разговор вступила Закревская.

– А вот мне интересна идея господина Пятницкого. И я, пожалуй, даже знаю, что можно сделать.

Все обернулись к ней.

– Ранее не замечал в тебе талантов организатора концертов, – заметил барон.

– У меня и нет такого таланта, – ответила девушка. – Но много других. Например, я состою в благотворительном дамском обществе, которое располагает некоторыми возможностями. Мы, прямо сейчас занимаемся сбором пожертвований на организацию летней трудовой колонии для детей сирот и детей из бедных рабочих семей. Но дело идёт вяло, так почему бы не провести концерт с благотворительной целью? При нужном освещении в газетах и обществе, люди обязательно придут на выступление. Мы уже проводили в Петер-

бурге подобные мероприятия. Они полностью окупались, и немалые средства шла на благотворительность. Непрофессиональный хор, крестьяне-артисты – необычная идея. Разумеется, есть риск, но кто знает, может именно эта новизна привлечёт публику. Лично я, полюбопытствовала бы. Потому берусь убедить совет общества в необходимости мероприятия. Но для начала, хотелось бы знать каковы расходы, и главное, можно предварительно послушать ваших артистов?

Пятницкий смотрел на неё с удивлением. Уже несколько месяцев он бесполезно стучался в разные двери со своим хором, и тут вдруг какая-то девчонка с лёгкостью обещает всё устроить.

– Это было бы прекрасно, госпожа Закревская, – вступил Пасхалов, видя, что Митрофан потерял дар речи – мы можем в ближайшее время устроить прослушивание прямо у нас в Этнографическом обществе, на Воздвиженке. А Митрофан Ефимович завтра же ознакомит вас с тем, какие потребуются расходы на организацию.

– Да, потребуются определенные средства, – заговорил Пятницкий. – У меня есть немало певцов тут, в Москве. Это фабричные рабочие, в основном из рязанских сёл. Но я хочу привезти крестьян из Александровки. Там есть просто невероятные голоса! Одна только Аринушка чего стоит. Вы будете потрясены, я обещаю!

– Хорошо, что у вас всё готово, – сказала Закревская. – Я пробуду в Москве ещё около месяца. Мы должны успеть всё

сделать за этот срок.

Барон поднял бокал и отсалютовал всем собравшимся.

– Хоть я и настроен скептически, но почему бы и нет? Концерт, как говорится, не похороны! Пусть всё получится!

На сцену тем временем вышел конференсье и объявил:

– Несравненная, умопомрачительная, любимица императора... Надежда Плевицкая!

Зал взорвался. Многие вскочили со своих мест, тем самым заставляя остальных тоже вставать, чтобы увидеть выход певицы.

– А как вам, господа, Плевицкая? Что скажет музыкальная критика? – спросил Стюарт, стараясь перекричать шумевших поклонников певицы.

– Критика неуместна, – ответил Пятницкий. – Надежда Васильевна здесь на своём месте и безусловно прекрасна. Сообщу, что однажды имел честь выступать с ней в одной программе в Сокольниках, а знакомы мы, ещё с тех пор, когда она бежала из монастыря.

– Невероятно! Умоляю, расскажите эту историю! – попросила Закревская.

– Если очень кратко, – ответил, улыбнувшись, Митрофан Ефимович, – это было много лет назад, в Воронеже. Я случайно, проходя мимо Шапито, услышал прекрасный голос. Это и была Плевицкая. Ей было 16 лет, и она действительно бежала из женского монастыря. У нас с ней немного похожи биографии. Я тогда безуспешно пытался уговорить её

бросить цирк, но она была увлечена им. И, кажется, ещё каким-то акробатом. Но, как видите, голос сам привёл её туда, куда и следует.

Они всей компанией присоединились к аплодисментам, которые начали утихать с первыми нотами оркестра. Лишь общий глубокий вздох прокатился по залу в наступившей тишине, когда она пропела:

...Белой акации, гроздь душистые

Ночь напролет нас сводили с ума...

Пятницкий смотрел на сцену, но мысли его были уже в родном селе. Нужно срочно ехать за Аринушкой и другими певцами. Предстоит много дел.

Глава 26

17 февраля 1911 год.

Снег окутал Москву невесомой пеленой. Редкие, крупные снежинки аккуратно ложились на крыши и дороги. Лихой ветер, потерявшийся в ранних сумерках, не звал их больше кружиться в танце. Только сани, скользящие по улицам заставляли снежинки на несколько секунд взлетать маленькими вихрями и вновь скучно опускаться на мостовую.

Митрофана трясло. От холода, от волнения, и от не вовремя подхваченной простуды. Накануне вечером подскочила температура.

Утром пришлось остаться дома, и зал к выступлению готовил Пасхалов.

Закревская заехавшая за ним перед концертом, успокаивала как могла.

– Митрофан Ефимович, не волнуйтесь, мы успеваем даже с запасом. Концерт без нас не начнут. Там Пасхалов, Володя, наконец, поможет, в крайнем случае. Ваши артисты прекрасно готовы. А вам необходимо принять прописанные порошки. Не хватало ещё слезь сейчас.

– Да, но я боюсь. Они ещё не были в этом зале. Хотелось бы хоть одну песню там попробовать до появления публики.

– Оставьте, Митрофан Ефимович! Вы проделали за этот месяц такую работу, что теперь осталось только пожинать

плоды. Никто не знает, чего вам стоило собрать десятки крестьян из разных губерний и сёл, и создать из них прекрасный хор в такие сроки. Все, до единого, билеты распроданы. Всё будет хорошо.

– Я понимаю вас, Мария Игнатьевна. Вы свою работу выполнили. Предприятие вашего общества уже удалось. Требуемая сумма собрана. Но моя работа будет окончена только сегодня вечером. Слишком часто в моей жизни всё рушилось в самое последнее мгновение, когда казалось, что уже ничего плохого не может произойти. И сейчас я волнуюсь, как никогда. Ведь получается, что к этому событию я шёл всю свою сознательную жизнь. Если что-то пойдёт не так...

– Я знаю, – нахмурилась девушка. – Потому и не обижаюсь на вас. Иначе вы уже получили бы разнос за такие слова. Удачное выступление хора для меня так же важно. Я верила в вас с самого начала и буду счастлива вашему успеху.

– Не произносите этого слова, – успех. Можете считать меня слишком суеверным, но не произносите.

Экипаж подъехал к главному входу в Дом Благородного собрания на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки. Митрофан буквально бросил пальто в гардероб и не дожидаясь дам поспешил в гримёрку. Там уже собралось большинство артистов. Праздничные крестьянские рубахи, сарафаны, панёвы и кички пестрили в глазах.

К Митрофану пробрался Пасхалов.

– Проходи сюда, – махнул он рукой. – Посмотри сцену.

Митрофан двинулся за ним.

Задник представлял собой большую картину поля со стогами сена. Вдалеке зеленела рощица. По краям сцены установили плетни. На них весели расшитые утерники и пара горшков. Постелили несколько цветных дерюжек.

С краю, между плетнём и лавками сидело какое-то животное.

– Это ещё кто там? Кошка? – спросил Митрофан, заглянув под лавку.

– Это барон приволок чучело зайца, – ответил Пасхалов. – Сказал, что сам добыл на охоте и для антуража подойдёт. Я не стал спорить. Спасибо хоть не медведь или тигр.

Пятницкий пожал плечами и махнул рукой.

Подошёл на край сцены и посмотрел в ещё пустой зал. Увидел, что кто-то сидит в самом дальнем углу. Присмотрелся и узнал, Аринушку Калабаеву. Быстро спустился в зал.

– Ты никак одна тут? – спросил Митрофан и присел рядом.

– Суетно там дюже. Голова от них как чугунок делается. Тут и присела, подале, – ответила Аринушка, разглаживая сарафан на коленях.

– Не горюй, выступим сегодня, и закончится суета.

– Дай Бог. В село бы скорее. Тяжко тут. Слободы – края не видно, насилу доехали сюды, избы огромные, а дыхнуть нечем, воздух тяжёлый. Потолки, ажна голову задираешь как в церкви, а всё одно – тесно.

– Ну, потерпите, совсем чуть-чуть осталось.

– Так терпим, не такое терпели. Только никак ума не дадим меж собой, куды ты нас втянул, Митрофан Ефимович? Вот хоть возьми стулы бархатные, на каких сидим. Я таких сроду не видала, сесть страшно. Материю вымажешь, а хозяйева рассерчают. К нам архиерей приезжал из Борисоглебска, так у него епитрахиль подешевше вышита, чем вон энта занавеха – Аринушка кивнула на занавес отделанный золотым кантом с греческими узорами. – Тута видать будут барыни, да купцы в пинжаках, да енералы. И мы выйдем в панёвах домотканых, да в онучах. А как на смех подымуть? Мы и так с тяжким сердцем ехали. В Александровке насмехаются. Кубыть цыгане мы. Гутарють, дескать: в балаган повезли. Хотять не сеять, не жать, а песнями на ярмарке промышлять. Дюже обидно такое слухать на старости лет.

– И не слушай, Аринушка, люди от темноты своей такие, а не от злости. А давай споём с тобой? Прямо сейчас!

Митрофан взял её за руку и начал:

Чтой-то звон, да чтой-то звон,

Да с нашей колокольни

Не про нас ли друг Ванюша всё бают-гутарят.

Услышав голос и знакомые слова, из-за кулис выглянула Маняша – дочь Арнинушки. Увидев, что в зале только свои, она осмелела и, выйдя на сцену, подхватила:

Пушай бают-гутарят, авось перестанут.

А мы с тобой Ванюша в любви наживёмся...

За ней, оглядываясь, и щурясь от яркого света, начали выходить и остальные певцы.

Зал Благородного собрания наполнился голосами крестьянской России. Митрофан уже не пел, а слушал этот прекрасный, звонкий, живой хор. Он уже точно ощущал, что, сегодняшний вечер будет началом того, к чему стремился всю жизнь. Его больше не трясло и не бросало в жар. Мечта, в которую никто не верил, сбывалась на глазах.

Глава 27

Спустя три часа Пятницкий всё еще не мог покинуть Дворянское собрание.

На минуту вырвался за кулисы, где одевались его усталые артисты. Попросив минуту внимания, поклонился бабам и мужика в пояс.

– Спасибо вам, дорогие мои. Вы ещё не понимаете, что тут сегодня произошло. Историческое событие. Я горжусь вами, и уверяю, мы у самого начала большого пути.

– Ну, дай Бог, Митрофан Ефимович, – ответила ему за всех Аринушка. – А то как попервам гул пошел, думали, погонють нас вожжами отседова, до самой Алесандровки. Ан нет, обошлось.

Митрофан рассмеялся.

– Не просто обошлось, а вы теперь в Москве люди известные. Завтра о вас все газеты напишут!

– Да живё тебе, Митрофан Ефимович, – удивилась Маняша. – Про нас и в газетах? Это вряд.

– Точно говорю. Вы сегодня прекрасно выступили.

На полуслове его перебил подкравшийся сзади господин в клетчатом пиджаке.

– Господин Пятницкий, вопрос для газеты «Русские ведомости». Сегодняшний концерт ваш несомненный успех. Но в зале находились самые разные люди. За моей спиной сиде-

ли почитатели новых течений, таких, к примеру, как символизм и футуризм. Они весьма низкого мнения о творчестве крестьян в сравнении с высокой современной культурой. И не в восторге от пропаганды архаики. Что вы могли бы им ответить?

– Слепые они. Не видят, что эти песни, прекрасные творения великого народа. Изумительные произведения русского искусства. Кто они – эти люди? Это всё Ивановы, не помнящие своего родства.

– Вы сейчас выразились достаточно обще. Можно для наших читателей пояснить, в чем конкретно ценность народного творчества?

Тут не выдержала Закревская, стоявшая до этого сзади.

– Господа, можно сказать и мне вставить пару слов, Митрофан Ефимович болен, у него температура, а он еле стоит на ногах. Позвольте ему уже отправиться отдыхать.

– Да, господа, я прошу прощения, но действительно держусь из последних сил. И покидая вас, я хотел бы дать слово господину Пасхалову. Он член Этнографической комиссии, отличный музыкальный критик, и помогал мне всё это время. Прямо сейчас пишет научную работу, разъясняющую тонкости восприятия народной песни. Он отлично ответит на ваш конкретный вопрос.

Митрофан поклонился и направился к выходу...

Журналисты повернулись к Пасхалову, которого не замечали до этого. Вячеслав Викторович, изнывавший от жела-

ния высказаться начал напористо и звонко:

– Господа, вопросы ваши естественны. Даже такой корифей как Римский-Корсаков признавался, что законы русской народной песни ему не ясны. А ведь термин «сложность» для многих несовместим с народной песней. Она кажется примитивной и безмерно далёкой от истинного искусства. Но старинная песня технически настолько сложна, что недоступна для уха средней чуткости.

– Вы хотите сказать, что интеллигентный образованный человек, может не понять крестьянина? – выкрикнул кто-то из-за спин людей обступивших Пасхалова.

– Я лишь хочу засвидетельствовать, что вековое разобщение образованных классов и народа сказалось и в отношении музыки. Вы привыкли все продукты искусства получать в готовом, разжёванном виде. Для детей городской культуры пение «а капелла», без дирижёра и репетиций является невыполнимой задачей. В деревне поют без подготовки, без регента и камертона. Только тонкий слух, в таких случаях, спасает их от фальши или понижения в концах. И он есть у народных исполнителей!

– Неужто у неграмотных баб и мужиков есть своя метода? Разве не поют они, кто в лес, кто по дрова? Каждый сам себе?

– Вопрос простителен лишь человеку далёкому от музыкального образования. Вы могли слышать сегодня на концерте, как запевала ведёт главную мелодию, а когда к нему присоединяется хор, то каждый его член разрабатывает ту

же мелодию сообразно своему воображению, то отдаляясь от запевалы, то снова сближаясь с ним. Да, песня не всегда поддаётся делению на такты. Но это не от безграмотности крестьян. Напротив, этот стиль является уникальной особенностью русской песни. Причина перемены размера – не мелодия, а текст! Не желая скомкать красивый оборот речи в стихах, певец ради этого изменяет ритмическую часть голосового узора. И в этом есть определённая эстетическая закономерность.

– Не слишком ли вы превозносите именно русскую песню? В Европе так же есть богатые традиции и не менее интересные произведения.

– Отвечу вам словами европейца. Профессор Вестфали считает, что русская народная песня, по своему богатству, бесспорно должна занимать первое место среди всех народов земного шара. Не стоит недооценивать крестьян. Коллективный народный разум создал эти песни. Он впитал мудрость поколений, столетий и многих людей. К примеру, Аринушка Колобаева, исполняет песню о Деве Марии. Сегодня она пела вариант стиха, где жиды, обращаясь к Божьей Матери, говорят: «не мы девушка, не мы Христа распяли».

Ни у малороссов, ни у одного славянского народа нет такого обращения к Богородице. Лишь только одни поляки называют её Святая Девушка. Откуда в Воронежской губернии, в памяти народной эта песня? А это ведь только один, маленький пример единства культуры. Получается, в вас госпо-

да меньше Европы, чем в крестьянке из села Александровка! Вы свои песни слышали от иноземцев в театре, а она от своей матери в поле.

– Это звучит настолько удивительно, что сложно поверить...

– Действительно, нельзя не удивляться, что в старину, русские крестьяне говорили музыкальным языком близким к языку творцов фуг и сонат, и что русский народ без помощи учителей добыл целый ряд тех же музыкальных средств, коими пользуются серьёзные, образованные композиторы. Ни у одного народа нет таких богатых в гармоническом отношении песен, как песни русские.

– Возможно вы правы, но не слишком ли тогда сложно всё это? Ведь то, что вы сказали, понимает лишь малое число членов консерватории и этнографического общества.

– Русская песня, как и всякое настоящее искусство, представляет собой ценность абсолютную и безотносительно к уровню знаний слушающего. Суть этой ценности – ярко выраженный уникальный стиль с встречающимися только тут, и нигде более, приёмами. Это главный критерий искусства самой высшей пробы, коему в полной мере соответствует народная песня.

Митрофан, одеваясь в гардеробе, услышал аплодисменты прервавшие речь Пасхалова.

Обернулся к выходу и столкнулся с господином в модном, полосатом пиджаке. Золотистый жилет с вышивкой обтяги-

вал выдающийся живот. Пуговицы, казалось, еле держались, и могли в любую секунду дробью рассыпаться по паркету. Золотое пенсне чуждо торчало на широком, рязанском лице. Бордовые щёки раздувались сытой важностью...

– Господин Пятницкий! – начал он, придержав Митрофана за плечо пухлой рукой. – У меня к вам есть очень хорошее деловое предложение. Я не займу только две минуты, и вы точно не пожалеете!

– Слушаю вас, – ответил Митрофан, из вежливости, уже догадываясь, кто этот господин.

– Позвольте представиться, Прохор Дмитриевич Шевлягин, хозяин ресторана «Золотой фазан». Вы вероятно слышали, у нас собирается исключительно состоятельное общество, и господа получают всё самое лучшее. В том числе, в качестве развлечений. Я был в зале, и поговорил с авторитетными людьми, разбирающимися в таких делах. Все в один голос уверяют, что ваш хор будет гвоздём этого сезона. И я готов предложить очень хорошие деньги, за выступления в моём ресторане. Я имею ввиду серьёзную сумму, и уверяю, даже «Яр» не заплатит вам больше. Предлагаю обсудить все тонкости завтра за обедом. Как вы на это смотрите?

– Я никак на это не смотрю, и выступление в ресторане невозможно. Извините, я плохо себя чувствую, и вынужден откланяться, – ответил Митрофан, пытаясь обойти грузную фигуру ресторатора.

– Пойдите, вы верно неправильно меня поняли, – Шев-

лягин вновь встал на его пути. – Господин Пятницкий, разве не желаете хорошо заработать? Или кто-то уже предложил вам контракт? Так вы скажите, берусь перебить любую сумму.

Митрофан отодвинул его руку и медленно, почти по складам произнёс:

– Достаточно и без нас желающих опозлить и унижить русскую песню пьяным ресторанным гаем. Подите прочь.

Не слушая более ничего, вышел на улицу. Вдохнул свежий, морозный воздух. Закревская помахала ему рукой из ожидавшей напротив входа пролётки. Митрофан махнул в ответ. Отойдя на пару шагов, обернулся и посмотрел на здание. Колонны тянулись вверх, к низкому небу, что тихонько сеяло снег на московские крыши и мостовые. Из окон мягко лился свет, окрашивая крупные снежные хлопья тёплым желтоватым цветом. Он попробовал поймать языком снежинку и улыбнулся. На Спасской башне ударили куранты.

«Пора», – подумал Митрофан, и шагнул к экипажу.

Глава 28

27 августа 1917 года.

Пыльный паровоз, шипя и чихая, медленно тащил цепь санитарных вагонов, с красными крестами на боках к огромному вокзалу. Поезд, вымотанный долгими неделями дороги, скрипел и подрагивал, словно сам горел в лихорадке.

По вагону прошла медсестра. Певучим, высоким голосом несколько раз повторила:

– Собираемся, солдатики. Москва. Помогите лежащим собрать вещи. Москва.

Иван Соломин смотрел в окно на проплывающие мимо глыбы фабрик и заводов. Высоченные трубы дымят, как сотня изб не дымит, топи их хоть самым сырым кизяком. Меж кирпичных домов растекается серыми ручейками рабочий народ. Но город не будил в нём никакого интереса. Последние дни, устав от духоты и боли, он неотрывно смотрел в окно на деревья, хаты, каменные постройки, вокзалы и поля. Все эти картины, вместе с ночными кошмарами, слились у него в один жаркий, липкий комок, который не давал хода мыслям. Он, то смотрел в окно, то валился на серые, в коричневых пятнах крови, простыни, бесцельно перебирая в памяти обрывки воспоминаний.

Иван впервые прибыл на передовую накануне наступления в Галиции. Весь день в дороге думал о том, каким будет

завтрашний бой, не зная, что продлится он для него всего несколько минут и станет последним.

Последним, наступление стало и для России в истории этой войны.

27 пехотный полк 8 армии расположился в июле 1917 в небольшом лесу, верстах в трёх от Калуша.

Вечером, сразу после прибытия, роту Ивана расквартировали на пустом хуторке. Спали в сарае, на мокрой гнилой соломе. Дождь лил всю ночь и затих лишь под утро, когда было приказано выходить на позицию.

Перед этим, с полчаса, артиллерия била в сторону города. Редкие выстрелы ухали за спиной и сейчас, когда они выстроились в цепь. Казалось расчёты, время от времени, находили ещё снаряды в ящиках, а командиры требовали их непременно израсходовать.

Иван почти не слышал приказов ротного. Они тонули во влажном туманном воздухе, прорываясь глухими, далёкими всплесками.

Примкнул штык, и взял винтовку наперевес, повторяя то, что делают идущие рядом товарищи. Поднялись на небольшой холм. Мертвенно серое небо затрепетало от разгорающегося за горизонтом пламени. Облака на глазах окрасились в розовый и тут же зазелели густо и ярко, как лампы на шароварах казаков. Солнце запылало, горячим кровавым сгустком продираясь среди пепельных туч.

Цепь пехотинцев растянулась на добрую сотню метров.

Впереди, в мутной дымке, виднелся Калуш, но кроме шпиля церкви разобрать очертания домов было невозможно. Названия городка раньше никто не слыхивал, но сейчас, на штабных картах, все красные стрелки вели к нему.

Ни солдаты, ни командиры не спешили. Пахло влажной, глинистой землёй и цветами. По мокрой траве шли вразвалочку, как на прогулке. Недавно Иван ходил так в селе, с гармошкой на плече. Мелькнуло перед глазами, как провожали его дружки, опрокидывая стаканы мутной бражки за столом с праздничной, вышитой скатертью. Вспомнил, как пела ему вечером Маша на лавке рядом с его избой. И в голове, совсем некстати к обстановке, занялась песня:

Ох, на штожа ты мой сад

О-ох, осыпaeшьcя.

О-ох мил, со всеми со людьми

Да прощаeшьcя...

Иван чувствовал – войне конец. Не победный, а просто конец. Пока сидели в резерве, ждал, что вот-вот прискачет адъютант из штаба и зачитает приказ перед строем: «Войне шабаш. Расходитесь до своих дворов. Еще успеете на второй покос». Но он не прискакал.

Потому приходится идти по этому полю, втапывая сапогами в мягкую от дождя землю ярко-желтые цветки пахучего донника.

Не успев рассмотреть конную сотню казаков, которые по левую руку пошли рысью в сторону ближних домов городка,

Иван услышал, как гроыхнуло впереди. Немецкая артиллерия заметила наступление и начала свою работу.

Первый же снаряд оглушительно ахнул за его спиной. Плотная волна воздуха толкнула Ивана лицом в траву и сразу, совсем рядом, второй взрыв горячей ослепительной вспышкой резко ударил в голову.

Всё, что было дальше, надолго погрузилось в густую черноту забытья. Изредка в голове вспыхивали отдалённые крики и стоны полевого госпиталя. Размыто, как на старых фотокарточках, мелькали тени людей в залитых кровью халатах.

Они изредка говорили непонятные слова, а потом накатывала боль, и сознание вновь терялось в непроглядной темноте. Иван иногда понимал, что еще жив, но до конца не был уверен в этом.

Только через несколько дней, в душном вагоне санитарного поезда, сознание стало возвращаться к нему. Тупая, пульсирующая боль мешала мыслям собраться. Он не сразу понял, почему на левой руке вместо пальцев туго замотанная бинтами культя, а правый глаз ничего не видит.

С поезда Ивана распределили в Морозовскую больницу. Положили в палату с тремя ранеными казаками.

Один, лежавший ближе всех, заговорил первым:

– Гутарют с Галиции вас привезли? Как оно там?

– Там ноне как везде. Хорошего мало, – неохотно ответил

Иван и отвернулся к стене.

Казак посмотрел на худую, ещё мальчишескую спину с выпирающими лопатками, покачал головой и не стал больше ничего спрашивать.

На следующий день была операция. Глаз спасти не удалось.

– Ты не переживай, солдат. Вот глянь, у соседа твоего, Афонькина, глаз вставили стеклянный. Лучше прежнего. И тебе такой же выправим! – успокаивал его доктор с жидкой бородкой, в тонких золотых очках.

Живой, улыбчивый Семён Афонькин тут же подошёл к кровати Ивана и предложил даже с некоторым удовольствием:

– Ну! Отличишь на спор? Какой глаз за настоящий пойдёт?

Иван скомкал в единственном кулаке край простыни.

– А руку как же? Тоже приделают – не отличишь? Не хочу на белый свет смотреть. Уходил на службу – первый парень на селе. А вернусь, кривой, да без руки. Кому такой нужен? Что делать буду? У церкви на милость просить?

– Да нешто ты один такой? Ну и лежи, убивайся. Надоест – скажешь.

Семён, махнув рукой, поморщился и пошел к своей койке.

Пару дней Иван лежал, разглядывая нехитрый лепной узор на потолке, словно стараясь прочесть в мелких трещинах штукатурки что-то скрытое и очень важное. Его бледное лицо, не смотря на густую щетину, напоминало лицо ребён-

ка, что заблудился в лесу и, свернувшись калачиком под кустом, со страхом ждёт наступления ночи.

Утром третьего дня он вышел в больничный сад. Товарищи по палате ждали, что прогулка излечит Иванову хандру, но вернулся он еще более подавленным и угрюмым.

После ужина, когда августовские сумерки быстро перетекли в ночь, он попросил Афонькина скрутить табачку и засобирался в сад.

– Это дело, – оживился Семен. – Я тоже как раз думал дыхнуть.

– Не. Я один. Похожу малость, мысли свои подумаю. Не беспокойся, – остановил его Иван.

– Ну как знаешь. Ступай, – вздохнул Семен, и отвернулся к окну, крутя между пальцев коробок со спичками.

Иван вышел в сад. Задрал голову и посмотрел в небо.

Повиснув на ледащей тучке, светится оглобля молодого месяца. Звезды над городом тусклые и безжизненные, торчат ржавыми гвоздями на небе, сером как перестоявшая пашня.

По выложенной булыжниками тропинке Иван прошел ко входу в прачечную. На туго натянутых верёвках колыхаются как призраки влажные простыни.

Достал из кармана шинели перочинный нож. Перерезал одну из верёвок. Трава укрылась чистым саваном из десятка простыней.

«Жалко сестричек. Перестирывать придётся», – подумал Иван.

Скомкал и сунул верёвку за пазуху. Мокрым, холодным клубком змей она впилась в грудь напротив сердца. Подошёл к большой яблоне, которую приметил днём. Толстые ветви криво изгибались, в бесплодной попытке достать до каменного забора.

Сел прислонившись к шершавому стволу. Рядом, в редкой траве, блеснули гладкими боками анисовые яблоки. Достал самокрутку, чиркнул спичкой и затянулся горьким дымом. Глянул вверх, на чёрные, крепкие сучья. Думать о чем-то не было больше сил.

Быстро затушил окурок о землю и полез уже за верёвкой, как вдруг услышал голос. Чистый баритон живо и легко выводил:

У ворот гусли вдали

Ой вдали, вдали...

И тут же присоединились еще несколько голосов:

Да гуляй жена до поры,

До вечерней до зари...

Иван замер. Еще вчера он сам играл эту песню, гуляя по слободе тёплыми летними ночами. Вспомнилось село. Звезды над соломенными крышами, сонные петухи, начинающие кликать зорьку, когда небо на востоке ещё и не думает розоветь, горячие губы Маши, её волосы, что пахнут мятой и клевером, как скошенная в саду трава...

Он не заметил, как начал тихонько подпевать:

Эх из-за садику сада зелена

Эх тута шли прошли двое молодца

Про душу одну, красну девицу...

Иван поднял яблоко, вдохнул приятный сладкий дух ани-са, и почувствовал, как стукнуло в груди. Он хорошо помнил, когда сердце стучало последний раз – на туманном галичанском поле под Калушем. Больше не надеясь услышать его, он и пришёл этим вечером в сад.

Сколько просидел под яблоней, не помнил. Может ещё минуту, может и целый час. Слёзы, проступившие на глазах, высохли. Месяц царапнул крышу больницы, мягким светом серебра покатые карнизы.

Подобрав с травы несколько спелых яблок, рассовал их по карманам.

В дверях палаты столкнулся с Семеном.

– Я уж искать собрался, – озабоченно сказал он.

– Не к чему. Нашелся сам. Вот гостинец вам принёс.

Он обошел палату и положил каждому на тумбочку по яблоку. Присел на койку к Афонькину.

Семён впервые заметил на его губах короткую, еле заметно мелькнувшую улыбку.

– Не знаешь, кто тут поёт? Я сейчас слышал. Песню как у нас в селе играют.

Афонькин не задумываясь, ответил:

– Известно кто, земляк твой, Воронежской губернии. Письмовыводителем служит в канцелярии, Пятницкий Митрофан Ефимович. Сам поёт – заслушаешься. Так собрал иш-

шо компанию по голосам. Зовем их «хор инвалидов». Они и дишкантят по вечерам, а мы ходим, иной раз, послушать. Дюже хорошо у них выходит.

Иван удивлённо приподнял брови и покачал головой, но ничего больше не сказал. Задумавшись, сидел на койке пока в палате не потушили свет.

Сон не шел. Прохладный ночной ветер мягко трогал белые больничные занавески. Иван долго слушал, как шелестят ветки яблонь за окном.

Глава 29

Митрофан пришёл на работу раньше обычного. Нужно было разобраться с кучей бумаг. В больнице, как и в стране, творился хаос. Клиника, ранее имевшая иную специализацию, давно перешла на приём раненых с фронта. Работы стало в несколько раз больше, и к тому же, после прихода к власти временного правительства, начались перебои во всём. Катастрофическая ситуация со снабжением основывалась, во многом, на путанице в документах. Ведомства, от которых зависело снабжение больницы, могли меняться по два раза в месяц.

Пятницкий заполнял очередной формуляр, когда услышал стук в дверь.

– Войдите, – сказал он не прекращая писать. Закончив абзац, поднял глаза. У порога, не желая его беспокоить, переминался парень в больничном халате. Одну руку держал за спиной. Левый глаз забинтован.

– Чем могу помочь?

– А я вас сразу узнал, Митрофан Ефимович, – парень улыбнулся нерешительной, скупой улыбкой.

Пятницкий присмотрелся внимательнее.

– Ваш голос мне положительно знаком. Но лицо не могу вспомнить. И эта, извините, повязка...

– Ванька я, из Задонского. Вы к нам приезжали когда-то,

песни записывать в трубу. У Краснова жили.

Улыбка осветила лицо Митрофана. Он вскочил из-за стола и крепко обнял Ваньку.

– Вот это встреча. А я часто тогда о тебе вспоминал. Садись скорее, чаю попьём. Рассказывай всё как есть. Как мама твоя, жива, здорова?

Иван присел рядом, у окна и потёр рукой лоб.

– Рассказ мой не дуже весёлый, Митрофан Ефимович. Мамы нету, а я теперь инвалид, – сказал он и вытащил культу из-за спины

– Как мамы нету? – прошептал Пятницкий.

Ванька, глядя куда-то под стол, заговорил. То тяжело и медленно, еле слышным шёпотом, то сбиваясь на нервную скороговорку.

– Отчим, когда с заработков вернулся, кто-то ему доказал, что мать вам оладьи с собой собирала. Бил её целый час. Сапогами топтал. Я мал был ещё. Кинулся поперек, он вдарил ухватом – так без памяти и упал. Вот, на лбу до сих пор отметина, – он вновь потёр рукой розовый шрам над правой бровью.

– И что же дальше, – спросил бледнея Митрофан.

– Лежала она неделю, стонала только. Последний день лишь в себя пришла. Про вас поминала. Гутарила: поправлюсь, уедем в Москву... И померла. Тихонько так. Я за руку её держал, и почуял, как душа отлетела... Вышло, что за оладьи убил её гад, – Иван опустил голову.

Митрофан почувствовал, как увлажнились глаза.

– Отчим... Было ему что?

– Не дожидался, как она помрёт. Уехал в город на другой день. Вернулся через полгода. Кто с него спросит. Я тогда к Краснову ушёл на совсем, конюхом. Знал, что отчим пить будет как всегда, до беспамятства. Метель садила под крещение лютая. Я ночью с огородов пролез на двор. Попробовал дверь – открыта. Зашёл украдкой. Глянул, а он валяется посередеь избы, храпит. Выволок его на дерюжке за сарай, прям в исподнем, и оставил так. Он даже не ворыхнулся. За-мело в минуту.

Дверь запер. Соседи его не хватились, подумали, что опять на заработки подался. В марте сугроб стоял, тогда и нашли. Рассудили, что на двор вышел пьяный, да и замёрз. Дело не хитрое. Вот так и посчитались.

– Бог тебе судья, Ваня, – сказал Митрофан, положив руку на его плече.

– Да вот Господь видно наказывает меня, – Иван посмотрел на культую. – И кривой на один глаз. Куда мне такому теперь...

– Не спеши убиваться. Сегодня такие времена наступают, всё меняется каждый день. Найдется и тебе место. Голос у тебя остался?

Иван подошёл к окну. Яблоневый сад как на ладони. Нашёл глазами ту самую яблоню, под которой вчера сидел. На скулах заходили желваки.

Через минуту, начав шёпотом, с каждым словом приобрета-
тая силу, запел:

У ворот гусли вдарили...

Глава 30

9 сентября 1918 год. Александровка.

Нюрка прибежала в школу первая. Опаздывать нельзя, на неё теперь будут равняться ребята – так сказала учительница, когда вручала похвальный лист.

Достался этот лист не легко, учитывая сколько уроков пришлось пропустить, работая в поле. Когда отец ушёл на войну, ей было пять. Помнила лишь, как сидела у него на коленях и чихала от табачной пыли, что просыпалась на рубаху из вышитого мамкой кисета.

С тех пор остались втроём: она с матерью, да дед. Как только Нюрка чуть подросла, начала помогать по хозяйству, а в восемь лет в первый раз выехала со взрослыми в поле.

Осенью в их старом, покосившемся амбаре впервые за долгие годы лари наполнились хлебом до самых крышек.

Восемнадцатый год в Александровке дал урожай, равно, которому не мог сразу припомнить даже дед, который, как казалось Нюрке, жил на свете всегда. Шутка ли, он видел, как строилась церковь, а это было, поди, сразу после сотворения мира.

Год пролетел для Нюрки быстро, как ласточка чиркнула по небу. Столько всего интересного было, что начнёшь вспоминать, диву дашься.

Прошлой зимой выдалась целая неделя оттепели. В один

из дней, надсадной рысью, пробежал по слободе дед Анучин. Его латаные валенки оставляли тёмные следы в водянистом снегу перед избами. Дед стучал в запотевшие окна. Вышедшим на порог хозяевам сиплым шёпотом, словно по секрету, сообщал :

– Царя скинули!

Люди крестились, веря и не веря. Некоторые, на всякий случай, подносили деду мутной бражки, которую он пил как воду, быстрыми, короткими глотками. Неопределённо мотнув головой на прочие распросы, утирал бороду рукавом и бежал дальше.

Потом опять кого-то скинули, и сообщили, что новая власть красного цвета и землю всем будут раздавать, сколько влезет. Народ не знал что думать, пока батюшка не велел звонить в колокола. Тогда все нарядились в праздничное и пошли в церковь. Отстояли службу, а после гуляли и христовались как на пасху. У кого, что было красного в сундуках, вывесили на плетнях.

Так и пошла новая жизнь, которая Нюрке очень нравилась. Красная власть сообщила, что в школах надо обучать всех поголовно. В сельсовете тому было подтверждение – на полке где раньше стояли иконы, лежала газета с фотокарточкой лысого дедушки, который теперь за место царя был. Хитро прищурившись, он грозил пальцем: дескать, учитесь и ещё раз учитесь, сукины дети.

Мать, подумав, пустила Нюрку на недельку походить в

школу. На пробу, раз Ленин так велел, а дале как выйдет. Дед поворчал, что пустое это занятие, и сроду такой моды не было, бабам грамоте учиться. Через неделю мать поговорила с учительницей, и та уверила её, что дочь очень способная и старательная. Так и стала она ходить в школу. А вчера получила похвальный лист за успехи в учёбе и образцовое прилежание. Попросила деда, тонким гвоздиком прибить его на самом лучшем месте, над столом, где обедали, чтоб всякий кто заходил, первым делом видел какова Нюрка.

Но в это утро учёба не заладилась. Только сели за парты, и учительница начала мелом писать на доске новые слова, за селом раздались сухие, резкие щелчки. Потом пару раз громыхнуло, как во время грозы, и стало тихо.

Высыпав на школьное крыльцо, ребята увидели, как по селу скачет казачья конница...

Учительница закрыла лицо руками и шёпотом велела идти по домам.

Нюрка понеслась швыдко, быстрее ветра. Но почти добежав до двора, оскользнулась и упала. Ткнулась лицом в жухлую траву, пахнущую сырой осенней прелью. Поднялась, и тут же едва увернулась от коня, которого осадил перед ней бородатый всадник. Чертыхаясь, он соскочил на землю. Нюрка, не теряя времени, прошмыгнула мимо него за плетень и понеслась к избе.

Казак направился за ней. Оставляя грязные следы, ступил в сенцы. На пороге его встретил дед.

Незванный гость снял фуражку и перекрестился на иконы. Повернувшись к деду сказал:

– Здорова, хозяин.

– И вас спаси Христос, – ответил осторожно дед. – Чьих будете и по какому делу?

– Будем мы станицы Мигулинской. Принимай гостей. Располагаемся квартировать у вас. Много в селе красных, дед?

– Я кубыть их красил. Мне едино, что красные, что в полоску – хлебом ишто никто не покормил.

Из-за занавехи вышла Нюркина мать.

– Вот и хозяйка, – казак разгладил усы. – Что же встала? Накрывай на стол.

– Не дюже богаты, квас да каша не заправленная, – ответила она, теребя в руках утерник.

– А мы не погребуем. Знай своё дело и не обидим. Так, Тимоха? – подмигнул казак вошедшему в избу приятелю.

Тот с прищуром зыркнул на хозяйку, оглядел тёмную комнату.

– Муж-то где? Небось с красными убёг?

– Вам бы всё одно, красны, красные, – проворчал дед присев на лавку. – На войну ушел в четырнадцатом. Боле не видали.

– А это что за агитация? – Тимоха подошёл к столу, над которым висел похвальный лист.

– За учение дали, – пискнула Нюрка с сундука, обрадованная, что кто-то обратил внимание на её лист.

– Сопля! – неожиданно гаркнул казак, смерив её хмурым взглядом. – Видал, чего удумали. Ежели каждая баба грамоте обучится... кто будет стряпать, кто за скотиной убирать? Совсем очумели вы тут?!

Покраснев лицом, он рванул с гвоздика похвальный лист и порвал его в клочки.

– Тимох, ну ты к чему это, – скривился первый казак. – Извёл бумагу, а на самокрутки ничего нет.

Нюрка посмотрела большими, наливающимися влагой глазами на белые обрывки, рассыпанные по полу и, не сдержавшись, заревела в голос. Прыгнула с сундука, и чуть не сбив с ног заходившую в сенцы соседку, бросилась вон из избы. Пробежала через двор в сарай и забилась в угол, где дед навалил сена овцам. Горячие слёзы обиды и несправедливости лились ручьём. Овца, с белой звёздочкой на лбу, выглянула через щель в загородке и равнодушно посмотрела на свернувшееся в комок, дрожащее детское тело.

Ранние осенние сумерки не принесли в село покой. Казаки, разжившись вином, где-то затеяли песню, где-то просто шумели, обсуждая грядущее, наступление на Москву. Ржали в каждом дворе кони. До хрипоты брехали на чужих людей кобели.

Мать заглянула к забившейся на печь Нюрке и тихо сказала:

– Одевайся в тёплое, пойдём далёко.

– Куда мамань, ночь же? – удивилась девочка.

– Поменьше говори, да собирайся живее, пока гости кудай-то отошли. По дороге расскажу.

Нюрка слезла с печи и увидела, как мать кладёт в узел вещи из сундука.

На крыльце ждал дед. Обнял внучку, перекрестил и коротко напутствовал:

– С богом.

Обнял и мать. Тень от избы скрыла его морщинистое лицо, по которому текли слёзы.

Огородами прошли до двора Колобаевых. Присмотревшись, Нюрка увидела две женские фигуры, идущие на встречу. Оказалось тётя Маняша с дочерью.

– Решились мы, – прошептала им Нюркина мать. – Дело идёт такое, что добра не жди. Гутарют, Мишку и Андрея Малаховых шашками порубили в анбаре.

– Пока морозы не вдарили, слава Богу, до Тишанки быстро дойдём, а там до Анны недалёко, – так же тихо ответила Маняша.

Оглянулись на очертания изб, постояли так минуту и пошли туда, где час назад закатилось остывшее на осеннем ветру солнце.

– Мам, а на что мы в Анну идём? – дёрнула она её за рукав.

– Мы не в Анну доченька, в Москву. Тут сама видишь, чего делается. Война и до нас дошла.

– А в Москве?

– В Москве всё не хуже. Там хор у Пятницкого. Сестра её Дуняшка, – она кивнула на темнеющую впереди фигуру, – и мать, живут при хоре. Маняша, вот, приехала не вовремя, хозяйство посмотреть. Обратно возвращается и по доброте своей нас взяла.

– А казаки не кинутся в догон? – подумав спросила Нюрка.

– На что мы им нужны, доча. Не думай уже о том, что там осталось. У нас теперь дорога только в одну сторону.

– А какая она Москва, больше Чиглы? Там тот дедушка живёт? – не отставала Нюрка.

– Какой дедушка? – не поняла мать.

– Ну, тот, из газеты. Ленин. Он нас встретит, мам?

– Ну, это навряд. У него делов и без нас хватит.

– У него хозяйство большое? А если, Бог даст, встречу его, всё про казаков докажу, как порвали мой лист.

– Ну, кто знает, может, и встретишь, – улыбнулась мать, взяла Нюрку за руку и прибавила шаг.

Глава 31

Утро выдалось суматошным. Ни свет не заря, раздался стук в дверь квартиры на Девичьем поле. Пятницкий быстро оделся и открыл. На пороге посыльный. Козырнул и отдал пакет.

Разговор о том, что нужно будет дать концерт для красноармейцев в Кремле, был давно, но конкретной даты не утверждали. И вот, в конверте сообщение за подписью коменданта, о том, что выступление назначено сегодня вечером, в клубе Кремля.

Митрофан немного удивился, что не предупредили хотя бы за пару дней. Сейчас у хора было жёсткое расписание. Концерты шли один за другим, иногда по два в день. Вместе с революцией на крестьянский хор обрушилась востребованность, о которой никто и не мечтал. Их хотели видеть везде. Благо, сегодня выдался свободный день, иначе пришлось бы отменять выступление ради кремлёвского концерта.

Теперь следовало собрать к вечеру хористов, которые в свой редкий выходной разбрелись кто куда. Он начал раздумывать с кого начать, когда опять услышал стук.

Открыл дверь. На пороге целая компания во главе с Ариной Колобаевой.

– Неожиданно и вовремя! – обрадовался Митрофан Ефимович. – Я как раз собирался вас навестить. Сегодня, вне

графика, концерт даём в Кремле. А вы, какими судьбами? Случилось чего?

Женщины прошли в квартиру.

– Случилось Митрофан Ефимович. Казаки в Александровке. Маняша еле ноги унесла, – начала Аринушка.

– Садитесь, – Митрофан указал на диван и выдвинул стулья от стола.

– Всех кто за красных был, собрали, и держут в анбаре, на базарной площади. Гутарют, бьют их там смертным боем, – продолжила Маняша. – Кирилку Кузнецова привязали к коню и хотели волоком по селу тащить, покуда не укатают до смерти. Он приподнялся, да бегом за конём, до самого пруда и обратно. Сдюжил, не упал. Казаки его в живых за то оставили. А красноармейца пленного не пожалели, живот шашкой распорол и на верёвке по слободе таскали. Слава богу, на нас никто не доказал. А казаки они разбираться не будут. Скажут: вот эти перед красными песни играли, и поминай, как звали.

– Да как же вы до Москвы добрались? – удивился Пятницкий.

– В ночь ушли вот с Семёновой Марфой, да с дочерьми. До Воронежа, где шли, где подвезли добрые люди. А там, в вагон набились правдами-неправдами. В три дня до Москвы долетели.

– Ну, слава Богу, что так, – вздохнул он.

– Возьмёте Марфу в хор, Митрофан Ефимович? – спро-

сила Аринушка. – Мы за неё и пришли просить. Голос подходящий, и песни наши знает. Куды ей ещё с дитём податься...

Митрофан взглянул на Марфу. К ней прижалась худая черноглазая девчонка.

– Хорошо, послушаем. Ждать нечего, сейчас и проведём репетицию. Голоса всегда нужны. Если ухватит быстро, то прямо сегодня на сцену. Никто не знает, что нас в Кремль позвали, нужно собрать хористов. Я сейчас сделаю несколько звонков, а вы пока пробуйте. Аринушка, начинай, а Марфа пусть подлаживается.

Через несколько минут в квартире на Девичьем поле зазвучали голоса.

Марфа быстро подладилась к знакомым с детства мотивам. Пела и оглядывалась вокруг. Рассматривала диковинные узорчатые шпалеры, статуэтки на комоды и цветы в горшках, не смея поверить, что жизнь так поворачивается, благодаря одной только песне. Скажи ей кто на прошлой неделе, когда работала в поле, что вскорости окажется в Кремле – посмеялась бы, и только.

Нюрка же, прижавшись к матери, сидела молчком. Как только утром вышли из поезда, она перестала донимать всех вопросами. Молчалива стала не с испугу. Широко открыв глаза, впитывала в себя всё, что видела вокруг – истинные чудеса. До разговоров ли, когда избы стоят огромной величины, что и сравнить не с чем, кресты на церквях так высо-

ко, аж за облака цепляются, а на улицах столько народу – сама учительница, поди, не сочтёт. Как бы чего не пропустить, пока будешь разговаривать.

Само время здесь течёт совсем по-другому. В Александровке день тянулся страх как долго. Когда в поле вяжешь снопы, сколько не гляди на солнце, никак оно не спешит прислониться ближе к размытому жаром краю степи. Кругом всегда одно: белая изба, подсолнухи на огороде, ромашки на выгоне, пыльная базарная площадь. Всё привычное и простое. В Москве же, откуда только берутся, идут каждую секунду новые люди. Каменные дома со сказочными лепными картинами, широченные, мощёные улицы, церкви в золоте, куполов – видимо, не видимо, и нет всему этому конца и края.

К вечеру Нюрка вместе со всеми оказалась в Кремле.

– Мам, а Ленин в какой башне живёт? – спросила она, когда вошли в большую комнату, где переодевались к концерту хористы.

– Не знаю я, где твой Ленин. Видишь, суета какая. Не мешайся под ногами. Посиди вон в уголочке, – она указала ей на маленький кожаный диван у входа.

Нюрка с неохотой отпустила мамкину руку и осторожно присела на скользкий край дивана. Просидела недолго и подумала: «Какая охота любоваться на своих баб, которые рядятся в праздничные сарафаны. Такого и в Александровке можно насмотреться на пасху. Не лучше ли проверить дво-

рец, мало ли какие там ещё чудеса».

Никем не замеченная она шмыгнула в коридор.

Погулять по дворцу не вышло. Прокралась лишь до конца коридора и увидела лестницу. По ней, громко стуча каблуками, спускались люди в военной форме. Худой, высокий мужчина, с острой бородкой, глядя на Нюрку строго спросил не оборачиваясь:

– Товарищ Аликин, что за ребёнок тут ходит?

– Не могу знать, сейчас выясним, – ответил идущий по правую руку от него мужчина в фуражке с красной звездой.

– Да уж спасибо. Выясним. Устроили проходной двор!

Нюрка обомлела. Хотела бежать, куда глаза глядят, но ноги не слушались.

И тут за спинами военных увидела знакомое лицо. Большой лоб, лысина, аккуратная бородка и лучистые, живые глаза. Только одет не в пиджаке, как на картинке в газете, а в жёлтой вязаной жилетке и рука висит, перебинтована, как у раненого.

– Ленин, – пискнула она. – Дедушка Ленин!

– Ты откуда тут, девочка? – спросил худой, неожиданно тёплым голосом.

Нюрка, не отводя глаза от Ленина, ответила:

– Я из Александровки. С мамкой. Она песни поёт.

– Ну, вот видите, Феликс Эдмундович, всё в порядке. Это девочка из народного хора. Как тебя зовут? – обратился к ней Владимир Ильич.

– Нюрка, – почти шёпотом сказала она.

– Вот что, Нюра, пошли в зал, там и мама твоя, наверное.

Не порядок тут одной ходить.

Мужчина в фуражке взял её за руку и все вместе они двинулись дальше по коридору. Открылись двери в огромный светлый зал, в котором не было ни одного свободного места. Нюрка вздрогнула от неожиданности, когда сотни красноармейцев вскочили при виде Ленина и захлопали в ладоши так, что у неё загудело в голове.

Все с кем она зашла сели в первый ряд. Нашлось место и ей. Хоть с самого края, а всё равно в одном ряду с Лениным.

Сразу же открылся занавес, и Нюрка увидела мамку и ещё несколько знакомых Александровских баб. К самому краю сцены вышел Митрофан Ефимович Пятницкий.

Шум в зале улёгся, и голос Пятницкого зазвучал ясно и отчётливо.

– Ни в чем так ярко не выразился жизненный уклад русского человека, как в песне. Веками композиторы-самородки из народа, рядили свою родную песню как умели. В своей песне народ изливал и грусть, и радость и веселье беспредельное. Песнями народ говорил с природой, воспевал цветы весенние, степи широкие, моря синие, горы высокие. Душа русского человека отражена в песне как в зеркале. И сегодня, жемчужины творчества русского народа мы с радостью покажем вам!

Он обернулся и взмахнул рукой. Хор грянул без раскачки.

За реченькой диво, варил чернец пиво

Чернеченько мой, чернец молодой.

Чернецово пиво разборчиво было

Чернеченька мой, чернец молодой.

После концерта, на выходе из клуба, Митрофана догнал комендант кремля Мальков.

– Митрофан Ефимович, одну минуту.

Пятницкий обернулся.

– Да, Павел Дмитриевич. Надеюсь, концерт понравился?

– Да, Владимир Ильич очень высоко оценил выступление.

Он хотел бы поговорить с вами лично. Вот возьмите, – он протянул бумагу с печатью. – Это пропуск. Подойдёте сюда завтра, к часу дня. Я предупрежу, вас проводят до кабинета.

Пятницкий взял бумагу и покрутил её в руках. Посмотрел на Малькова, не веря своим ушам.

– Я правильно вас понял, Ленин желает встретиться со мной?

– Да. Он хотел бы обсудить поддержку хора. Владимир Ильич всецело одобряет инициативу по продвижению в массы народного творчества. Возможно, нужна какая-то конкретная помощь в организации концертов, или требуется помещение для репетиций, продовольственные пайки для участников хора. Все эти вопросы мы в силах решить. Советская власть в первую очередь поддерживает крестьян и рабочих. То, что вы делаете, очень важно для нашего молодого государства.

– Да, хорошо, я непременно буду завтра, – сказал Митрофан Ефимович. Они попрощались.

Часовой на выходе с улыбкой приложил руку к козырьку. Пятницкий в ответ кивнул и коснулся края шляпы.

Хористы, не задерживаясь под занудным осенним дождём, уже разъехались по домам. Он вышел через Троицкую башню последним. Спешить никуда не хотелось. Спустился по мокрым, скользким ступенькам в Александровский сад.

Тусклый жёлтый свет фонарей, смешиваясь с морозящим дождём, окутывал Москву. В старых башнях и тёмных стенах Кремля, даже на фоне чёрного неба не таилось ни капли зловещей грозности. Вечные и родные, они казались такими же близкими как саманные избы в селе.

Пятницкий вышел на Тверскую. Проезжавший мимо извозчик осадил коня, но Митрофан покачал головой и, улыбаясь, зашагал по людной, не смотря на дождь, улице.

Хотелось просто идти и идти вперёд, не останавливаясь, чтобы как можно дольше пронести в себе чувства и мысли, которые овладели им: Его хор будет жить, русская песня не умрёт – вот самое главное. То, ради чего он родился на свет.

Капли дождя стекали по лицу. Счастье горячим дыханием обволакивало сердце.

Огни фонарей и витрин расплылись, а потом вспыхнули, загорелись, мигая и искрясь, закрутились как калейдоскопе. Ему показалось, что идёт не по мокрой мостовой, а выходит из-за кулис на сцену огромного, сияющего зала, и в ослепи-

тельном свете, тысячи людей встают со своих мест, встречая его аплодисментами. Он оборачивается и видит огромный хор, в котором невозможно сосчитать людей и слышит, как льётся песня:

Чтой-то звон, да чтой-то звон,

Да с нашей колокольни...